
ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
С ПРАЗДНИКОМ, ПОЛЬША НАРОДНАЯ!
Пабло Неруда: — И Я ПОКЛЯЛСЯ ЧЕЛОВЕКОМ...
Рассказ А. и П. Тур, иллюстрации Бор. Ефимова
Из записок следователя • Дом с башенкой

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 30 (1935)

19 ИЮЛЯ 1964

В новом, красивом доме в районе Беляны живут рабочие варшавского металлургического завода «Варшава». А это их дети...

Фото ТАСС.

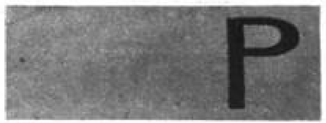
Москва, Кремль. Четвертая сессия Верховного Совета СССР шестого созыва. На трибуне — Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. ХРУЩЕВ.

Фото А. Гостева

ЧУДЕСНЫЕ ПЛОДЫ

А. Ф. ФЕДОРОВ,

дважды Герой Советского Союза, министр социального обеспечения Украины, депутат Верховного Совета СССР

Разумеется, слушая вместе с другими депутатами доклад Никиты Сергеевича Хрущева на нынешней сессии Верховного Совета СССР, я размышлял о той большой и нелегкой работе, которую предстоит нам проделать на Украине, для обеспечения колхозников пенсией.

Но вместе с этими, если так можно выразиться, должностными мыслями в голову шли и другие...

Вспоминалось детство: село Лоцманская Каменка, раскинувшее свои мазанки на днепровских кручах, школа — тоже мазанка, только побольше. И еще — строгие и в то же время добрые лица первых моих учителей — Полины Григорьевны Красовской и Луки Ивановича Пазюка.

Детство мое было безрадостным. Другим оно и не могло быть у сироты без роду, без племени. И если были в нем какие-то просветы,

Анастас Иванович МИКОЯН избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

все они связаны со школой. Да, это именно так — первые знания, первые представления о том, что хорошо и что плохо,— все это было заложено в стенах той самой неказистой мазанки, в которой помещалась наша четырехклассная начальная школа.

Ежели, как говорится, смотреть в корень, именно учителя заложили основы воспитания всей великой армии замечательных людей, которые своим трудом и беззаветным мужеством прославили нашу социалистическую державу. И сами они, учителя, в тяжкие дни военных гроз оставляли мирное свое занятие, брались за оружие и на собственном примере показывали, как нужно любить и защищать Родину.

В нашем чернигово-волынском партизанском соединении командиром одного из отрядов был Александр Петрович Балабай — в мирное время директор средней школы села Перелюб, Черниговской области. По решению обкома партии он остался партизанить во вражеском тылу. Вместе с ним, увлеченные его примером, пришли в наше соединение и многие из его учеников, которые, как это вскоре выяснилось, оказались прекрасными воинами. Среди них, например, был знаменитый разведчик Алексей Ермоленко, доставивший своими дерзкими поисками немало хлопот гитлеровскому командованию...

Словом, мне не раз приходилось благодарить Балабая за то, что он воспитал таких смелых и мужественных партизан!

А врачи? «Наш народ высоко ценит людей, отдающих свои силы охране здоровья трудящихся»,— сказал с трибуны сессии Верховного Совета СССР Никита Сергеевич Хрущев. Да, мы всегда высоко ценили, ценим и будем ценить этих самоотверженных людей. Свою благородную миссию они мужественно выполняли и в дни войны и в дни мира.

Не могу не вспомнить сейчас главного хирурга нашего соединения Тимофея Константиновича Гнедаша. Он прилетел на партизанский аэродром под село Боровое с опозданием: соединение уже ушло в рейд. С огромным трудом и с опасностью для жизни двинулся Гнедаш вдогонку, присоединившись к горстке партизан, возглавляемых Героем Советского Союза Ф. И. Кравченко. На этом трудном пути пришлось Гнедашу выполнять, помимо своих прямых, и отнюдь не хирургические обязанности: нести караул, ходить в разведку, разводить костры, готовить пищу.

А ведь он мог и отказаться от всего этого и, не застав соединения, вернуться на Большую землю тем же самолетом. Но Гнедаш знал, что его ждут раненные в боях партизаны и те, которым суждено быть ранеными. Он считал своим долгом врача сделать все, чтобы спасти их. И он не вернулся...

Могут спросить: к чему все эти военные воспоминания? Какое имеют они отношение к пенсиям и пособиям колхозников и повышению заработной платы работников просвещения, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, торговли, общественного питания и других отраслей народного хозяйства, непосредственно обслуживающих население?

Но мне, участнику гражданской войны, партизану Отечественной, человеку, пережившему горе тяжелейших потерь и радость величайших побед, в дни обсуждения нового закона невозможно было не вспомнить о трудных военных временах.

Я слушал доклад Никиты Сергеевича и думал о том, что кровь, пролитая на фронтах и в партизанских лесах, и пот, пролитый в мирное время, в созидательном труде, не пропали даром. Мужество и бесстрашие в бою, самоотверженный труд — все то, что мы пережили и переделали за годы Советской власти, нынче приносит чудесные плоды.

НА СЕЛЬСКОЙ УЛИЦЕ ПРАЗДНИК

Семен ШУРТАКОВ

Каждое лето я бываю в родном селе на юге Горьковской области. Колхоз наш хоть и не самый богатый в районе, но, в общем-то, сильный, крепкий колхоз. Председательствует в нем вот уже двадцать лет бессменно наш же односельчанин с редким именем Сад — Сад Георгиевич Кабенков. Достаток колхозников из года в год растет, добрая половина села за последние годы справила новоселье. Ну да это особая тема, а сейчас хочется вспомнить о другом.

Бывало, в разговорах с односельчанами, особенно с пожилыми, нет-нет да и приходилось слышать:

— Живем, не жалуемся. Вот только что-то нас никак с городом поравнять не могут. Рабочий и колхозник — они же братья; помнишь, когда еще ты в школе учился, стихи такие были: «Мы с тобой — родные братья; ты — рабочий, я — мужик...» Да и колхоз наш называется «Друг рабочего». А вот доходит дело до старости — рабочему пенсия, а нам вроде бы не положено. Разве мы живем не в одном государстве?! Вот ты грамотный, ученый — растолкуй...

Каким бы грамотным и «ученым» ты ни был, не так-то просто было в ту пору отвечать на эти вроде бы бесхитростные вопросы. Да, у нас в стране существуют две формы социалистической собственности: государственная и колхозно-кооперативная. Да, эти две формы собственности сложились исторически и, придет время, сольются в одну, а пока что уровень производства в некоторых колхозах еще недостаточно высок и доходы не столь велики, чтобы делать отчисления на пенсии. Все это так, все это колхозники знали не хуже меня. И, однако же, вопрос по-прежнему оставался открытым.

А вот еще пример. В соседнем районе с довоенных пор работает бригадиром тракторной бригады мой старый друг Николай Григорьевич Фузеев. С Фузеевым мы когда-то учились на первых в области курсах комбайнеров, первыми — он в своем районе, я в своем — садились за штурвалы комбайнов. Николай Григорьевич и по сей день не расстается с машинами. Но, перейдя из МТС в колхоз, он стал колхозником и, значит, тоже не имеет уже тех прав — и на отпуск и на обеспечение по старости ли, по инвалидности ли,— какие есть у рабочего.

Так вот, если своим односельчанам можно было хоть что-то говорить насчет двух форм собственности и разного характера сельскохозяйственного и индустриального труда, то что можно сказать старому механизатору Николаю Григорьевичу Фузееву, если его труд даже мало и отличается от труда токаря или другого заводского рабочего?!

А еще есть у Николая Григорьевича жена Авдотья Васильевна — чудесная женщина. А еще и тем красива и знатна Авдотья Васильевна, что родила она Николаю Григорьевичу двенадцать детей — шесть мальчиков и шесть девочек. Все дети живы-здоровы, старшие уже вышли в люди: окончили техникумы, институты и работают кто агрономом, кто зоотехником, кто еще кем.

И опять вспоминаю, как спрашивала меня деревенская женщина, почему ее сестра в городе — нередко сестра не только в переносном, но и в прямом смысле родная сестра — при родах четыре месяца находится на государственном обеспечении, а она нет. Почему?

С огромной радостью услышал я весть о новом законе, который дает прямой и всем понятный ответ на все эти «почему». И мне бы хотелось только подчеркнуть, кроме материальной стороны, еще и моральную. Когда колхозник говорил: «Что ж нас не поравняют с рабочим — в одном государстве живем»,— он говорил это не только и, может быть, не столько из-за нужды, из чисто денежного, что ли, материального интереса. В его вопросе слышалась еще и обида. Как там ни объясняй, а ему это казалось несправедливым.

Новый закон утверждает эту справедливость. И он еще больше сроднит двух могучих братьев, на плечах которых стоит наше государство,— рабочих и крестьян.

Помню, когда принимался закон о пенсионном обеспечении рабочих и служащих, один мой односельчанин сказал:

— Это, конечно, очень хорошо и радостно. Только... только когда же и на нашу сельскую улицу придет такой праздник? А?

На днях я опять поеду в родное село. И я, конечно, обязательно увижу того мужика-односельца. И мне будет очень радостно услышать от него:

— Ну вот и на село пришел еще один большой праздник!

В советском социалистическом обществе благо каждого человека, как и благо всего народа, прямо и непосредственно связано с успехами в развитии экономики, с ростом производства продукции и производительности труда. Чем больше богатств будут накапливать своими усилиями рабочие, колхозники, интеллигенция, тем выше будет жизненный уровень каждого советского человека.

Из заключительного слова товарища Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР.

В. Гомулка и Н. С. Хрущев.
Москва, 1964 год.

ВОЗРАСТ ВЕСНЫ

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора, В. Пиотровского (Польша), В. Малышева.

Польское сердце

На разных языках в разных странах поют в стихах и песнях о сердце человеческом. Но в Польше оно — предмет особого поклонения. Сердца великих поляков после их смерти хранятся как святыни. В Варшаве, в Народном музее, есть зал-мавзолей, в котором под сенью старинных боевых знамен стоит на возвышении строгая мраморная урна с сердцем Костюшки, великого гражданина Польши. А сердце Шопена, покоящееся в Варшаве? К нему тоже приходят и преклоняют перед ним колени миллионы поляков.

Об этой традиции мне довелось вспомнить при обстоятельствах, совсем, казалось бы, не имевших отношения к славным былям и легендам, которыми овеяно польское сердце.

Польские друзья с гордостью показали мне короткую газетную заметку, текст которой для непосвященного не являл ничего из ряда вон выходящего. Вот это сообщение:

«В связи с тем, что все большее число судов снабжается двигателями Цегельского завода, дирекция завода предполагает создать в нескольких наиболее оживленных морских портах мира фирменные склады с самыми необходимыми запасными частями».

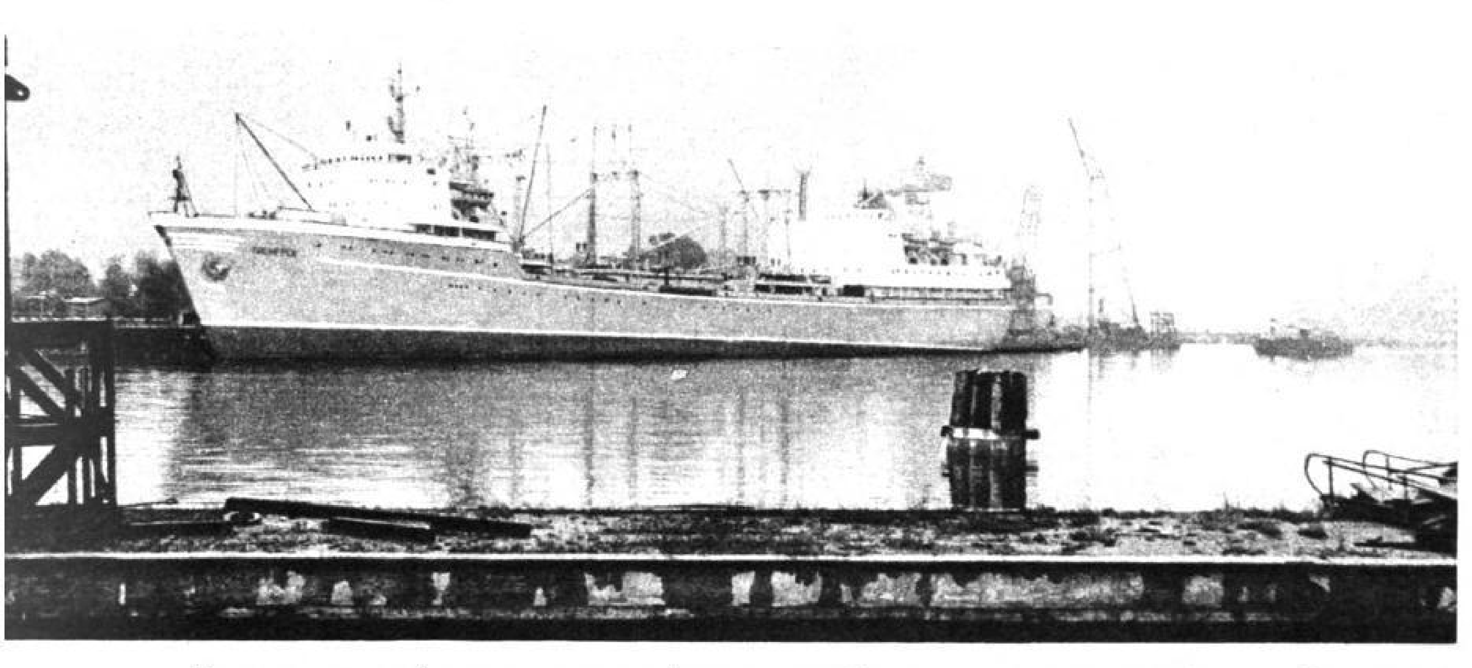
— Вы понимаете, что это значит для нас, поляков? Польский корабль с польским сердцем! Вы представляете, что такое судовой двигатель, изготовленный на Цегельском заводе? Высота его доходит до высоты двухэтажного дома, а вес — до 300—400 тонн! В каждом из них более 40 тысяч деталей. И все это польское!

С такой же гордостью показывали поляки промышленные гиганты Верхней и Нижней Силезии, когда мы ездили по Бытому, Катовицам, Хожуву, Гливицам, Новой Гуте, Вроцлаву... Там среди причудливых наземных сооружений шахт и среди высоченных труб металлургических заводов бьется стальное сердце новой Польши. Добываемые там металл и уголь позволяют на Цегельском заводе и на десятках других строить польские судовые двигатели, станки и машины. Промышленность страны в девять раз превысила довоенный уровень. Все значение этой цифры раскрывает хотя бы такой факт: по экспорту судов Польша вышла на шестое место в мире, опередив, например, Англию. И это Польша, в недавнее время почти лишенная выхода к морским просторам!

Атомный реактор, рубиновый лазер, изотопы в медицине и промышленности, кибернетические и электронные научные и промышленные центры — все это с законной гордостью демонстрируют поляки в Варшаве, Кракове, Вроцлаве и других городах.

Но в эти дни, в канун 20-летия новой Польши, сердце польское переполняется не только гордостью за успехи родины. Оно пере-

Гданьская судоверфь — одна из крупнейших в мире. На снимке: плавучий рыбозавод «Пионерск», построенный по заказу СССР.

полнено и чувством братской любви и благодарности.

Слишком много и долго боролся и страдал польский народ, чтобы забыть сегодня о тех, кто помог ему. И он не забыл.

В эти дни, как и двадцать лет назад, снова и снова звучат здесь имена советских маршалов, генералов, офицеров, солдат — героев великой битвы. В крупнейшем промышленном районе страны — Верхней Силезии — я слышал и от шофера, и от директора завода, и от многих других поляков один и тот же полный восхищения и сердечной благодарности рассказ о блестящем маневре маршала Конева, спасшего в конце войны этот благодатный край от разрушения. Наверное, этот маневр занял должное место в трудах военных историков, но важнее то, что имя русского маршала, образ русского брата-освободителя теперь навсегда в польском сердце, неотделим от него.

В другом индустриальном районе Польши — Нижней Силезии — овеяны легендами имена многих советских воинов. Здесь, в городе Вроцлаве, гремели последние залпы второй мировой войны. Здесь уже в День Победы и после него сложили свои головы многие советские офицеры и солдаты. И когда идешь по кладбищу советских офицеров на окраине Вроцлава, когда видишь могилы с беломраморными памятниками, цветы на них, когда видишь людей на кладбище,— еще и еще раз убеждаешься, сколь благоговейно и свято относится поляк к могилам советских воинов, павших на польской земле. И так не только во Вроцлаве.

Кровное братство. Горе и поражения, труд и борьба, счастье и победа — все вместе, все пополам. И главное — победа, тоже совместная.

Много сказано и еще больше будет сказано о подвиге польского народа в минувшей войне. Но вот только две цифры. Немецкие фашисты, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением польского народа, создали на территории Польши Освенцим и другие концлагеря — 14 тысяч центров уничтожения. И в то же самое время, когда там дымились зловещие трубы крематориев, в оккупированной, но непокоренной Польше выходило 1 600 подпольных изданий движения Сопротивления.

Кровное братство. Наверное, поэтому мне, немало поездившему по свету, все время казалось в Польше, что я нахожусь не за границей, а среди своих. И милый русскому сердцу, словно бы родной пейзаж, и привычный настрой души встречавшихся мне людей, и бесчисленные нити, связывающие наши народы и ощущаемые на каждом шагу,— вот что находит русский человек сегодня в братской Польше.

И, наконец, еще раз о сердце. Оказалось, что существует не только образная, но и прямая связь между стальным польским сердцем для польских судов и живым, полным крови человеческим сердцем. Недавно на том же самом Цегельском заводе, что изготовляет судовые двигатели, освоено производство «искусственного сердца» — аппарата для проведения операций на открытом сердце. Это самое последнее слово современной науки и техники.

Молодость, юмор, мода

По автостраде мчится мотоцикл. На нем двое в спортивных доспехах и ярких шлемах. Впереди парень, за ним девушка.

Если бы я был художником, то именно так изобразил бы символ новой Польши.

Сотни километров посчастливилось проехать мне по польским дорогам. И я видел тысячи вот таких мотоциклов с непременной молодой парой. Они летят вперед, бесстрашно, навстречу ветру, как бы обгоняя время...

Я создал бы именно такой символ, потому что Польша — страна молодых. Статистика свидетельствует: более $^2/_3$ населения страны моложе 35 лет (война унесла шесть миллионов жизней).

Польша не только край молодых, но и новая страна: половина ее населения не жила ни дня при капиталистическом обществе. Всюду я встречался с одним и тем же характерным явлением: подавляющее большинство специалистов — молодые люди, окончившие высшую школу уже в послевоенное время.

В партийном комитете в городе Прушкуве на несколько часов затянулась наша беседа с его руководителями. Им нет и сорока. А это один из крупных индустриальных центров. В Верхней Силезии на промышленных гигантах я встречался с директорами и главными инженерами, которые едва перешагнули 30-летний рубеж. В городе Гливице, на одном из крупнейших в мире заводов по производству вагонных колес, я познакомился с главным инженером завода (разумеется, тоже молодым) Стефаном Рудным. На мой вопрос о его возрасте он, смутившись, ответил: «Нашему директору 35 лет». Во Вроцлаве на ведущем электронном польском заводе «Эльвро» его директор Стефан Рыльский встретил меня сообщением о том, что я являюсь первым советским журналистом, посетившим этот завод. И, вероятно, по этому поводу он собрал все руководство завода. Было похоже, что это собрались если не студенты, то во всяком случае аспиранты. Там же, во Вроцлаве, никто не упустит случая познакомить приезжего с корифеями Вроцлавской математической школы, которая прославлена на весь мир. Корифеям кому чуть меньше, кому чуть больше тридцати лет. Вот, например, возраст двух выдающихся вроцлавских математиков: Казимеж Урбаник — 33 года, Стефан Пашковский — 28 лет.

Народ, познавший много горя и невзгод, любовно растит своих молодых граждан. Это заметно на каждом шагу.

Сейчас разгар лета, каникулы, но в каждом городе встретишь

Сотни варшавян в канун праздника отправились в мотопробег по местам сражений второй мировой войны. На снимке: сбор участников пробега.

даже за получасовую прогулку несколько громкоголосых групп школьников. Вытянувшись вдоль улицы, они идут парами, вместе со своими учителями, в парки и на пляжи, в музеи и театры.

Вот входит в древний краковский замок Вавель колонна школьников из деревни Либицы. Все в красочных народных костюмах, в руках у девочек полевые цветы. Они идут под сень старинного костела и спускаются в подземелье. Там, в каменном саркофаге, покоится прах народного героя Костюшки. Все становятся полукругом, вперед выходит девочка и читает стихи. Затем на саркофаг возлагаются цветы.

Любовно и растроганно смотрят на школьников пожилые поляки, также пришедшие поклониться праху великого польского гражданина.

Юность новой Польши знает и чтит славную тысячелетнюю историю своего народа. Да и как ей не знать и не чтить ее! Всюду видишь, сколь свято и бережно охраняются и продолжаются традиции именно теми, кто столь успешно создает новое.

Многие города, которые веками строил и украшал польский народ, были разрушены во время войны. Со скрупулезной точностью, с любовью поистине материнской восстановлены ныне старинные архитектурные ансамбли — целые города в современных городах страны. Органичен этот чудесный сплав древней и новой Польши.

Варшава, Вроцлав, Гданьск... Невозможно без волнения проходить по старинным изумительной красоты улицам и площадям этих городов. Невозможно без волнения слушать поляков, которые говорят тебе:

— Двадцать лет назад здесь были одни руины.

Надо было построить после войны тысячи новых жилых домов, простых, удобных, современных. И они были построены. И в то же время были воссозданы древние замки, дворцы, костелы, улицы и улички, площади и рынки.

Глядя на эту возрожденную красоту, еще и еще раз осознаешь, как много вынес на своих плечах польский народ. Но неистребима его воля к жизни, не огрубела, не изнурилась душа его.

Веселым плеском полнокровной жизни шумят города и села польские. И искрится, сверкает своими многоцветными гранями польский юмор — первый признак душевного здоровья и силы.

Поляки любят шутку, острое словцо, сатиру. В первую очередь они не прочь посмотреть в зеркало на самих себя. Каждое замеченное в своем отражении пятнышко они не оставят без внимания и пройдутся по нему остроумно, а порою и зло.

Это не фига в кармане, не шипенье из-под обывательской подворотни. Это право людей на самокритику, потому что они сильны. Это демократия.

Руководитель промышленного гиганта, обрисовав в общих чертах предприятие, совсем неожиданно для меня начинает говорить о досадных недостатках, еще мешающих работе. Даже на Гданьской судоверфи, одной из крупнейших и лучших в мире, мне, без всякого на то моего поползновения, не преминули сказать и об узких местах (кстати, для стороннего наблюдателя незаметных). Секретарь райкома партии, видя, что наша беседа благополучно подходит к концу, вдруг начинает рассказывать о хулиганстве в районе и борьбе с ним. И рассказ его не лишен остроумия.

Поляки искренни. Не любят громких фраз. И предпочитают им здоровое чувство юмора. Они ценят юмор и сатиру, отдают им должное не только в деловой и дружеской беседе, но и в печати, литературе, искусстве.

...Многое сделано поляками за двадцать лет. Многое еще предстоит сделать. И что характерно — они стремятся делать все не только хорошо, добротно, но и красиво, в стиле современном, в стиле нашего динамичного века. И это — уже не только стремление. Во многих случаях это — уже завоеванное признание.

Польские художники-плакатисты, архитекторы, кинорежиссеры одерживают одну за другой победы на крупнейших международных конкурсах. Современная польская культура неотделима от прогресса двадцатого века.

Броская по форме и очень емкая по содержанию польская пресса. Радующие глаз своими формами и красками современные архитектурные ансамбли. Отличные покрои одежды, элегантная обувь, превосходная мебель. Все это действительно хорошо. Что касается быта,— модно, то есть современно, практично, красиво, удобно.

Золотое колечко

Баку встретил Адама Столиньского порывами сумасшедшего осеннего ветра. Он свистел в ушах, легко пробивал плащ и, казалось, пронизывал тело насквозь. Поеживаясь от холода, Адам не без зависти вспомнил о тех, кто поехал в Москву и Ленинград. Занесло же его в Баку!..

Было это уже четыре года назад. Тогда в этот неведомый им город приехало всего лишь пятеро молодых поляков, четверо парней и одна девушка. Едва они переступили порог студенческого общежития, как узнали, что с их приездом число национальностей в нем перевалило за два десятка. Пятерых поляков сразу захватили в свои дружеские объятия, завертели, закружили в стремительном вихре студенческой жизни азербайджанцы и русские, арабы и украинцы, болгары и армяне.

Адама и его соотечественников с первых дней покорил город. Своей грандиозностью, красотой и дружелюбием. Их покорил и сам индустриальный институт — целый город в городе.

Свои первые каникулы Адам провел в горах Кавказа, в другой раз путешествовал по Средней Азии. И, странное дело, не перестает удивляться Адам — нигде он не чувствовал себя иностранцем, чужим.

Может быть, поэтому его теперь никак не отличишь от наших студентов. Рослый, стройный блондин с голубыми глазами, худощавый, загоревший и обветренный, одетый по-студенчески просто, чуть небрежно, он только акцентом выдает свое польское происхождение.

Он радостно и жадно удивляется жизни, но по молодости, конечно, не осознает своего самого счастливого жребия — права жить в новое время, в которое тысячи молодых людей шагают через границы государств, словно через порог комнаты. Шагают с открытым сердцем, навстречу дружбе.

Мы стоим с Адамом под ласковым июльским солнцем Варшавы. На этот раз он все-таки выбрался на каникулы в Польшу. Но он весь еще там, в Баку, в СССР. Он не то чтобы с восхищением, а с благоговением говорит о том, на сколь высоком уровне ведется дело в бакинском институте. Он надеется стать через полтора года неплохим инженером-химиком.

Адам перехватывает мой взгляд: я невольно несколько раз покосился на дамское золотое колечко с голубым камнем, едва налезшее на его мизинец. Это даже для студента несколько экстравагантно.

Румянец проступает через его бакинский загар. С юношеской чистосердечностью Адам рассказывает мне о том, как встретил в своем институте студентку, на курс моложе. Русскую девушку. Это хорошо, серьезно говорит он, что она моложе на год: уже можно помогать ей в учебе, а мужчина всегда должен казаться умнее.

Колечко, она дала ему неспроста, не как сувенир. Он не расстается с ним и явно им гордится. На каникулах снимать его не собирается.

Адам не говорит о том, что у них будет дальше. Но, кто знает, возможно, пойдут дальше по жизни два инженера, поляк и русская, которых судьба свела вместе на азербайджанской земле.

Мы прощаемся с Адамом. Я остаюсь в Варшаве, а он едет в Люблин, к своей крестной матери. У него нет родителей. В Польше у многих из поколения двадцатилетних нет отцов и матерей. Их унесла война. Но родина, новая Польша, заменила им родителей, вырастила и воспитала их. У Адама два брата. Один уже работает инженером, другой учится в институте. Адаму, разумеется, не терпится повидать их. Они соберутся вместе за праздничным столом в день 20-летия освобождения Польши от фашистских захватчиков. Эта встреча будет лучшим памятником их отцу и матери, вернейшим доказательством торжества дела, за которое отдали свои жизни миллионы поляков.

Наши последние слова с Адамом — об этом великом празднике, подготовкой к которому живет сейчас вся Польша. Для Адама приближающиеся торжества тем более знаменательны, что встречает он их в Люблине, в городе, с которого 20 лет назад началось освобождение Польши.

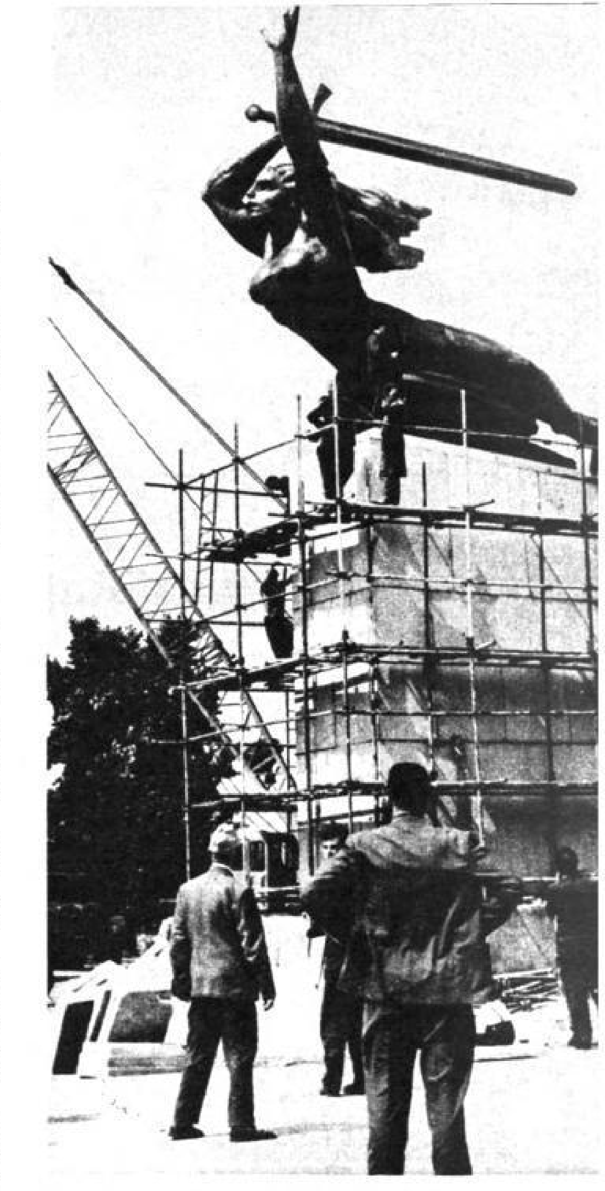
Поезд увозит Адама в Люблин, а я еду на трамвае в гостиницу. Из головы не идет Адам, я все еще слышу его порывистую, чуть застенчивую речь.

Достаю из кармана газету, читаю...

Все успешнее осваивается нефтепровод «Дружба», идущий и через Польшу. В югославском городе Скопле силами поляков строится «Варшавский квартал». Польские врачи работают в Алжире. Африканские студенты успешно сдали в Польше выпускные экзамены...

Мне понятно все величие событий, живущих за этими газетными строчками. Но сегодня они стоят для меня в одном ряду с воспоминанием об Адаме. И я вижу Адама, взволнованного и радостного, с его золотым колечком.

Варшава, июль.

В дни празднования 20-летия освобождения Польши от фашистских захватчиков в столице страны будет торжественно открыт памятник героям Варшавы (автор памятника — Мариан Конечный). На снимке: последние приготовления перед открытием.

Этот старинный район города Гданьска был разрушен во время войны. Сейчас он полностью восстановлен.

ГОВОРЯТ СОРАТНИКИ МОР

В дни, когда пришла скорбная весть о кончине товарища Мориса Тореза, в Советском Союзе находилась делегация ответственных работников Французской коммунистической партии. «Огонек» попросил их рассказать о Морисе Торезе.

Морис ТОРЕЗ

С глубокой скорбью узнали коммунисты мира, вся демократическая общественность, что 11 июля скоропостижно скончался выдающийся деятель французского и международного рабочего и коммунистического движения, пламенный революционер, верный друг Советского Союза, председатель Французской коммунистической партии товарищ Морис Торез.

Центральный Комитет КПСС направил Центральному Комитету ФКП послание с выражением глубокого соболезнования по случаю кончины товарища Мориса Тореза.

АРМАН ГИЙЕМО,
кандидат в члены ЦК ФКП, секретарь федерации ФКП департамента Морбиан

Известие о кончине товарища Мориса Тореза потрясло нас. Еще не прошло и двух месяцев после XVII съезда нашей партии, в котором Морис Торез принимал активное участие и произнес замечательную речь, подведя итоги съезда.

Для нашей партии, для всех трудящихся Франции, для международного коммунистического движения смерть Мориса Тореза — большая потеря. Он был лучшим из французских коммунистов, выдающимся борцом за дело трудящихся, за дело социализма. Он отдал много сил для укрепления дружбы между народами, в особенности дружбы между народами Советского Союза и Франции.

Морис Торез выковал Французскую коммунистическую партию, сделал ее великой партией, верной принципам марксизма-ленинизма. Вся жизнь нашей партии, все большие выступления ее против фашизма, за мир, за независимость колониальных народов связаны с деятельностью Мориса Тореза. В 1940 году он совместно с Жаком Дюкло подписал обращение, призывающее французский народ освободить свою землю от нацистских захватчиков.

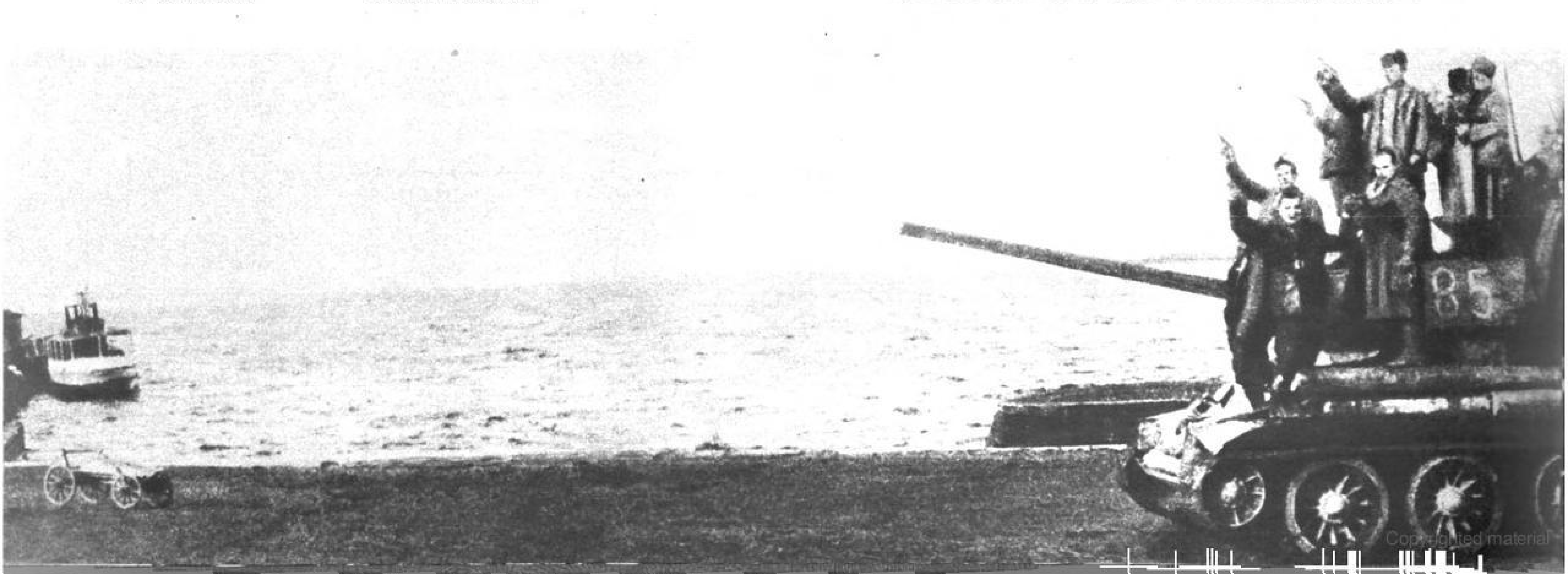
Огромную работу проделал Морис Торез, борясь за единство рабочего класса, за единство всех демократических сил страны. Он был руководителем Народного фронта, созданного во Франции в предвоенные годы, о котором трудящиеся Франции хорошо помнят.

Его речь на последнем съезде была страстным призывом к единству. Он завещал нам приложить все усилия, всю нашу стойкость, упорство и настойчивость, чтобы приблизить день, когда Франция узнает подлинную демократию и направит свою поступь к социализму.

Товарищ Торез был страстным борцом за мир, верным защитником принципов мирного сосуществования.

ВАРШАВСКОЕ ШОССЕ

Л. СЛАВИН **Фото Я. Рюмкина.**

Наши войска вышли на берег Балтийского моря в районе Сопота.

...ИСА ТОРЕЗА

Он пользовался огромным авторитетом в рядах международного коммунистического движения, за единство которого на базе принципов марксизма-ленинизма он стойко боролся.

Мы находились в Москве, когда получили это тяжкое известие, и мы были тронуты до глубины души соболезнованием нашему горю, выраженным ЦК КПСС, теми словами, которые произнес товарищ Н. С. Хрущев на сессии Верховного Совета СССР. Наши партии солидарны в общей борьбе, и наша скорбь — общая скорбь.

Мориса Тореза больше нет, но дело, которому он посвятил свою жизнь, живет. Наша партия с честью выполнит свои задачи.

●

ЖОЗЕФ АЛЬБЕР,
секретарь федерации ФКП департамента Восточные Пиренеи

Каждый французский коммунист, все трудящиеся нашей страны сознают ту выдающуюся роль, которая принадлежит Морису Торезу в политической жизни Франции. История ФКП отмечена борьбой, которую вела партия под руководством Мориса Тореза, его политической прозорливостью, его стойкой марксистско-ленинской позицией.

Среди тех факторов, которые сделали ФКП первой партией Франции, партией, имеющей глубокие корни в народе, было внимание Мориса Тореза ко всем жизненным проблемам народа, его постоянная забота о воспитании боевых кадров коммунистов. Он всегда был вместе с теми, кому нужна была поддержка, чтобы сохранить бодрость духа для преодоления трудностей. Я вспоминаю такой случай. Депутатом от департамента Восточных Пиренеев с 1946 года был Андрэ Турнэ, боевой коммунист, который во время сражений против гитлеровцев был тяжело ранен и потерял руку. Ему нужно было собрать всю свою энергию, чтобы продолжать оставаться в строю на тех постах, которые ему поручала партия. Морис Торез постоянно помнил об этом человеке, заботился о нем. Позже, в 1956 году, Андрэ Турнэ заболел. В эти дни Морис Торез направил ему письмо. Это письмо было написано левой рукой, потому что его правая рука была парализована. Сам больной, занятый множеством проблем, руководитель партии пишет письмо товарищу по борьбе — и само оно стало свидетельством его железной воли. Оно помогло Андрэ Турнэ обрести новые силы.

Этот случай показывает, с какой любовью и заботой относился Морис Торез к своим соратникам по борьбе. Его человечность, его забота о кадрах партии, о наших семьях играли большую роль в сплочении рядов коммунистов. Прекрасный образ Мориса Тореза как человека и как руководителя партии навсегда останется в нашей памяти, будет служить примером для коммунистов Франции, будет помогать высоко нести знамя, которое передал нам Морис Торез.

Морис Торез с женой и детьми (1949 год). На коленях у Мориса Тореза—Поль; на руках у Жаннеты Вермерш—Пьер; стоят Морис и Жан; слева от Жаннеты —ее мать.

Морис Торез поздравляет советского спортсмена Леонида Иванова, выигравшего традиционный массовый кросс на приз газеты «Юманите».

ТЯЖЕЛО ПОВЕРИТЬ

Нет Тореза. Тяжело поверить в это.

Вспоминается дом его в Каннах. Вспоминается снег, заметающий дорогу, деревья. За окнами мандарины, как раскаленные угли, горят на ветвях. Кажется, они сейчас зашипят от неожиданно нелепого снега.

И так же красны угли в камине Там пляшет пламя. Хозяин высок. Улыбка его мягка и окутана дымкой задумчивости. Разговор идет об искусстве. Он вынимает рисунки Пикассо. Впрочем, весь дом пронизан этой дружбой революционера и художника. На стенах работы Пикассо. На столах горит его керамика. И в камине, как в багровом экране или в новой работе художника, мерцают горящие головешки, пожарища, Герника войны, тревога за судьбу человечества...

Он влюблен в живопись, Торез. Он увлекается геологией. Поэзия — геология души. Стихи он чувствует. И уже за полночь за столом, накрытым щедро и просто, как едят французские крестьяне, сын его Поль, стройный и светлоглазый, читает Верлена и Гюго. Торез пьет за поэзию.

А потом он выходит на крыльцо и, провожая, глядит вслед, положив на палку тяжелые добрые руки рабочего.

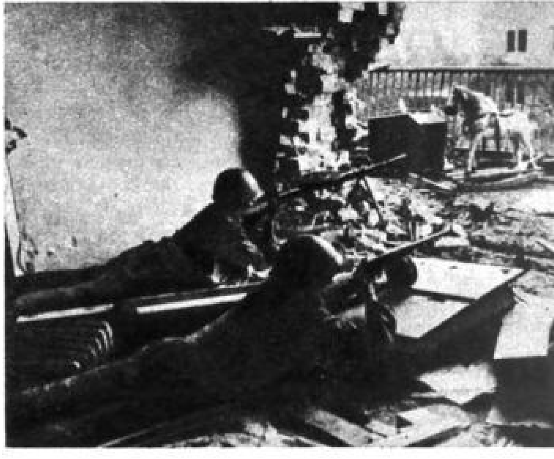
Андрей **ВОЗНЕСЕНСКИЙ**

На командном пункте польско-советских войск.

В окопах под Варшавой. Солдаты Войска Польского и советские бойцы.

Бой с немецко-фашистскими захватчиками в предместье Варшавы — Праге

Из Бреста мы увидели Польшу... Прошло двадцать лет, но я и теперь явственно вижу дымы горящего города...

На летной площадке, только что отбитой у гитлеровцев, стоял фанерный павильон. Совсем недавно здесь был штаб немецкой воздушной эскадры. Рядом — еще дымящиеся остатки «юнкерсов».

Высокий загорелый майор рассказывает мне, военному корреспонденту газеты «Известия»:

— Мы сбили их аса с тремя железными крестами.

Он говорит «мы», хотя сбил именно он. Я нахожу в старой записной книжке его имя: Зудилов, Герой Советского Союза. Он из полка Волкова, тоже Героя Советского Союза. В этом замечательном полку тогда было пять героев.

Лето сорок четвертого года было жарким. Поля вокруг Бреста колосились. Женщины жали золотое жито серпами. Все косы увезли немцы. Они не брезговали ничем. Даже рамы выламывали из окон и увозили к себе, на «цивилизованный Запад».

Я проехал мимо форта № 2. Его грозные бастионы только что умолкли. Немцы удвоили толщину их стен. Но все же они пали под ударами Советской Армии.

Не забыть трогательную теплоту, с какой встречали нас уцелевшие жители. На обочинах стояли цветы, кувшины с молоком. Когда наша машина проезжала по одной из улиц, ее остановил пожилой поляк.

— Объезжайте это место,—сказал он,— здесь мины.

Так он стоял и предупреждал все машины.

С особенным чувством переходили мы Западный Буг. Ведь здесь в сорок первом году фашисты начали свое вторжение. Здесь сражался героический брестский гарнизон...

Теперь, отступая из Бреста, три немецкие дивизии попали в узкую

горловину. Горяч был для них этот котел!

Провели пленных. Мне запомнился рослый офицер лет сорока. Он закрыл глаза грязными руками и плакал. О чем плакал немец над Бугом? Вероятно, о позоре Германии, о своей неудавшейся жизни. Молча смотрели на него наши воины и сражавшиеся бок о бок с нами бойцы Войска Польского...

Под Люблином мы обнаружили огромный фашистский лагерь уничтожения, теперь печально известный во всем мире Майданек. Впоследствии мы увидели и другие, не менее страшные памятники зверства гитлеровцев над народами Европы — Освенцим, Бухенвальд, Треблинку, Дахау. Но тогда, в сорок четвертом году, мы впервые увидели газовые камеры и печи, банки с человеческим пеплом, которым фашисты удобряли поля, сараи, набитые доверху обувью замученных людей, груды их волос.

У бойцов, увидевших все это, невольно руки тянулись к оружию, а кипевшие ненавистью взгляды обращались туда, на запад, куда бежали гитлеровские палачи.

— Догоним — взыщем!

Мы стремительно продвигались на запад по Варшавскому шоссе. А ведь начинается оно в Москве, где-то не очень далеко от Серпуховской площади. Не раз выезжали мы по нему на фронт. Сначала это был Малоярославец, потом Медынь, испепеленный Юхнов, Спас-Деменск, потом Рославль.

В начале войны название шоссе — Варшавское — звучало несколько отвлеченно. Фронт проходил по исконным русским землям. Но шли месяцы, и шоссе как бы удлинялось. Мы достигали по нему уже Рогачева, Бобруйска, развалин Слуцка. И, наконец, оно достигло Буга.

Но не остановилось здесь. Советские войска, громя немцев, как бы разматывали шоссе через польские города Бялу Подляску, Седлец, Минск-Мазовецкий. И вот наконец Варшавское шоссе начинает оправдывать свое название: мы под Варшавой.

Помнится, здесь, под Варшавой, я встретил офицера Николая Андреева, бывшего московского печатника. Ночью мы пришли с ним в один из батальонов его полка. Тьма кромешная. И вдруг голос невидимого часового:

— Стой! Кто идет?

Андреев сказал туда, в темноту:

— Здравствуй, Парамонов.

И осветил себя фонариком.

Голос из темноты обрадованно:

— Здравия желаю, товарищ подполковник!

Я удивился:

— Вы так хорошо видите ночью, Николай Трофимович?

— Да нет, — сказал он, — я знаю моих бойцов по голосу.

Андреев стал рассказывать мне об одном боевом деле на Висле:

— ...Немецкие автоматчики ударили нам во фланг. Тогда я собираю своих сыновей...

— Кого?— переспросил я.

— Ну, бойцов своих собираю и веду в атаку...

Больше я не удивлялся чуткости уха Андреева. Как же отцу не знать голоса своих сыновей!

Теперь фронт пролегал по Висле. Мы занимали варшавское предместье — Прагу.

Только что был сделан гигантский прыжок. С 23 июля по 2 августа наши войска шли без передышки от Витебска до Варшавы. Шестьсот километров единым духом, да с какими боями!

Надо было пополниться, подтянуть тылы, подсобрать технику, построить аэродромы, подготовить дороги, разведать, что впереди. В эти дни, вернее, ночи, маленькие отважные «У-2» сбрасывали варшавским повстанцам оружие и продовольствие.

В Прагу мы попадали по дороге, обстреливаемой противником. Да и сама Прага беспрерывно обстреливалась. Пожары там не утихали. Было много убитых, раненых...

И все же жизнь там шла своим чередом. Работали предприятия, торговал рынок, выходила газета «Жице Варшавы», номера которой я храню как реликвии. Прохожие старались придерживаться западной стороны улиц. Там дома защищали от снарядов...

...Недавно случилось мне быть в Варшаве. Впервые после войны. Как-то под вечер я возвращался к себе в гостиницу из Музея Войска Польского, где я работал над архивными материалами. Стоял мягкий вечер. Свернул к Висле и пошел по Костюшковской набережной. Низкое солнце золотило спокойные воды Вислы. Гул и грохот столицы приходили сюда смягченными. Летали чайки, шелестели каштаны. На безоблачном экране неба рисовались силуэты многоэтажных домов — новеньких, как все в современной Варшаве,— мосты, памятники, улицы, парки.

И вдруг воображение мое по закону психологического контраста извлекло из поддонных глубин памяти другую Варшаву. И в этот мирный летний вечер я увидел лед, припорошенный серым от копоти снегом, рваные полыньи от снарядов, вздыбленные обломки мостов и нас, мчащихся на броне самоходного орудия в хаос кирпичных развалин, называвшийся Варшавой.

Перед нами тогда развернулась картина варварского систематического уничтожения гитлеровцами большой европейской столицы. Это было сделано по приказу палача Гиммлера от 11 октября 1944 года: «Сровнять Варшаву с землей». По статистике Организации Объединенных Наций здесь погибло 850 тысяч варшавян.

Но уже на следующий день после освобождения Варшавы 17 января 1945 года город стал наполняться гражданским населением. Поляки отовсюду устремились в свою освобожденную столицу. Через две недели в варшавских руинах уже жило около двухсот тысяч человек.

Вскоре в Варшаву прибыл Н. С. Хрущев с большой группой советских градостроителей, включившихся в воссоздание польской столицы.

Между тем правый фланг наших войск достиг моря. Бойцы в Гданьске наполнили бутылки балтийской водой. На юге фронт приблизился к Радому. Памятными остались торфяные болота, перелески, побитые снарядами, ветряные мельницы, трагически простершие свои безжизненные крылья.

Вскоре после этого войска наши подошли к германской границе. Бои перенеслись на немецкую землю. Позади лежала освобожденная Польша. В ней начиналась новая жизнь.

Живопись наших друзей

К. МЫТАРЕВА,
научный сотрудник Эрмитажа

В польской столице с изобразительным искусством сталкиваешься сразу, как только переступишь ее порог. С заборов и домов, со специальных стендов и витрин смотрят на тебя яркие, оригинальные, непохожие друг на друга плакаты. Они извещают о съезде партии, о международной ярмарке в Познани и международной выставке книги, о новых постановках в театрах и новых фильмах и о многих, многих выставках.

Количество одновременно открытых различных художественных выставок просто поражает. Это и персональные выставки работ отдельных художников, и экспозиции произведений групп мастеров, и выставки по видам и жанрам искусства, как, например, польского политического плаката, польской книжной иллюстрации. Выставки устраиваются и в специальных выставочных залах, и во временно отведенных под них помещениях, и даже просто на старых стенах Варшавы.

Наиболее интересные выставки польского искусства прошлого и настоящего не раз бывали и у нас. Советские люди знакомились с историей польского народа, его жизнью и борьбой. О некоторых картинах, экспонированных на этих выставках, мне хотелось бы рассказать читателям «Огонька».

Картина Александра Герымского «Разгрузка песка» (1887 год). Главный герой — рабочие, которых художник изображает с явной симпатией. Полные внутреннего достоинства лица, мускулистые фигуры, белые, промокшие от пота рубашки. В картине нет ярко индивидуальных образов — дружно работающая группа людей. Мы ощущаем слаженность и четкость их движений. Один из рабочих задумался, глядя на покрытую легкой рябью воду. В нем как бы сконцентрирована вся та притягательная сила, серьезность и сосредоточенность, которыми наделил образы тружеников художник.

Картина очень невелика по размерам, хотя и выглядит значительной. Художник прекрасно передал в ней атмосферу пасмурного дня.

Большое место в польском искусстве второй половины XIX века занимала крестьянская тематика, но если вначале демократически настроенные художники изображали главным образом тяготы и невзгоды крестьянской жизни, то к концу века многие начали увлекаться фольклором, богатством крестьянских национальных костюмов, своеобразием их обычаев. Именно такова «Коломыйка» (1895 год) Теодора Аксентовича.

Картина отличается яркой красочностью, жизнерадостностью. Хорошо найдены художником крестьянские типы, позы, выражения лиц. Но особенно ему удались танцующие. Мелькают пестрые, яркие ленты и кушаки. Ощущается увлеченность, легкость, задорность...

Художники Польской Народной Республики, так же как лучшие из их предшественников, обращаются в наши дни к изображению того, чем живет их народ. Войчех Вейсс, писавший в течение многих лет красивые женские портреты и погруженные в дымку обнаженные фигуры, в Народной Польше, когда к искусству предъявляются новые требования, обратился к созданию образов трудового народа.

Картина Вейсса «Манифест» (1950 год), последнее созданное 75-летним мастером произведение,— его своеобразное завещание молодым польским живописцам. В основе картины лежит конкретное историческое событие: 22 июля 1944 года Польский комитет национального освобождения подписал манифест, обращенный ко всему польскому народу. Манифест призывал польский народ создать демократическое государство, сплотить ряды для решительной борьбы с гитлеровской Германией. Этот манифест читает один из рабочих, изображенных в картине Вейсса. Рядом с ним плотные, коренастые фигуры, группирующиеся вокруг красного знамени. Все это типичные представители польского пролетариата, непреклонные и полные решимости. Наиболее удачен в картине образ молодого рабочего, крепко сжимающего древко знамени, которое он уже не выпустит из рук.

Композиция картины очень проста, просты и цветовые отношения с подчеркнуто ярким акцентом — красным знаменем. Формы обобщены, ничто не отвлекает внимание от главного — сплоченной группы монументальных фигур, изображенных на нейтральном фоне. В картине нет выраженного активного действия, но она изображает момент большого исторического значения.

Историко-революционная тематика нашла свое отражение и в творчестве художника среднего поколения Александра Кобздея. На выставке 1951 года, посвященной памяти стойкого и мужественного революционера Феликса Дзержинского, одним из лучших произведений была картина «Дзержинский по пути в Сибирь», получившая государственную премию.

Дзержинский — композиционный и психологический центр картины, он противопоставлен художником другим ссыльным, жмущимся к стене пересыльной тюрьмы. Суровое свинцовое небо, безжизненная снежная пустыня, мороз усиливают эмоциональное начало, способствуют созданию драматического напряжения.

Художники Народной Польши постоянно обращаются к тематике, связанной с образом Ленина. Когда в ознаменование 90-летия со дня рождения Владимира Ильича музей Ленина в Варшаве и Союз польских художников объявили конкурс на ленинский плакат, было представлено 170 проектов. Проехал тысячи и тысячи километров, пересек многие границы, посетил десятки городов Владимир Закшевский, с вдохновением работающий над серией пейзажей, изображающих места, где жил и работал Владимир Ильич.

Художник Ежи Подшибовский в картине «Ленин среди польских горцев» изобразил Владимира Ильича в годы его пребывания в Польше, в Поронине. Любовно выписал мастер национальные костюмы горцев, обстановку крестьянской избы, но все это отступило у него на второй план перед самым главным — перед созданием атмосферы сердечной, дружеской беседы. Слушают горцы Ленина, и его простые, доходчивые слова заставляют их серьезно задумываться.

Е. Подшибовский. В. И. ЛЕНИН СРЕДИ ПОЛЬСКИХ ГОРЦЕВ.

А. Кобздей. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ ПО ПУТИ В СИБИРЬ.

В. Вейсс. МАНИФЕСТ.

Письма из одного производственного управления

Николай БЫКОВ

В правлении колхоза тихо. Кабинет председателя большой, даже чересчур.

Иван Логинович, председатель колхоза имени Шаумяна, рассказывает обо всем понемногу: о службе в армии, о том, как председательствует вот уже семнадцатый год, о землянике, которой богаты приусадебные участки.

Приоткрылась дверь, в кабинет сунулась нечесаная голова. Морщинистое, скомканное лицо и стреляющие глаза, в которых смешались природное озорство и отчаянность момента.

— Нельзя, товарищ Козырь?

— Можно,— глянул на голову в дверях председатель.

Голова исчезла. И тут же опять появилась.

— Товарищ Козырь!..

— Можно, можно, говорю!

От порога к столу идти порядочно, и вошедший дедок, не по годам шустрый и настырный, не тратя время попусту, начинает в крик:

— Товарищ Козырь! Беда, хоть ложись да помирай! Ни палки дров на дворе, и кругом притеснение. Мы люди приезжие, вы меня знаете, и нет никакого житья, несмотря на инвалидность Отечественной войны, хушь бы какое решение данному вопросу!

Иван Логинович слушал, вникал и наконец расхохотался:

— Ты чего, дед, шумишь? Говори толком, а то я тебя не пойму ни грана.

Дедок к тому времени уже добрался до стула, сел, шапку — на колени и опять в крик:

— Товарищ Козырь! Хушь ложись да... Нет моего терпенья. С ишаком меня загоняли!.. Азаров я, вы меня должны знать!.. Окажите такое решение моему вопросу с ишаком!..

Председатель снова рассмеялся напору непонятных слов, а дед Азаров все больше и больше распалял себя — шел старый солдат в последнюю атаку. Наконец он выкричался и более или менее толково изложил нужду:

— Товарищ Козырь! Я, как есть приезжий в эти места инвалид Великой Отечественной войны, имел при себе ишака. Вы в курсе — у нас орошение проводят и поэтому переселили сюда на дальнейшее проживание. Ишак у меня на иждивении не первый год и очень нам со старухой помогает. Я и в лес с ним и на базаре кой-чего подвожу гражданам — шифоньеры либо продукт какой. Вроде как свой транспорт. А недавно вызвали меня в поселковый Совет, и там велено вопрос с ишаком решать. Я не мирился с таким поворотом, но был повесткой вызван в милицию и тогда понял, что ишаку не быть. Нет, значит, у вас такого в заводе, чтобы гражданам инвалидам, к тому же старичку, иметь дополнительный транспорт. Нет, так нет. Спрашиваю у начальника: куда серого девать? Говорит, не моя забота. Я в Совет — куда с ишаком податься? Не наше дело, ответили. Я затих, захоронился. Но не забыли нас, опять с ишаком в Совет зовут. Дождались своей очереди... Почему ишак при тебе? А куда ж мне его?.. Дали срок три дня. Проходят три дня, опять повестка из милиции — вот тебе двадцать четыре часа, чтоб ишак не трубил в поселке!.. Товарищ Козырь! Помоги решению!..

— Да чем же колхоз-то поможет? Веди к убойщику, раз такое постановление.

— Водил! Водил, дорогой товарищ, а он днем пьет, не при госте будь сказано, а ночью как убитый, ни к чему не способный... Я уж и взвесил ишака, инициативу проявил...

— Это еще зачем?— захохотал Иван Логинович.

— А как же, товарищ Козырь, убойщик с живого веса платит. Копейка за килограмм. Ишак мой хорошо потянул. Ну, тут, правда, и я не проморгал, набузовал его с утра, напоил досыта, да и весовщик, каюсь, свой человек!

Мы долго не могли отсмеяться, а дедок торопил:

— Так как же с решением сдать ишака? Может, в колхоз его? И я бы при нем, а?

— Мне коров-то кормить нечем,— мотает головой председатель.

— Это я понимаю,— печалится дед Азаров.— Эх, есть животная, и то сдать некому. Поведу серого в степь, на скотомогильник, столкну сироту в яму — и дело с концом... Не соблюдается у вас порядок.

* * *

Дед давно ушел, а у нас разговор начался долгий и остро насущный.

— Видите,— посерьезнел Козырь,— а старик в главном прав. Смех и грех... У нас порой сдать государству сложнее, чем вырастить. Я не про ишака, сами понимаете... Вот, говорят, у нас велики приусадебные участки в колхозе. Да, немаленькие. Надо бы урезать, уж очень много сил и времени они у людей отнимают. А с другой стороны, это ж прекрасные плантации ранней земляники. Иной колхозник до тонны собирает и на базар, в город. Полтора рубля килограмм. А ведь могли бы заготовители по-умному брать ягоду. Прямо с росой, на дому. И колхозникам удобно, и государству бы выгода, и горожанин платил бы не полтора рубля. Так нет, без волокиты не умеем даже ишака по копейке за килограмм принять.

О заготовках, о закупке сельскохозяйственной продукции разговор давно назревший, больной. Я уже не первого председателя встречаю, который на себе ощущает неповоротливость наших заготовителей.

В Георгиевском производственном управлении думают о том, как полнее реализовать получаемую продукцию. Ясно, что и фрукты и овощи — это в основном сырье для перерабатывающей промышленности. Но между колхозом и прилавком магазина стоит неповоротливый заготовитель, неповоротливый финансист и прочие живые преграды. Я и сам видел на Черниговщине шлагбаум при въезде на рынок... А жизнь все настойчивее требует расчистить дорогу от производителя к потребителю. Разумеется, это проблема немаленькая, но и ее теперь уже время решать. Все она, земля, велит!..

— А могли бы вывезти колхозы свои излишки на базар? — подумал я, когда вернулся в производственное управление.

Иннокентий Иванович Бараков, с которым мы продолжили этот разговор о закупках, иронически улыбнулся.

— Ты стоишь на позициях вульгарного экономизма. Шлагбаум поднять, конечно, надо, но решение проблемы требует решительных мер сверху. Тут, брат, политэкономия! Специализация и механизация высвободили немало рабочих рук. Неизбежно встанет, и уже встает, вопрос о занятости в деревне. Мы построили гидролизный завод, создана межколхозная строительная организация, идет народ в промышленность. И все же как и чем занять по нашим местам половину населения? Нужен агропромышленный комплекс. Он позволит на месте перерабатывать значительную часть овощей, фруктов, продукцию молочных ферм и птицефабрик...

Но тут и встают преграды. В Георгиевском районе пущен колхозный консервный завод. Он дал на первых порах сто тысяч банок. А сдать их не могут. Колхоз не имеет права ни выпускать эти банки, ни реализовывать их. Финансовые стражи начеку! А ЦСУ говорит: «Вас нет!». Рабочие колхозного консервного завода щиплют друг друга. «Что за мистика? Вот же они, мы!»

— Несколько десятков тысяч тонн фруктов скормили скоту,— сказали мне в Георгиевске.

* * *

Председатель колхоза «Александрийский» Трофим Николаевич Жигулин сетует:

— В прошлом году мы собрали самый высокий урожай зерновых в районе. Только бы радоваться. Думали, и с государством рассчитаемся и без кормов не бедовать, молока надоим план. И что же? До дна у нас закупили, без фуража остались, к весне хоть сам ложись в кормушку...

К сожалению, такие вот бездумные заготовки ради рапорта все еще подсекают многие хозяйства. Никак люди, спускающие план, не понимают, что если закупки считать первой заповедью, а заготовку кормов последней, то нельзя уж планировать ни птицеводства, ни свиноводства, ни развития молочных ферм.

Трофим Николаевич предлагает:

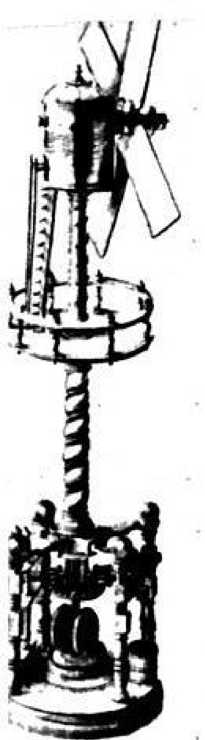
— Дайте мне с весны цифру, сколько продукции сдать осенью. И все! Это так просто. И увидите, как поднимется хозяйство!

Ему вторит Козырь. В тот день, когда его атаковал дед Азаров, Иван Логинович рассказал мне:

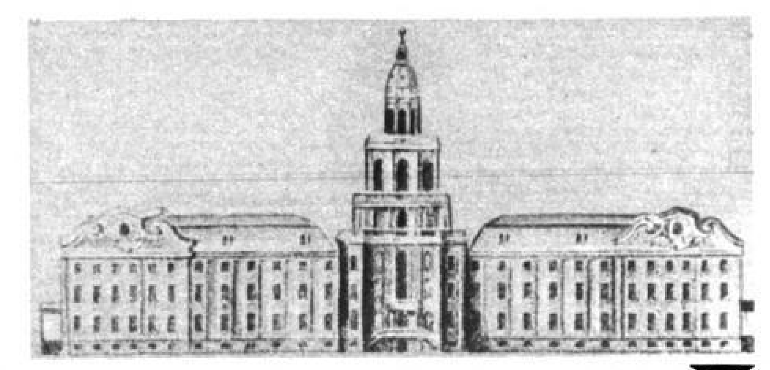
— Не нравится мне такая заготовительная политика. В страхе она держит, в страхе за привесы, за надои, за развитие всего хозяйства. За десять лет производство зерна в нашем колхозе возросло с полутора тысяч тонн до шести с лишним тысяч! В десять раз увеличился годовой доход на одного колхозника. В три с лишним раза увеличилось и количество продукции, произведенной на одного колхозника. Фонд зарплаты увеличился втрое... Это я к тому, что крепнет колхозная экономика. Ну как, можно нам доверять? Сам скажу: можно. И производство доверять, и, самое главное, реализацию своей же колхозной продукции. Мы, крепкое хозяйство, вынуждены каждый год сдавать зерно еще и за тех, кто не научился его выращивать. В прошлом году мы выполнили по зерну полтора плана. Отвезли дополнительно две с половиной тысячи тонн хлеба... Так я ответственно заявляю, что мы этим экономику своего колхоза отбросили на два года. Почему? По молоку плана даже не выполнили, а по мясу и нынче вряд ли выполним...

Формально и сейчас цифры закупок устанавливаются с весны. Хорошо. Но беда в том, что эти цифры берутся с потолка областных и районных учреждений. Чем больше произвело хозяйство в прошлом году, тем больше план

См. «Огонек» №№ 16 и 24.

Ветряная мельница. Рисунок Филиппа Маттарнови. 1736 г.

ДОМ С БАШЕНКОЙ

В. ВЛАДИМИРОВ

Ранней весной 1714 года к московской заставе молодого городка Санкт-Питербурха подъехал обоз. Возки сопровождали суровые усатые кавалеристы в треуголках.

— Дело государево! — коротко объявил молодой офицер и показал пакет с царской печатью и пропуск за подписью генерал-фельдцехмейстера Якова Брюса. Начальник заставы приказал пропустить.

Поезд потянулся по дамбам, мостам и недавно проложенным першпективам новой столицы, мимо елочек, обозначавших единственно верный путь через осушаемое болото. Остановились возки возле царева Летнего дворца. Солдаты спешились и стали бережно вносить в этот скромный двухэтажный дом кладь всевозможных размеров, зашитую в рогожи.

Немногочисленные зрители решили, что это царская казна, и из осторожности разошлись: «Как бы чего не вышло»...

Но то была не казна. Рогожи сняли, из тщательно завернутых пакетов появились на свет банки, коробки, астрономические инструменты, картины, ящики с книгами и монетами, образцы растений, чучела зверей и самые разнообразные монстры и раритеты, то есть редкости.

Это была кунсткамера — музей, основанный незадолго до того в Москве и перевезенный в Петербург по царскому приказу. Музей содержал многочисленные редкости, как найденные в России, так и купленные Петром за границей.

В частности, кунсткамера была украшена анатомическими композициями, сделанными известным голландским анатомом Фредериком Рюйшем. Эти композиции представляли собой сочетания различных органов человеческого тела, собранных в группы и снабженных нравоучениями. В те времена композиции были новым и смелым словом науки, ибо церковь считала анатомирование человеческого тела святотатством.

Петр купил эту коллекцию у Рюйша за 30 тысяч гульденов. Рюйш хотел продать Петру за 50 тысяч гульденов и свой удивительный способ бальзамирования трупов, но способ Рюйша куплен не был.

В 1718 году последовал петровский указ о собирании по всей стране редкостей. Указ вещал: «Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбьи или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или такие, да зело велики или малы, перед обыкновенными; также какие старые надписи на каменьях, железе или меди, или какое старое, необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно — також бы приносили за что будет довольная дача, смотря по вещи, понеже, не видав, положить нельзя цены».

Впрочем, указ устанавливал и примерные цены: «За кости — человеческую по 10 рублей, за скотскую и звериную по 5 рублей а за птичью по 3 рубля... А ежели очень чудное, то дадут и более...»

Денег за экспонаты не жалели: цены по тем временам были высокие.

Петр, открывая Петербургскую кунсткамеру, предписал: «Поелику все в надлежащем виде учреждено и расставлено, то бы впредь всякого желающего оную смотреть пускать и водить показывая и изъясняя вещи».

В Европе музеи тоже входили в моду, но за посещение их брали порядочную плату. Петербургская кунсткамера была бесплатная.

В поместительном каменном доме, носившем название Кикиных палат, разместились обильные коллекции: диковинные увеличительные стекла, в которые можно было разглядеть мельчайшую тварь; раскрашенные кишки, вены, артерии, легкие и желудки; чучела орлов, беркутов, горных козлов, ядовитых змей; заспиртованные в банках уроды, сросшиеся эмбрионы, шестипалые конечности; диковинные растения; одежда отдаленных народов Азии; земной глобус «с календарем и надписями порусски» — произведение московского гравера Алексея Ростовцева; глобус небесный, сделанный гравером Алексеем Зубовым, и многое другое.

Здесь же была собрана научная библиотека — около двадцати тысяч томов. В нее вошло много книг из личной библиотеки Петра. Но, к сожалению, «библиотекариусом»

спускают ему в следующем году. И даже эти потолочные цифры не выдерживаются осенью, в дни хлебозаготовительной страды. Конечно, осенью трудно и писать и говорить об этом, тогда партийный долг каждого — сдать больше хлеба государству. И были на то свои причины в прошедшие годы. Не все хозяйства тогда еще крепко стояли на ногах, не во всех дело вели думающие, рачительные люди. Теперь во многом положение изменилось — в этом я убедился в Георгиевском районе. Здесь-то уж твердо, во весь голос можно говорить о необходимости святой верности цифрам закупок, определенным с весны.

Нужен государственный заказ! Госзаказ на зерно, на мясо, молоко, фрукты, овощи, яйца, шерсть... Государственный заказ на продажу сельскохозяйственной продукции! И сразу увидят хозяйства, к чему они должны стремиться, в каком направлении искать прибыли. Для этого заготовительный план надо устанавливать исходя из реальных достижений хозяйства, из средних за несколько лет. И определять план заготовок надо не на год, а на три, а может, и на пять лет вперед. Такая определенность избавит от нервотрепки, от метаний руководителей хозяйств. Это будет твердый заказ. Рентабельность и выполнение госзаказа — два верных экономических критерия. Рентабельность, а не «дай два плана любыми средствами»...

И тогда появятся излишки у колхозов. И тогда надо будет разрешить им эти излишки с выгодой реализовать. С выгодой! Разве нет такого слова в нашем словаре? Когда речь идет не о личной выгоде спекулянта, а о выгоде коллективного хозяйства, тогда слово это звучит как лучшее материальное поощрение. Партия сейчас с большой заботой проводит в жизнь принцип материальной заинтересованности в работе колхозника и рабочего совхоза. Но, думается, самое время позаботиться о материальной заинтересованности колхозов и совхозов в целом. Благо, что немало в этом направлении уже сделано — повышены многие закупочные цены, строго определен принцип свободного планирования снизу...

Осталось провести в жизнь главное — определить твердый государственный заказ и разрешить продавать излишки по более поощрительным ценам. Как их определить? Тут мнения разные. Одно ясно, что рыночные цены сразу упадут, так как частник — огородник или молочница — явно не сможет выдержать конкуренцию колхоза.

* * *

Над пашнями стояло марево. Теплые влажные струи воздуха стремительно поднимались к солнцу, плавили на межах пирамидальные тополя, светлые дали открывшихся вдруг полей.

Мы ходили с Иваном Степановичем Давыдовым от фермы к ферме, а разговор вели все тот же — о делах заготовительных. Совхозы тоже тоскуют о твердом заказе. Их рентабельность тоже зависит во многом от политики заготовителей. Директор «Обильненского» согласен:

— Да, государственный заказ нужен. Но заказ экономически грамотный. Он должен реально обеспечиваться производством, в частности урожайностью, наличием машин, кормов. Два миллиона рублей вложили мы в свинарники, хотели свиней разводить. Теперь мыши бегают. Почему? Корма сверх плана забрали, свиней пришлось спустить... Пусть мне скажут: «Дай, Давыдов, двенадцать тысяч центнеров мяса и для этого возьми себе сколько нужно кормов, а остальное сдай». И я сдам! Я слова не скажу... А сейчас я не могу перспективно планировать, потому что не знаю, что у меня заготовят осенью, тем более через осень, и что мне оставят, так сказать, на развод, а главное, сколько оставят... Да, нас, так сказать, ориентируют, но знать, что будет через лето, через годдва, никто не знает. Сейчас наше хозяйство, как и все по управлению, строго, на научной основе специализировалось. А ведь принцип заготовок остался прежним!.. Кто сколько выдюжит...

В те же дни директор совхоза «Пятигорский» Алексей Карпович Коршиков никак не соглашался подписывать договор с производственным управлением, что-то заело его в заготовительных цифрах. Он сравнивал свое хозяйство с «Обильненским».

— Почему нам план одинаковый?

Плановик Михаил Федорович Шавро, человек пунктуальный и обязательный, терпеливо доказывал свое, привычное: так, мол, цифры разверстались. И добавил:

— Ты, Коршиков, на чужие поплавки не смотри!

Алексей Карпович, бывший секретарь райкома, без пяти минут кандидат экономических наук, не соглашался:

— Нет, буду смотреть! Земли у Давыдова в четыре раза больше, как же нас равнять?

Ох, и старые же это споры! Да в том-то и беда, что, планируя закупки той или иной продукции, о земле и не вспоминают. Нет ее у нас, этой самой экономической оценки земли, нет... И плановик Шавро лучше любого об этом знает.

О кадастре — экономической оценке земли — разговор очень кстати. Без учета достоинств земель нельзя осуществить дифференцированного планирования, о котором крепко думают и Бараков, и Коршиков, и Давыдов, и все другие руководители хозяйств Георгиевского производственного управления. Прежде чем планировать объем производства и заготовок той или иной продукции, надо знать, что за земля у пахаря, может ли она дать столько, сколько хотят от нее взять в Госплане и в Министерстве производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов РСФСР.

До сих пор находятся ученые, будто бы даже экономисты, которые говорят, что кадастр нужен только капиталистам, фермерам-налогоплательщикам. А у нас, мол, земля — общенародная собственность, и нам ее оценивать ни к чему. Нелепость, заблуждение, принесшее немалый урон... Как же вслепую специализировать хозяйства, как спроектировать целесообразную систему земледелия и животноводства, как тогда узнать, кто с выгодой, а кто в убыток себе и людям ведет хозяйство? И главное, нельзя, не зная экономических достоинств земли, совершенствовать закупочные цены по почвенным зонам!.. Земельный кадастр — кардинальная мера, осуществить ее велит нам сама наша земля. А пока нельзя даже сравнивать, оценивать верно результаты труда отдельных хозяйств, областей.

Иннокентий Иванович Бараков убежденно говорил:

— Надо искать, но только с экономическим компасом в руках. Без него ни шагу!.. Чтобы вдохно-

был назначен Иоганн Шумахер — невежественный делец, взяточник, интриган и карьерист. М. В. Ломоносов называл его «неприятелем наук российских». «Библиотекариус» во всем подражал заграничным кунсткамерам, где зачастую преобладали не научные интересы и выставки экспонатов были рассчитаны только на внешний эффект.

Петр и его сподвижники добивались распространения просвещения. Их интересовали не декоративно расположенные скелеты и чудища, а демонстрация достижений естественных, географических и математических наук.

Кунсткамера была одним из любимых детищ Петра. Он часто посещал ее и даже принимал в ней иностранных дипломатов. Когда посол германского императора выразил недоумение по поводу того, что российский царь желает принять его среди скелетов и чучел, Петр ответил сердито:

— Пускай сюда придет! Для него все равно, где бы я его в первый раз ни принял. Ведь он прислан ко мне, а не в какой-либо дом. Если он желает мне что-нибудь сказать, то может сказать, где бы я ни был!

Из самых отдаленных походов Петр слал очередные раритеты, покупал коллекции и интересовался строительством нового здания музея.

Новое здание было заложено в 1718 году на берегу Невы, на Васильевском острове. Его башенка вошла в исторический пейзаж города. В башенке предполагалось устроить обсерваторию. Но строительство шло медленно.

В 1725 году основатель кунсткамеры скончался, а новое здание все еще строилось. В том же году начала свою деятельность Академия наук, которой и подчинили кунсткамеру. И только в 1728 году в новом помещении торжественно открыли зал и шесть комнат с экспонатами.

Над украшением комнат музея еще с 1718 года трудилась «кунсткамерская малярша» Мария Доротея Гзелль. Она приехала в Россию вместе с мужем, голландским портретистом Георгом Гзеллем. Надо заметить, что Кикины палаты были декорированы не без пышности. Художница не жалела золота, серебра и лазури. Роскошное «убранне» кунсткамеры сделало ее достопримечательностью Петербурга. С раннего утра можно было видеть вереницу приезжих людей в партикулярном платье — кафтанах, камзолах, плащах,— с любопытством устремлявшихся смотреть новое, необыкновенное заведение, где им объясняли и устройство человеческого тела, и ход небесных светил, и нравы отдаленных народов, да еще угощали горячим сбитнем и подовыми пирогами.

Новое здание кунсткамеры было более величественным, чем Кикины палаты. Здесь поработали замечательные русские мастера Пирожков, Поляков и Попов. Здание вмещало огромный Готторпский глобус диаметром в 336 сантиметров. Снаружи это был обычный глобус, а внутри изображено звездное небо. Зрители входили во внутрь этого предка нынешних планетариев и рассматривали светила. При помощи водяного двигателя глобус совершал за 24 часа полный оборот вокруг своей оси.

Среди собраний кунсткамеры были коллекции, посвященные Сибири и Дальнему Востоку: камчатские собрания Крашенинникова, сибирские — Гмелина и личные предметы, принадлежавшие Петру и Брюсу.

Несмотря на пожар 1747 года, уничтоживший большую часть экспонатов и часть библиотеки, уже во второй половине XVIII столетия кунсткамера стала академическим музеем, где «всегда великое людство».

Музею минуло 250 лет. Сейчас в старом здании на Неве помещается Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР.

С историей музея связаны имена крупнейших русских ученых: Ломоносова, Палласа, Лепехина, Котельникова, Севергина. На основе кунсткамеры были созданы академические музеи: Зоологический, Азиатский, Минералогический...

Огромную роль сыграли эти музеи в истории науки. Быт и материальная культура народов Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока были здесь представлены с небывалой полнотой. Сюда приезжали европейские ученые: географы, астрономы, например, знаменитый Делиль, ботаники, зоологи. Ведь Град Петров был местом, где представлялась возможность ознакомиться с жизнью отдаленных районов земного шара, тогда пестревших белыми пятнами. Вспомним, что во времена Петра еще не было известно, отделена ли материковая Азия от Америки. Такие края, как Приполярье, Аляска, Камчатка, Монголия, Средняя Азия и даже Кавказ, только-только начинали изучать по-настоящему. Великие кругосветные экспедиции русских кораблей в начале XIX века внесли новые редкие экспонаты в коллекции академического музея. И сейчас в Музее этнографии можно увидеть вещи, которых нет нигде в Европе.

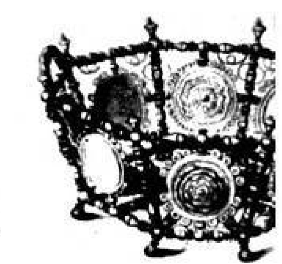
Дом с башенкой продолжает возвышаться над Невой как символ достижений русской науки. В тишине летней белой ночи эта знаменитая набережная Ленинграда словно повествует о славном прошлом и великом будущем нашей науки.

Солдат. Рисунок неизвестного художника XVIII века.

Рисунки из фондов Русского музея публикуются впервые.

Резная костяная корзинка. Рисунок Григория Качалова. 1736 г.

вить колхозы на более рентабельный, производительный труд, надо открыть им возможность часть продукции реализовывать с большей для себя выгодой. Нет, не семечками торговать на углу и не гнать, допустим, вино на север, а помочь им организовать заготовку. Или помочь открыть свой фирменный магазин в городе... Пусть государственный инкассатор приезжает за деньгами, за долей государства. Поискать надо, подумать... Но важно убрать на пути колхозной продукции бесчисленные заготконторы, которые не имеют ни средств, ни желания для того, чтобы свежий плод земли — то ли цветы, то ли молоко, то ли цыплята — попадал прямехонько на стол наших советских людей. Это было бы логическим завершением огромных усилий, направленных партией на подъем нашего сельского хозяйства.

Давно и мне думалось, что колхозу, которому революция дала землю, которому государство доверило и продало сложную технику, которому государство, партия сегодня доверяют инициативное планирование, такому экономически окрепшему колхозу можно доверить и единый государственный заказ на продажу продукции и реализацию ее излишков на внутреннем рынке страны.

* * *

Обо всем этом, что можно назвать новью советской деревни, мне и хотелось рассказать в письмах из Георгиевского производственного управления. Неузнаваема сегодня жизнь колхозного села. Радостно видеть лопнувшие почки на молодых яблонях, теплые, железом крытые крыши, новые механизированные коровники, весело пробегающие по улицам станиц тракторы разной, веселой окраски. И всегда радостно узнать, что есть на селе люди, полные решимости сделать наши колхозы и совхозы щедрыми источниками земных благ, потому как без хлеба насущного никак не решить главных проблем коммунистического строительства в городе и деревне.

И вот все это новое — каждодневный расчет, напор и смелость в решении очень будничных задач современного села — для меня олицетворяет начальник Георгиевского производственного управления. Это очень интересный человек. И дела его интересные, большие. Настолько большие, что они заслонили от меня его самого. Вот уж и письма написаны, а я так и не рассказал о самом Баракове.

С горьким сожалением я снова прощался с Иннокентием Ивановичем. Но мысленно я по-прежнему буду с ним. Потому что я не могу не думать об этом человеке со сдержанной улыбкой, с сибирским разрезом внимательных глаз. Он мыслит всегда захватывающе широко и дальновидно. Второй раз вот пишу о нем, а все еще не рассказал о детстве его на далекой Тунгуске, о тяжелой его солдатской судьбе, о том, как неимоверно трудно приходится ему порой в степных поездках, как случается, что привозит его шофер потерявшим сознание — это дает о себе знать фашистский осколок в голове. Пулеметчик мотопехоты, десантник в Ельне в сорок первом — он всегда в атаке. Всю жизнь. И сегодня. А жить всегда в атаке нелегко. Об этом говорят раны — и те, что на теле, и те, что в душе. Но он иначе не умеет. Это тоже, наверное, ему земля так велит.

НА ПАМЯТЬ

Колхозник артели «Память Ильича» на Херсонщине Федор Павлович Анастасюк хранит дорогую для него фотографию группы моряков Черноморского флота.

Среди моряков Севастопольского гарнизона на этой фотографии — великий артист Ф. И. Шаляпин.

Федор Павлович рассказывает:

— Это было в 1917 году. Служил я матросом. Любил петь. Как-то к нам на корабль приехал Федор Иванович Шаляпин и спросил, кто из матросов хочет петь в матросском хоре. Я, конечно, первым согласился. И начали мы посещать репетиции матросского хора. Почти на всех репетициях был Федор Иванович. Мы репетировали матросские песни и песни революции.

Вскоре хор дал первый концерт. Выступали на открытой площадке Приморского бульвара. Собралось много народу. Участники хора волновались.

Федор Иванович нас подбадривал. Открыл концерт. Он вышел на сцену с красным знаменем и спел революционную песню. Концерт прошел успешно.

На другой день участники хора встретились с Шаляпиным и попросили его сфотографироваться на память. Федор Иванович сразу же согласился. Все участники хора отправились к местному фотографу.

В центре усадили Ф. И. Шаляпина. Левее (без головного убора) сидит владелец этой фотографии матрос Федор Павлович Анастасюк.

П. КИРЬЯН

Херсон.

КАК РАЗЖЕЧЬ СЫРЫЕ Д

Сергей НИКИТИН

Рассказ

В далеком прошлом есть у Никонова один счастливый день, который он вспоминает особенно часто.

Утром Никонов должен был ехать в лес за дровами. Он проснулся в том ясном состоянии духа, когда нагревшиеся за ночь на печи валенки, старый охотничий полушубочек, вчерашние щи из квашеной капусты, скрип под ногами промерзших досок в сенях — все такая радость, что хочется идти, напевая и чуть подпрыгивая.

По зимнему времени было даже еще и не утро. Напряженно горя всеми своими звездами, широко распластался в небе Орион, чуткая к малейшему звуку тишина наполняла город, и совсем еще по-ночному был палящ и сух морозный воздух. И только дымки над печными трубами да узкая щелочка света в каком-нибудь небрежно замаскированном окне указывали на то, что люди уже проснулись и собираются на работу.

Пошевеливая плечами, чтобы чувствовать приятную тесноту полушубка, Никонов шагал по улицам. Под шапкой у него было непривычно просторно и холодно. Он был уже призван в армию, пострижен под машинку и, хотя продолжал посещать уроки в школе, со дня на день ждал отправки... Куда? На фронт? В училище? То время с мгновенной быстротой волшебника творило из школьников, куривших по уборным в рукава, солдат, чья жизнь простиралась в будущее всего-то, быть может, на несколько дней. Шла вторая военная зима. Никонов сам всего лишь через три месяца после того дня был ранен и едва остался в живых, а пока он размашисто шагал по хрупкому снегу и еще как-то особо, с вывертом, ставил ногу, чтобы снег взвизгивал под подошвой на всю улицу: «Хрррып-уии...»

В небе чуть побледнело, когда он пришел к больничной конюшне, ударил в дверь, обитую драной мешковиной, крикнул на кашель и кряхтенье за дверью:

— Зотыч! Отчиняй!

Конюх вывалился из крутого, пахнущего сыромятной сбруей тепла сторожки, долго кашлял и стонал.

— Покуда не закурю, буду вот эдак маяться,— пожаловался он.— У тебя нет?

— Нет, Зотыч. Сам стреляю,— засмеялся Никонов.

Его волновал и радовал едкий запах махорки, сбруи и лошади, исходивший от конюха, хотелось самому управляться со всеми этими хомутами, подпругами, дугами, чересседельниками, которыми так суетливо и неловко, как ему всегда казалось, тыкал, растопырив локти, Зотыч, и в то же время было боязно принять на целый день в свое полное распоряжение лошадь и все ее санно-гужевое хозяйство. Между тем Зотыч закладывал в поскрипывающие сани мохнатую понурую лошаденку — вовсе не того литого, начищенного, как сапог, до сизоватого блеска жеребца, в легких саночках с которым ездила по городу к больным до войны мать Никонова.

— Где-то теперь Резвый?..— сказал Никонов, зная, что воспоминания о жеребце всегда томительно-приятны Зотычу.

И как всегда, Зотыч, соединяя гордость своим любимцем с возможностью самого мрачного исхода его судьбы в это полное превратностей время, ответил:

— Либо под командармом, либо на колбасу пущен.

Кончив запрягать, он хлопнул лошаденку по крупу рукавицей.

— Час добрый!

Никонов сел в сани, на жиденькое сенцо, повозился, усаживаясь поудобнее, и причмокнул. Лошаденка напряглась и, кланяясь мордой до самых колен своих, потянула.

Недолгие сумерки ясного зимнего утра кончились. На пригородные пустыри с торчащими из-под снега кустиками бурой полыни лег желто-розовый отблеск восхода. Синела пробитая в глубоких сугробах дорога. Наста еще не было, и молодой легкий снег не сверкал, как это бывает к исходу зимы, а весь тонко и чисто просвечивал до самых своих глубин. Будущее, хоть и тревожило Никонова своей опасной неизвестностью, рисовалось ему очень смутно, и он, не чувствуя сейчас за собой иных забот, кроме той, что надо заготовить маме побольше дров, лихо покручивал над головой вожжами, а в груди у него само собой так и пелось:

В лесу, говорят,
В бору, говорят,
Растет, говорят,
Сосеночка...

Лошаденка шла охотно, угонистым, спорым шагом. Вскоре стали попадаться кривые, выросшие на отлете сосны, а за ними уже высился торжественно и стройно редкий золотоствольный бор. Путь был не близкий. В мимоезжей деревне за лошадью, заходясь в исступленном лае, увязались собаки — все, как одна, рыжие, с белой косматой грудью, лиловой от напряжения глоткой и белесыми глазами; потом дорога уходила то в темные заснеженные ельники, то в сквозные сиреневенькие березняки, то выбивалась на светлую порубку с пеньками под круглыми шапками, то опять скрывалась в лесах, все более плотных, немых, диких...

Летом Никонов сам напилил здесь с корня пять кубометров дров. Теперь он только показал леснику уже истершуюся в тряпочку квитанцию, и тот косоглазый с заведенными вверх, к переносице, зрачками парень в лисьем треухе, в пиджаке, надетом на нижнюю рубаху, вывел на ней «два кбм» и расписался.

— Накинул,— уверенно, но весело, не желая портить себе настроение из-за нескольких поленьев, которые он все равно прихватит в следующий раз, сказал Никонов.

— В аккурат,— возразил парень, но все же, оглядев понурую, с закуржавевшими боками лошаденку, взял из рук Никонова квитанцию и переправил два кубометра на полтора.— Я тебя помню,— дружелюбно сказал он.— Ты охотник, у тебя гончар хороший был. Цел?

— Куда там! — махнул Никонов рукой.— Продал. В армию иду.

И поднял в подтверждение своих слов шапку.

На делянке он промял к ближайшей поленнице тропку, снял полушубок и, легко вскидывая на плечо метровые березовые кругляши, нагрузил и увязал воз. Теперь он шел за санями, свободно кинув на дрова вожжи, подпирая на взгорках воз колом, и вскоре из-под шапки у него потекли струйки пота. Тяжела была еще не наезженная дорога, сухой, сыпучий, как песок, снег. Собаки в деревне, видя в руках Никонова кол, лаяли теперь издали. За деревней Никонов остановил лошадь, присел на дрова и вынул из кармана круто посоленный ломоть хлеба и луковицу. Вкусен был этот холодный хлеб; какое-то особое удовольствие было в медленном его пережевывании среди этой морозной тишины, в хрусте луковицы, в том, что за едой можно было, прищурив глаза, смотреть сквозь пар своего дыхания на далекие увалы полей и перелесков, на искристое, в тонкой изморози небо, на серые хлопья вороньей стаи над деревней, на маленькую фигурку с дровешками, косо бредущую в постромках по боковой дороге.

Никонов доел хлеб, кинул в рот с ладони крошки и шевельнул вожжами. Он хотел проехать стык дорог раньше, чем к нему выберется та фигурка с дровешками, и подгонял лошаденку, едва поспевая за ней. Он обогнал уже не одни такие дровешки. День был воскресный, город, как мог, вывозил из лесу свои дрова, и Никонов с неприятным оживлением совести чувствовал себя при этих встречах каким-то аристократом.

Упираясь колом в задок саней, он покрикивал:

— Шевелись!

Но уже видел, что опоздает. И вот фигурка выбралась на главную дорогу, выпрямилась, остановилась у обочины, дожидаясь, когда пройдет лошадь.

То, что случилось вслед за этим, было неожиданным, почти невероятным, но все же случилось. Когда фигурка, одетая в коричневый, выгоревший до рыжины плащ поверх чего-то теплого и толстого, выпрямилась и по-

вернулась к Никонову, слепо глядя встречь солнцу, он узнал Налю.

В тот год поредевшие десятые классы городских школ соединили в один. Никонов оказался среди новых, незнакомых ему людей, в незнакомой школе, перед незнакомыми учителями, и на первых порах чувство возбуждающей новизны не покидало его. Преломляясь в этом чувстве, действительность казалась интересней, девушки — загадочней и красивей. Наля Неведова выделялась среди них особой, смуглой зеленоглазой красотой, стремительностью и в то же время ловкой гибкостью всех движений, быстрой, захлебывающейся от избытка темперамента речью. Когда она смеялась, запрокидывая голову, у нее надувалось горло и под смуглой кожей на нем трепетала голубая жилка.

После каких-то взглядов на уроках, после каких-то с виду незначительных разговоров на переменах Никонов подбросил Нале записку, назначая ей свидание в парке. Он помнил колкую свежесть этого осеннего вечера, в которой запах палого листа как-то истончался, становясь влекуще и томительно неуловимым. Сложное чувство будил этот запах. В нем соединялись и грустное ощущение осени, и острое наслаждение красотой черного, но в то же время совершенно прозрачного до самых небесных глубин воздуха, и жуть одиночества в этом парке, среди белых, точно замороженных статуй. Казалось, совсем недавно сверкал и гремел здесь в последнее предвоенное лето карнавал — пестрая вьюга конфетти, перепутанный дождь серпантина. На Никонове была полумаска с белыми навыкате глазами и клубничным носом, несколько перышков зеленого лука в петлице. В беззаботно-дурашливом настроении он подходил к томившимся в своих киосках продавщицам и спрашивал: «Квас есть?» «Нет». «А квас?» Теперь же тишина, тьма, холод, сухое, мертвое шуршание листьев под ногами...

Каким-то радужным, мимолетно пригрезившимся сном казалась Никонову вся эта жизнь. В ней хорошенькая девушка Наля непременно пришла бы на свидание, но теперь, он был уверен, не придет. Его вдруг даже скорчило от стыда за свою небрежно-нагловатую записку, и он пустился бежать вон из парка, путаясь в палой листве, спотыкаясь о затвердевшие бугры клумб. Лишь позднее, на школьном вечере, все само собою разрешилось между ними. Он взбежал на второй этаж, в темный коридор с квадратами зеленого лунного света на полу, увидел у окна Налю, и оба они молча потянулись друг к другу. С той минуты для них настало тяжелое, смутное время взаимного узнавания, недоумений, оторопи перед чувством, с которым они еще не знали, что делать.

Продолжалось оно, это время, и сейчас, когда они встретились на лесной дороге.

Смуглые щеки Нали рдели темным румянцем, но под глазами лежали голубоватые круги усталости; устал и медлен был жест руки, которую она подняла, чтобы загородиться от солнца. Смущение, нежность и жалость охватили Никонова. Забыв остановить лошадь, он шагнул к Нале и близко заглянул ей в лицо.

— Ты? У вас что же, никого мужчин в доме нет?

— Нет,— сказала Наля.— Смотри, лошадь твоя ушла.

— Стой, стой! Тпру! — закричал Никонов и, увязая в снегу, побежал по дороге, но лошаденка встала, и он вернулся.— Да-а-а,— сказал он, оглядывая Налин возок из тоненьких березовых кругляшей.

Он хотел добавить, что эти палки ни к черту не годятся, но вовремя спохватился.

— Ну что же, давай потянем,— сказал он, берясь за лохматую веревку.

Они подтащили дровешки к саням и привязали их к задку. Но лошаденка, давно не кормленная овсом, только натужно возилась, переступала в оглоблях и не брала с места. Тогда Никонов опять налег на кол, качнул сани.

— Н-но! — крикнул он, как заправский возчик.— Выручай, мил-а-ая!

Идти рядом по узкой дороге было неудобно. Работая изо всех сил колом, Никонов спрашивал Налю через плечо:

— Что же ты одна-то рвешься? Почему мне не сказала?

— Я каждое воскресенье вожу,— с гордостью ответила Наля. —Мы с мамой стараемся, чтобы на всю неделю хватило. Холодно, конечно...

— У меня мама тоже одна останется,— с неожиданной для него самого жалобной ноткой вырвалось у Никонова.

— Я буду к ней приходить, если можно,— тихо сказала Наля.— Одной очень трудно. У нас папа на фронте и брат. Оба пишут пока... Ты знаешь,— вдруг засмеялась она, и он понял, что она хочет отвлечь его от невеселых мыслей,— у брата не было девушки, и когда он уходил на фронт, положил в карман мою карточку, чтобы быть как все.

Оттого, что они приобщались сейчас к каким-то подробностям семейной жизни друг друга, заручались взаимной помощью в эти тяжелые дни, было Никонову хорошо и странно, точно его приласкали теплой и мягкой рукой. Когда они садились отдыхать на дровешки, он обнимал Налю, целовал ее в холодные губы, в щеки и уже не чувствовал той отчуждающей тяжести, которую несли они оба все это время.

Уже потянулись по снегу длинные синие тени от сосен, поблекло и ушло ввысь предвечернее небо, и прозрачный серпик на нем стал наливаться голубовато-молочным светом, а возок с дровешками на прицепе все еще тащился через бор и пригородные пустыри.

Никонов перестал ходить в школу. Каждый день он бывал теперь в лесу — если была свободна лошадь, то с ней, а чаще всего с дровешками, самопрягом,— или орудовал пилой и колуном во дворах у себя и у Нали. Вот как случилось, что предармейские дни его были наполнены свежестью зимнего леса, сладким истомлением всех мускулов, запахом березовых опилок и прежде всего новым для него чувством родственной близости к Нале, несущим его, словно теплая волна.

Из армии Никонов вернулся через шесть лет — лейтенантом, уволенным в запас. Вскоре он женился на Нале, похоронил мать, потолкался с непривычки к мирной жизни и ее труду по разным должностям и, проявив некоторые способности к газетной работе, прочно осел в городской редакции. Но и тому уже много, много лет.

По сей день он живет все в том же доме и зимой, вернувшись с работы, любит сам топить печь. Еще по осени, когда кажется, что вечно будут висеть над городом тяжелые, как мокрое сукно, тучи, ветер крутит вихри палой листвы, и асфальт на главной улице потеет какой-то слизью, отрадой становится печное тепло, сухой, прогретый воздух деревянного дома. Никонов приносит из сарая большую охапку дров, и через несколько минут по всему дому начинает пахнуть березовым соком: хозяин он нерадивый, и дрова у него всегда свежие, только что из-под пилы. Чтобы разжечь их, нужна немалая сноровка. Сначала Никонов тщательно готовит растопку: сдирает с поленьев бересту, потом ломает заранее высушенную смолистую лучину, нетуго скручивает жгут из старой газеты и складывает все это в узкую нишу под дровами. Остается только чиркнуть спичкой. Хилый лепесток ее огня следует подносить сначала к газете, от газеты занимаются тонкие, как иглы, волокна на сломах лучин, а потом, жирно и черно коптя, сворачиваясь в трубки, загорается береста. В этом деле требуется неторопливость и терпение. Стоит свернуть слишком туго газетный жгут или не переломить лучину, и какое-нибудь из последовательных звеньев всей процедуры не сработает. Тогда, обжигая руки, пачкая их в саже, низвергая на пол каскады золы, приходится начинать все сначала.

Потом Никонов закрывает дверцу и слушает, как печь мощно сосет воздух. Она гудит на разные голоса в зависимости от погоды. В тихий, сырой и теплый день гуд бывает вялый, точно отягченный и обессиленный этой сыростью; на безветрие и сухой холодок печь отзывается ровным, наполненным органным ревом, а при ветре в ней что-то ворочается, вздыхает и вдруг хлопает, как мокрое полотенце на веревке.

Когда дрова перестают стрелять и потрескивать, можно, слегка приоткрыв дверцу, заглянуть в печь. И если на поленьях нигде нет черноты, если все во чреве печи бездымно сияет золотистым, голубым и белым накалом, то уже не опасно совсем распахнуть дверцу, чтобы всласть любоваться бесконечными превращениями огня.

Никонов давно уже втайне от своих друзей и знакомых пишет книгу об огне, которая по его замыслу должна быть страстным и ярким, как сам огонь, рассказом о фантастической красоте огня, о его животворной силе, о трагизме его стихии. Огонь свечи, освещавший лист бумаги под пером Пушкина, охотничий костер Тургенева, светильники персидских гебров, созидающий огонь Пьера Мартена, пожар безумца Герострата, позорное пламя костров средневековой инквизиции и печей Освенцима—вся история самой земли, ее цивилизации и культуры кажется ему озаренной светом огня и накаленной его жаром. Он хочет, чтобы ликующим гимном и печальным реквиемом звучал этот рассказ об огне, и потому работает упорно, придирчиво, зло.

Читает написанное Никонов только Нале. И часто, очень часто, едва запахнет в доме березовым соком и забьется в печи огонь, ему вспоминается тот далекий зимний день, соединивший их в чем-то гораздо большем, нежели та первоначальная хиленькая любовь, которая не устояла бы перед годами, разминувшими их в жизни.

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

РОВА

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ

«Друзья Егора, откликнитесь!» — так называлась заметка в «Огоньке» № 44 за 1963 год. В ней речь шла о Герое Советского Союза Егоре Павловиче Жилине, погибшем при освобождении города Самбора. Вместе с заметкой была напечатана фотография, на которой запечатлен Е. Жилин и восемь других офицеров-танкистов. И вот в почте «Огонька» появились письма боевых соратников Жилина. Среди них — командовавший полком, гвардии полковник Н. Селиванчик, командир танкового взвода А. Рыжов (он на снимке крайний справа), командир танка В. Смирнов, комсорг полка П. Лосев.

Мы публикуем их письма.

Пишет вам бывший командир полка, гвардии полковник запаса Селиванчик. У меня в полку служил Герой Советского Союза гвардии лейтенант Жилин. Я помню его хорошо. Помню, как в 1944 году, получив пополнение, полк проводил боевые стрельбы. К нам прибыл член Военного Совета Армии. Он спросил меня: «Кто лучший стрелок полка?» Я сразу назвал Жилина. Это был один из лучших снайперов. Генерал подошел к танкам-мишеням, пометил мелом, в какое место нужно поразить три мишени тремя выстрелами. Танк Жилина движется к цели, делает три остановки, каждая по нескольку секунд, во время которых производит по одному прицельному выстрелу. С наблюдательного пункта было видно, что все три снаряда попали в цель. Но в те ли места, куда указал генерал? Когда подъехали к танкам-мишеням, то все увидели, что разница была в 5—10 сантиметров. Экипаж гвардии лейтенанта Жилина получил высокую оценку от члена Военного Совета.

Вскоре полк совершил марш и с ходу занял оборону за городом Коломыя. Противник несколько дней подряд переходил в наступление, но все его атаки проваливались. В центре обороны полка находилась 1-я танковая рота гвардии старшего лейтенанта Ионина. В этой роте командиром взвода был Жилин. Только в одном бою под Коломыей Жилин уничтожил 11 тяжелых танков и большое количество пехоты.

В июле 1944 года наш полк наступал в направлении Львова, а после освобождения Львова действовал в направлении Самбора. Бой за Самбор был очень упорным и шел с переменным успехом.

На моих глазах был подбит и загорелся танк Жилина. Весь экипаж погиб.

Мы всегда будем помнить наших боевых соратников, героически сражавшихся за Родину.

Н. СЕЛИВАНЧИК,
гвардии полковник запаса, бывший командир полка

пос. Клязьма,

Московской области.

* * *

Уважаемая редакция! Я один из девяти танкистов, снимок которых вы напечатали в № 44 (стою крайним справа). С гвардии лейтенантом Е. Жилиным мы вместе жили в одной палатке (май — июль 1944 года), когда наша часть находилась на формировании. Жилин был скромен, он был хорошим товарищем, умелым и смелым офицером. Не случайно командующий фронтом наградил его именными часами. В боях под городом Коломыя Жилин уничтожил много фашистских танков и другой техники.

Хочу сказать также о нашем командире, гвардии полковнике Селиванчике. Это требовательный, смелый командир. Под городом Коломыя он был ранен в ногу, и когда началась Львовская операция, Селиванчик, еще окончательно не выздоровев, продолжал командовать полком.

В настоящее время я работаю мастером производственного обучения, готовлю слесарей для металлургического завода.

А. РЫЖОВ,
бывший командир танкового взвода

Череповец.

* * *

Высокий, статный парень, неутомимый в труде и веселье — таким запомнил я Егора Жилина. Он был моим хорошим товарищем.

В боях под Коломыей Жилин особенно отличился, за что и был удостоен звания Героя Советского Союза. Хочу рассказать вам о двух других офицерах, которые тоже запечатлены на снимке. Это Чешуин и Белобородов.

В. П. Чешуин отличился в боях за город Самбор, был награжден орденом Красного Знамени. Он в числе первых ворвался в город.

Эти суровые бои мне особенно запомнились. Раннее утро 30 июля 1944 года. Дан сигнал атаки. Через огороды подошли к первым домам. Я заметил, что идущая справа от меня машина остановилась. Командиром ее был гвардии лейтенант Николай Белобородов, ленинградец. Чтобы оказать помощь товарищу, мы остановились возле дома. Впереди, метрах в семидесяти, между домами виднелась улица. Ко мне подбежал Ни-

ГДЕ ВЫ, ХАНУТИН?

У входа в Дрезденскую картинную галерею и в знаменитый дворцовый ансамбль Цвингер — разноязыкая толпа. Немцы со всех концов республики и из Западной Германии, туристы из многих стран мира. Переходя Театральную площадь, я шагал мимо пестрых автобусов с итальянскими, польскими, чехословацкими флажками. В автобусах скучали одинокие водители: их пассажиры отправились на паломничество в залы, где выставлена Сикстинская мадонна, где собраны работы Джорджоне, Корреджо, Тициана, Рубенса, Гольбейна...

И, наверное, каждый хоть на минуту останавливался возле ворот, где на сером камне торопливо разбежались строчки, написанные мелом. Они появились здесь девятнадцать лет назад, и время, конечно, давно уже стерло бы их. Но есть слова, имеющие право на бессмертие. И строчки у входа в галерею бережно и внимательно обвел резец. Вот уже девятнадцать лет их читают люди. «МУЗЕЙ ПРОВЕРЕН. МИН НЕТ. ПРОВЕРЯЛ ХАНУТИН».

Рядом, на бронзовой дощечке, перевод. Те же слова по-немецки.

Я не знаю, сколько человек побывало здесь, прочитало эти строчки. И задумалось над ними.

Немцы постарше помнят надрывные речи фюрера о «большевистском варварстве», помнят высокопарные разглагольствования Геббельса о «защите цивилизации Запада». Аккомпанементом к этим громким словам был сухой треск выстрелов в Бухенвальде, шум моторов «газвагенов», прицельный артиллерийский огонь по Эрмитажу.

А потом в Германию пришел советский солдат. Облазил с миноискателем залы и подвалы дворца саксонских курфюрстов и, расписавшись у входа, отправился дальше. Война еще не была закончена.

Прошло время, и вернулась в галерею Сикстинская мадонна, вернулись сотни шедевров, спасенных сначала советскими солдатами, а потом советскими реставраторами. Чтобы увидеть эти сокровища человеческого гения, течет в Дрезден нескончаемый поток туристов.

Не знаю, сколько людей прочитало написанные мелом и повторенные в бронзе строчки у входа в Дрезденскую галерею и в Цвингер. Но до сих пор неизвестна судьба человека, написавшего их, судьба сапера Ханутина. Его искали, но пока так и не нашли.

ОТЗОВИТЕСЬ, СОЛДАТ!
ВАС ИЩУТ ДРУЗЬЯ.

Генрих ГУРКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Дрезден.

Марка в деле под № 307

Россия. Осень 1912 года. Приближаются выборы в IV Государственную думу. В разгаре избирательная кампания. Каждая партия стремится провести в Думу своих кандидатов.

Агитационную работу среди населения ведет Российская социал-демократическая рабочая партия, которая призывает голосовать за свой список. РСДРП выпускает большое количество листовок, бюллетеней. Все это требует значительных средств. На избирательную кампанию в ЦК РСДРП высылали деньги местные социал-демократические организации, рабочие заводов и фабрик, социал-демократы из других стран.

Но вот еще один источник получения средств. Перед нами донесение чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел Российской империи из Парижа от 7 (20) сентября 1912 года директору департамента полиции следующего содержания: «Имею честь представить при сем Вашему превосходительству экземпляр распространяемой Российской социал-демократической рабочей партией особой марки для сбора денег «на избирательную кампанию».

Одновременно начальник железнодорожного полицейского управления доносит в департамент полиции о том, что на имя жителя Харбина — ссыльного поселенца Железнякова Владимира Дмитриевича (фамилия нелегальная, он же Крамаров Г. М., Исакович М. И.) — получено письмо из Парижа.

К сожалению, письмо не сохранилось и автор его неизвестен, но начальник железнодорожного полицейского управления сообщает в департамент полиции, что в конверт были вложены две марки, и далее цитирует из письма: «Коими (марками.— В. Х.) за границей производится сбор денег на избирательную кампанию в IV Государственную думу среди проживающих там социал-демократов».

Департамент полиции, опасаясь, что марка будет продаваться в России, 20 сентября 1912 года рассылает всем начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений циркуляр с предписанием принять «надлежащие меры к недопущению распространения подобных марок в пределах губерний».

Подлинные два экземпляра марки хранятся в Центральном государственном архиве Октябрьской револю-

колай Белобородов и сообщил, что в его танк попал снаряд, гусеница разбита, и двигаться вперед он не может.

Вдруг до нас донесся отдаленный гул мотора. По ритму его работы и звуку мы безошибочно определили, что это фашистский танк. Вскоре послышался лязг гусениц: танк вышел на асфальт. Мой танк не был виден противнику, и я решил ждать.

Прошли томительные минуты, и фашистский танк на малой скорости показался между домами. Выстрел — и бронебойный снаряд точно попал в левый борт танка, в носовую часть. Второй выстрел. Наводчик старшина Сергей Куликов (из Ярославля, может быть, тоже откликнется) был виртуоз своего дела. Вражеский танк разбит! Со вторым выстрелом мы немного задержались. И это получилось вот почему. Еще не рассеялся пороховой дым, как на фоне его (я смотрел через перископ) появились две бегущие женщины. Они торопливо накидывали на головы платки. Очевидно, это были жители дома, возле которого стоял мой танк. Я боялся, что из дома еще кто-то побежит и снаряд может поразить их. Но из дома больше никто не вышел. Я часто вспоминал этот случай. Вероятно, много пришлось пережить жителям этого дома, да и всему городу. Может быть, они сейчас живут в том же доме и тоже вспоминают то утро, тот бой.

В. СМИРНОВ, бывший командир танка

Шахунья,
Горьковской обл.

* * *

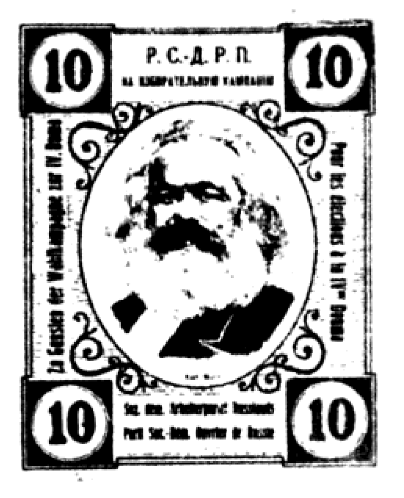
Заметка в «Огоньке» напомнила мне о многом.

В то время я был комсоргом танкового полка. Наш полк ринулся на укрепления врага, уничтожая своим мощным огнем живую силу и технику. Гвардии лейтенанту Е. Жилину была поставлена задача: взводом танков с приданной пехотой ворваться в центр Самбора. Эту боевую задачу член Ленинского комсомола Жилин выполнил. О подвиге Егора сразу после сражения я писал его матери и в школу, где учился Жилин.

Сейчас я работаю в милиции.

П. ЛОСЕВ

Горнозаводск.

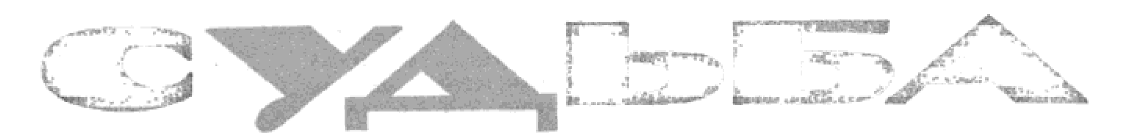
ции в деле под № 307 (фонд департамента полиции) с названием «Думская фракция Российской социал-демократической рабочей партии».

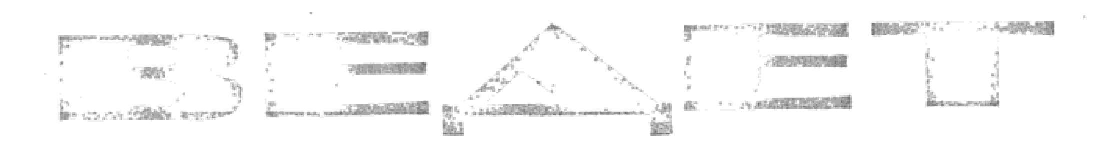
Марка фиолетового цвета, размер 4 x 5 сантиметров, в центре портрет К. Маркса, сверху призыв: «РСДРП на избирательную кампанию». Остальные надписи сделаны на немецком и французском языках. Внизу слова: «Социал-демократическая рабочая партия России»; с правой и левой сторон написано: «На избирательную кампанию в IV Думу».

В. ХМЕЛЕВА
научный сотрудник ЦГАОР СССР

Борис ИВАНОВ

Иван Копылов в Асуане

Так случилось, что вслед за Абдуразиком[1] я познакомился с Иваном Копыловым. Тоже молодым человеком. Его фамилия называлась на летучке тоннельщиков. Сказали о нем всего несколько слов: «Этот обеспечит... Парень точнодел». О других говорилось длиннее, с определенной дозой критических замечаний, хотя люди эти, я знал, достойные, опытные, уважаемые в коллективе специалисты. Может быть, потому, что на их плечах лежала большая доля ответственности и по старой традиции «кому много дано — с того больше и спросится» положено человека чуть ругнуть. Нет, чтоб чуть похвалить!

Что же такое «обеспечивает» этот парень на стройке? И звание какое к нему прицепили — «точнодел»! Поинтересовался.

— Электрик он,— сказали мне.— Бетононасосов... В тоннелях надо искать.

Но сколько я ни лазил по тоннелям, где подчищались последние недоделки перед сдачей, найти там Ивана Копылова мне не удалось. Говорили: «Только что был здесь» — или: «Посмотрите в четвертом»,— но он все время куда-то исчезал. Наконец в Намызыке, штабе стройки, дежурный диспетчер посоветовал мне поехать в город Кима. Нет ли его в городском клубе?

— Он у нас еще ответственный за оформление.

Шла подготовка к приезду Никиты Сергеевича Хрущева в Асуан. И советские строители, естественно, хотели встретить его как можно радушнее.

Город Кима вырос вместе с Асуанской плотиной. Это прообраз недалекого будущего Нубии — египетской жаровни — после полного завершения строительства на Ниле. Двух-трехэтажные дома — белого, желтого и голубого цветов — образовали широкие улицы, на которые нередко в мае ветер хамсин наметает песочные сугробы. Есть в городе и скверики, правда, деревца еще небольшие, но растут они быстро, если, конечно, их регулярно поливать, что и делается неукоснительно. Через года четыре, как раз к сроку окончания стройки, деревца вымахают так, что под их кронами можно будет скрываться от палящего солнца. А сейчас пока спасение от него только в квартирах, где искусственно поддерживается привычная для русского человека температура. И чтобы из комнаты на улицу не утекала прохлада, окна тщательно на лето закрываются. Как у нас зимой.

В скверика много цветов — ярких, сочных, душистых. Букет из них был преподнесен Никите Сергеевичу на плотине.

Вода, вода... Могучий талисман этих мест.

Подобный городок Сахара-Сити, или Садд аль Аали (так теперь его называют), возник и в Ливийской пустыне. Разница между ними лишь в том, что в Кима есть плавательный бассейн, а в «Сахаре» он только строится.

Действительно, Иван Копылов оказался в клубе.

— Вы что же, еще и художник? — спросил я.

— Да что вы, так, понемножку... Вот помогаю... Из Ленинградской академии художеств и то не все художниками выходят. Говорят, чаще учителя рисования... А я всего лишь электрик.

Передо мной за маленьким столиком клубного кафе сидел парень в белой панаме, голубоглазый. Короткий нос чуть приподымал его верхнюю губу, придавая лицу выражение «мне все нипочем». Но внешний облик человека не всегда выдает его характер. Стоило перевести разговор на деловую ноту, как сразу проступили застенчивость и скромность. И это было не кокетство, а черта сильного, знающего человека. Только верхоглядам свойственно хвастовство, жеманство и навязчивость. Хоть чем-нибудь поразить, когда за душой ничего нет.

Иван Копылов приехал в Асуан из Ленинграда, с Петроградской стороны. А из ворот той стороны выходят люди смелые, сильные, умеющие ценить и труд, и время, и самих себя. Красивые это люди! Хорошей, революционной закваски.

— Никак не думал быть в Египте. Любил белыми ночами посидеть на берегу Невы у сфинксов. Ребята, бывало, спрашивают: «Ваня, а где эти самые Фивы?». «Это все древность,— отвечал я им,— где-то в Африке». И, пожалуйста, сам очутился на родине сфинксов. Чего только в жизни не случается!.. А как работа идет, спрашиваете? Идет работа... Куда ей деваться? Сходите в тоннели, посмотрите. Поговорите с народом...

Лицо посерьезнело. «Я, мол, что... Вот народ...»

— Природа здесь сначала показалась неинтересной, не то что наша, ленинградская. Побродить негде... Ни листика кругом, ни травинки. А потом ничего, пообвыкли. Даже на охоту за лисами ходил. Есть они, оказывается, и в пустыне.

Тут снова оживился мой собеседник, но ненадолго. Сами понимаете, почему. Меня больше тянуло узнать не об асуанской фауне и флоре, а о жизни Ивана Копылова, о его рабочей судьбе. Сам случай свел меня с двумя молодыми людьми — арабом и русским. И как было тут не поискать параллели!

И все же кое-что мне удалось у него выудить. Помог Ленинград, где я недавно был. Общие интересы сближают.

Судьба у Ивана Копылова — каких не счесть в поколении, родившемся в канун войны. Остался сиротой в двенадцать лет. Тяжело, конечно, досталось. Но кровом и хлебом его не обделяли. Поступил учиться в ФЗО. И в то время, когда родственники Абдуразика упрашивали взять мальчика на стройку, чтоб он смог научиться чему-нибудь, Иван был уже квалифицированным электриком, знатным человеком на строительстве ленинградского метро. Работая, он закончил вечернюю среднюю школу. Правда, в Горный институт попасть не удалось.

— Так обидно было! Не дотянул двух баллов. По математике тройку схватил. Сейчас зубрю синусы и косинусы. Надежды не теряю. Скоро поеду держать экзамены.

[1] См. «Огонек» № 22 «Асуан — великое событие».

В том, что Иван Копылов станет студентом, нет сомнений. Характер! Да и шансы возросли. Опыт, полученный в Асуане, многого стоит. Иван и сам теперь учитель. Не один арабский юноша прошел через его руки, став электриком.

— Способные ребята.

В круг обязанностей Ивана Копылова на Асуанской стройке входит многое. Вибраторы, насосы, освещенность тоннелей. Электрическая лампочка в тоннеле — все равно что солнце в небе. Без нее ни шагу — ни вперед, ни назад. Не было случая, чтобы из-за неисправности машин срывалось хоть на час бетонирование. А работы шли круглые сутки. Представляете, как четко нужно было наладить ремонт механизмов! Ведь ничто не вечно в нашем подлунном мире. И не отсюда ли пошло дружеское прозвище Ивана «точнодел»?

Однажды потребовалось сверхсрочно подготовить блок под бетонирование. Обычно на это уходила целая смена. А смена в Асуане не шесть, как у нас, а восемь часов. Здесь наши трудятся по египетским законам. Думали, Иван управится за четыре-пять часов. Ошиблись. Все было готово через два.

— Как это вам удалось? — спросил я. Но опять наткнулся на односложный ответ:

— Ничего особенного. Работали.

Никита Сергеевич Хрущев на встрече с советскими специалистами, послушав выступление Ивана Копылова, назвал таких рабочих, как он, Муромцами и Поповичами. Но хоть у былинных богатырей и была косая сажень в плечах, сказал Н. С. Хрущев, им не по плечу было изменять течение рек, смещать горы.

Работали. Просто ведь как! Но какая в этой простоте сила!

— Ну, мне пора! Разболтался я что-то сегодня,— сказал Иван, подымаясь из-за столика.

— Кисти, поди, соскучились? Подождут.

— Нет, площадку надо посмотреть... Малый Асуан строим.

— Что, что?

— Малый Асуан, говорю.

Оказывается, молодые специалисты Кима так называют спортивную площадку, которую они строят для детей в свободное от работы время. А ребятишек в Кима много. И число их растет быстро.

Везде успевают строители. Вот и Абдуразик недавно женился. Его ребятишкам будет где набираться сил для новых строек свободной Африки.

Стремительно время в наш век.

Перепад в сто градусов

С балкона гостиницы «Шеппард» открывается вид на широкий Нил. Вдали зеленеют метелки финиковых пальм, широкие кроны эвкалиптов острова Замалик. На этом острове до недавнего времени селилась каирская знать. И сейчас здесь в прохладных домах с открытыми мраморными подъездами живут дипломаты, писатели, инженеры, журналисты, все больше люди состоятельные.

Медленно проплывают по Нилу груженные камнем парусные фелюги. Перед мостами, чтобы можно было пройти, мачты на фелюгах опускаются, и команды суденышек берутся за весла. У каждого гребца одно весло. С двумя и не справиться. Весла огромные. Да и фелюги широкие.

Серебряным стометровым мечом сверкает на солнце струя фонтана, бьющего посередине реки. Гудит, тарахтит проносящееся по набережной стадо автомобилей. Тут не держат, как говорят наши орудовцы, ряда. Машины то сбиваются в кучу, то несутся вперед, обгоняя друг друга. На каменных скамьях молча сидят прохожие. Кричат на все голоса торговцы орешками, бобами, кофе, лепешками, расхваливая свой товар. Идут по тротуару мальчишки с деревянными ящичками в руках, внимательно всматриваясь в туфли встречных мужчин. Не дай бог, на туфлях оказалась пыль: вы тут же будете атакованы бродячими чистильщиками. Спасение в одном — отдаться во власть их быстрых щеток.

Вечер наступает, минуя сумерки. Как только оранжевое солнце упадет за небоскреб гостиницы «Эксельсиор», зажигаются огни неоновых реклам. Светлячками мигают газовые лампы уличных торговцев. Начинает крутиться огненное блюдце на шпиле ажурной железобетонной башни, предназначавшейся для телецентра, но отданной почему-то туристам. На верхней площадке башни устроен фешенебельный ресторан и отведено место для обзора города. Отсюда отлично виден не только весь Каир, но и пирамиды на его дальней окраине.

И, как всегда в эту пору, появляется на набережной шарманщик. Он ставит на тротуар старинный, похожий внешне на пианино инструмент, и скрипучий вальс вплетается в шумный оркестр улицы. Шарманщик не один. С ним мальчик. С какого бы этажа ни была брошена монета, она никогда не упадет на мостовую. Мальчик ее ловко подхватит в свою широкополую шляпу.

Не знаю, как зовут этого шарманщика, таскающего на спине свой немудреный инструмент, но он мне напомнил другого, с которым я знаком. Точнее, он был шарманщиком. Теперь Мухаммед Аду гидромеханик. А было время, Мухаммед Аду так же бродил по улицам Каира, развлекая падких на старину туристов. Бродил до той поры, пока не потянулись к Асуану со всех концов Египта тысячи жаждущих настоящей работы рук. Он тоже поехал, захватив с собой и музыкальный ящик. Так, на всякий случай. А вдруг его руки окажутся лишними?

Аду не опоздал. В двадцать лет опоздать трудно, да еще в пору, когда народ только начал шагать в новую жизнь. Вот в семьдесят включиться в марш сложнее. Это опоздавшие. Вернее, новое время запоздало для них. Так с горечью говорил мне старик Салем абу Амаад.

— Эх, если бы мне сбросить лет сорок! Но все же я счастлив, счастлив вот ими,— показывал Салем на парней, садящихся в автобус, который направлялся из Садд аль Аали к плотине.

Вряд ли был среди этих парней Мухаммед Аду, а может, и был. Ведь он два раза в день проделывает на автобусе путь от города Садд аль Аали к плотине. Утром — на работу, к классификаторам. Вечером — домой, к семье.

Я с Мухаммедом Аду познакомился у классификаторов. Это три выкрашенные в оранжевый цвет многометровые башни. В них классифицируется (отсюда классификаторы), а попросту говоря, сортируется, песок. Затем, отсортированный, он попадает в огромную бетонную ванну, где бурлит, клокочет вода. Отсюда вместе с водой по широким трубам песок гонится к плотине.

— В месяц мы намываем свыше ста шестидесяти тысяч кубометров песка,— заключил свой рассказ о работе классификаторов советский специалист Анатолий Георгиевич Медведев, коротко подстриженный, круглолицый, с коричневыми пуговками глаз сибиряк. О нем можно сказать, перефразируя поговорку: попал сюда из полыньи да в огонь. До Асуана он жил в Норильске. Там приходилось работать при температуре пятьдесят градусов ниже нуля, а здесь приходится при пятидесяти градусах выше нулевой отметки. Перепад в сто градусов! Редко кому довелось испытать такое. Хотя у сибиряков есть обычай: из бани в снег, а потом опять в баню. Резкая перемена температур, говорят, на здоровье не влияет. И Анатолий Георгиевич чувствует себя в Ливийской пустыне хорошо. Он с виду нетороплив. Есть во всей его фигуре этакая обстоятельность, что ли. Кажется, за что бы он ни взялся, все будет сделано не скоро, но крепко и ладно. Но это все впечатление от его внешности. В деле он другой. Неторопли Анатолий Георгиевич в походке. Зато быстр умом и смекалкой.

Сибирские реки замерзают уже в октябре. К началу зимы на них образуется двухметровый лед. Как быть в эту пору земснарядам, которые намывают песок? Ведь они работают на плаву. Не останавливать же на зиму всю стройку! На Красноярской ГЭС Анатолий Георгиевич придумал такую штуку: к земснарядам он приспособил вибраторы. Они разбивали ледяной панцирь, образуя вокруг земснаряда широкую полынью. Температура воздуха — минус сорок градусов. Из полыньи валит пар. Стрекочут вибраторы. Шипит земснаряд, подавая на плотину песок. И так всю зиму. Ни на час перерыва.

— Даже подледным ловом занимались,— говорит Анатолий Георгиевич.— Бетонщики к нам на уху приходили.

Анатолий Георгиевич—заядлый рыболов. Среди его ручного багажа, когда он летел из Москвы в Каир, немалое место занимали рыбацкие снасти.

— А в Ниле рыбка есть?

— Ловим... Приходите в гости, отведаете.

Был час дня. Солнце жгло немилосердно. Его лучи раскаленными иглами впивались в голову.

— Под навес бы! — взмолился я.

— Это что! Погода нынче нас балует. Сегодня только сорок два. Вам повезло... В эту пору за пятьдесят бывает. Вот тогда хуже. Механизмы перегреваются. А песок, как наждачное точило... Идемте в нашу контору.

Контора — небольшой домик, сложенный наскоро из деревянных щитов. В нем не только тень, но и холодная вода в большом жестяном жбане.

— Пожалуйста, асуанского кваску. Остужает...

Кружка ледяной воды словно переносит вас на какое-то время в умеренный климат. Дышится сразу легче.

— Так-то... механизмы, значит, перегреваются,— продолжал Анатолий Георгиевич, усаживаясь за длинный стол.— Беда! Трубы снашиваются, не успеешь глазом моргнуть. Я, конечно, чуть преувеличил для яркости картины. Глазом не глазом, но ухо держи востро. Рабочие колеса тоже приходится часто менять. Стояли мы на откачке в верховом канале. В низовом — экскаваторы работали, буровые станки. Тоннели рядом. Все шло ладно. Вдруг насосы стали. В чем дело? Оказывается, камни забили рабочие колеса. Вода начала быстро подниматься. Промедление — и нильский поток хлынет через тоннели в низовой канал. Катастрофа! Машины, людей — все смоет. Гидромеханизаторы превратились в водолазов, правда, самодеятельных. Нужда чему не научит! Под водой они перебрали механизмы, заменили детали и восстановили статус-кво... Вот как, иностранное словечко ввернул! Скажете, старик образованностью козыряет. Опять же для яркости!

Анатолию Георгиевичу всего тридцать восемь лет. Более двадцати из них он строитель. Норильский комбинат, Назаровская ГРЭС, Красноярская ГЭС — этапы немалого пути. Здесь, в Асуане, вокруг все больше молодежь. Старик не в смысле возраста. Старик в смысле опыта. Так я понял Анатолия Георгиевича.

— А в низовом и не почувствовали, что висело над их головами. Сейчас, конечно, все вспоминается легко. А тогда было не до улыбок. Особенно Аду у нас отличился. Вон он с гаечным ключом у трубы, видите?

Отсюда, из конторы, я видел человека в пробковом шлеме. Что было у него в руках, мог разобрать, конечно, только специалист.

— Аду! — крикнул Анатолий Георгиевич в окно конторы и помахал рукой.— А ведь совсем недавно только и умел ручку у шарманки крутить. Теперь вон какими машинами заворачивает! Да... Наберет полную грудь воздуха, в руки деталь — и под воду. Только пузырьки на поверхности. Как с аквалангом работал. Молодец!

В контору вошел смуглый высокий парень. В руках у него был действительно гаечный ключ.

— Здравствуйте,— сказал он по-русски.—Все в порядке, ранс... Мистер Анатолий хорошо,— продолжал Аду, обращаясь уже ко мне.

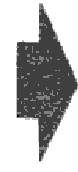
— Мистер Мухаммед отлично,— сказал в тон ему Анатолий Георгиевич.

— Нет, нет! Аду это много, много!

— Ничего, выдержишь. Вон какой вымахал! Шарманка цела?

— Уже не играет...

Потом мы втроем пошли к классификаторам. Анатолий Георгиевич и Мухаммед Аду чутко прислушивались к стуку машин, к шипению насосов. Переговаривались они мало. Два-три слова то по-русски, то по-арабски скажет Аду, два-три слова то по-арабски, то по-русски скажет Анатолий Георгиевич. Но понимали они друг друга легко, советский и арабский специалисты.

Советская техника в Асуане.

Фото Ю. КОРОЛЕВА и Б. ИВАНОВА.

Пирамиды ночью.

Последние тонны гранита летят в проран.

Вечером на стройке.

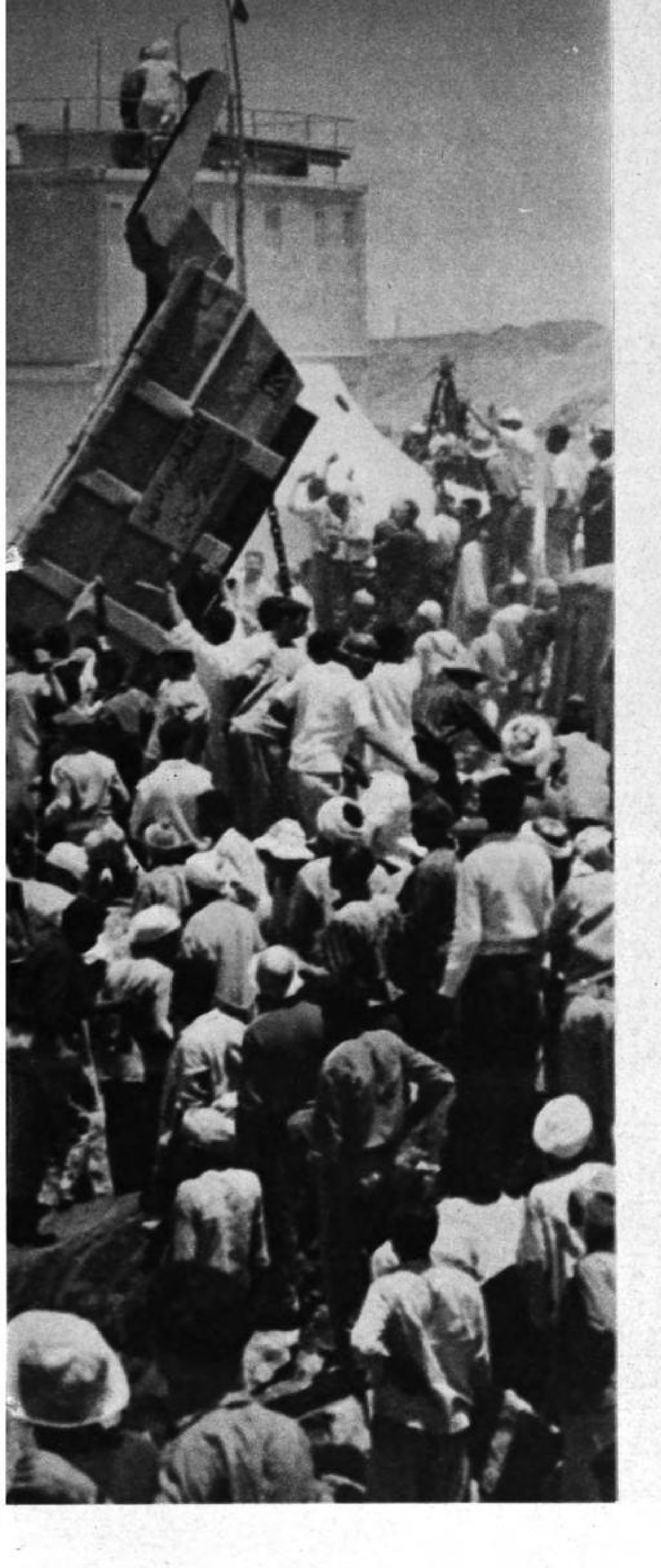

Министр строительства Асуанской плотины Сидки Солиман и советский специалист Александр Лысов.

Взорвана верховая пере
мились в

Так приветствовали перекрытие Нила арабские строители.

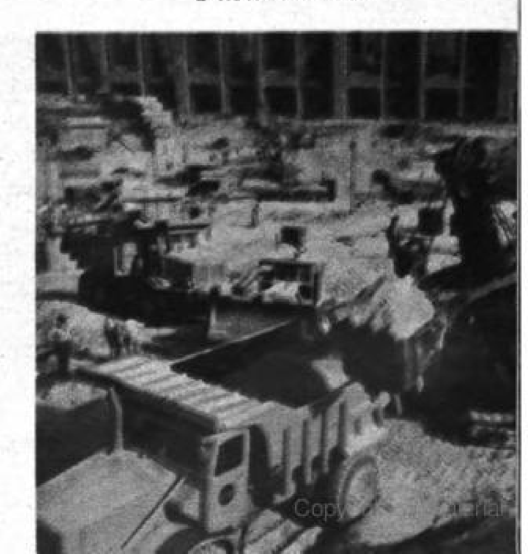
ычка, и воды Нила устре-
новое русло.

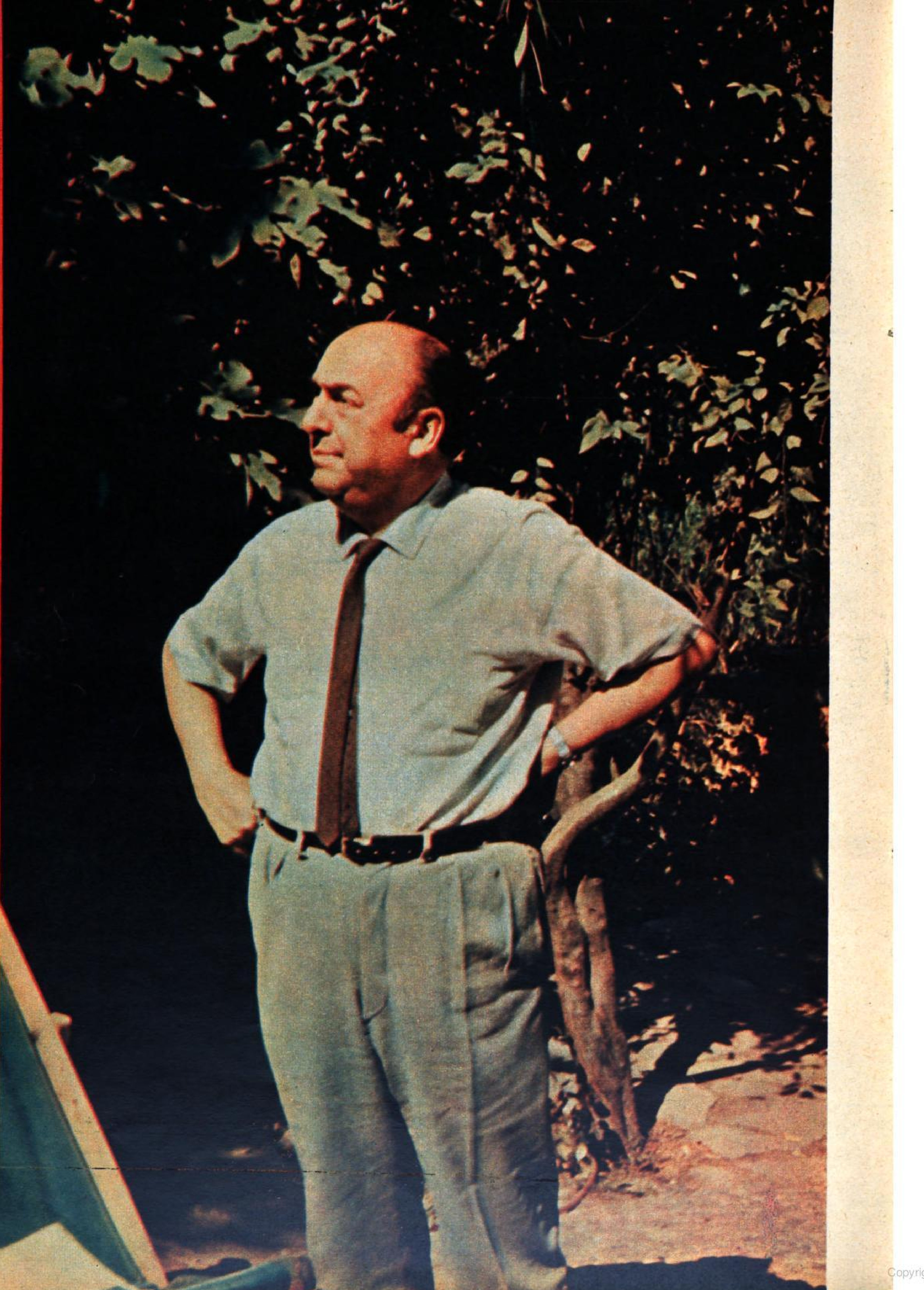

Проран за несколько минут до перекрытия Нила.

В котловане ГЭС.

Голос поэта

В. БОРОВСКИЙ

столько раз слышал о сказочном доме Пабло Неруды на Исла Негра, что в моем воображении он рисовался как волшебный замок на мрачном скалистом острове. Потому что Исла Негра значит Черный Остров.

Оказалось, однако, что, во-первых, это не замок, а просто дача. И стоит она вовсе не на острове, а на самом берегу Тихого океана. Лишь поодаль, среди воды, чернеет маленький пустынный островок. Совсем не так романтично, как представлялось.

Мы вошли в дом Неруды за полночь. Потому что знали: в тот вечер отмечалось окончание перевода «Ромео и Джульетты». Нас не ждали, но встретили с радостью. Неруда, широко улыбаясь, поднялся с кресла, стоящего у камина, и наполнил нам бокалы густым чилийским тинто — красным вином. Потом он надел очки, раскрыл старый фолиант в кожаном переплете и стал читать. Это была книга его любимого испанского классика — Кеведо. Язык, который не так-то просто понять нынешним испанцам...

Нам сказали, что книга была издана во времена Пушкина во Фландрии. А сколько лет резным деревянным фризам, украшающим гостиную, никто не знает. Никто не знает, на носу каких каравелл и фрегатов, когда красовались они, прежде чем попасть в дом поэта. Впрочем, быть может, модели именно этих судов висят под бревенчатым потолком.

Сложенные из причудливых камней стены, увешанные диковинными сувенирами деревянные перила антресолей, ведущих в башенку — капитанский мостик (кабинет поэта); были едва освещены пламенем камина и слабым светом свечей. На миг показалось, что все это не реальность, а чудесный мир, созданный щедрым воображением большого человека с бледным, усталым лицом и лукавыми, умными глазами. Стало понятно, почему все, кто побывал на Исла Негра, говорят о доме поэта, как о сказке.

Этот дом и все его убранство создавались по собственному плану Неруды, были плодом его неисчерпаемой озорной фантазии, одной из его поэм.

Здание, в котором живет Неруда в городе-порте Вальпараисо, моряки замечают первым, когда их суда входят в гавань: оно разукрашено так дерзко, такими яркими красками, что выделяется во всем архитектурном ансамбле города, взбирающегося высоко на горные уступы. Говорят, один сноб раздраженно заметил Неруде, что его дом похож на попугая. Поэт ответил насмешливым вопросом: «А почему дом должен походить на курицу?»

Когда я вошел в дом, мне показалось, будто мы попали еще в одну страну чудес. Поэт вывел меня на крышу полюбоваться ночной панорамой города, созвездием Южного Креста. Он показал на него так, будто оно было продолжением его коллекции — диковинных глобусов времени Колумба и книг, прошедших через руки Сервантеса. Словно и небо, и звезды, и город, и море были частью бесконечного собрания любопытных вещей, которые с неуемной жадностью и любовью накапливает поэт всю жизнь.

Неруда страстно и жадно любит жизнь. Он преклоняется перед прекрасными творениями природы и человека. Ни одна интересная деталь, ни одно интересное явление не ускользают от его глаз.

Менее всего Пабло похож на тех поэтов-одиночек, которые замыкаются в башне из слоновой кости. Он всегда с народом. Возле него всегда народ, преданные друзья. Свой рабочий день он начинает с телефонных звонков по поводу неотложных дел. Сегодня — это манифест интеллигенции в защиту патриотов, завтра — выставка художника, которому нужно помочь, послезавтра — конгресс в защиту мира. Неруда не может долго оставаться один. Он успешно работает даже в толпе, слушает, говорит и пишет стихи в одно и то же время. Кое-кто изображает его этаким безалаберным, богемным поэтом. Нет ничего дальше от истины. Пабло очень организован. Его работоспособность потрясающа. Он самый плодовитый из всех поэтов Южной Америки. Как-то сам Неруда сказал, что сорок лет назад он женился на поэзии. От этого брака на свет появилось множество талантливых детей.

Логика жизни и борьбы привела Неруду в ряды Коммунистической партии Чили. Он ведет кипучую политическую деятельность не только пером, но и страстным словом, талантом организатора борется за счастье своего народа...

Автору этих строк довелось неоднократно беседовать с поэтом. И всякий раз, начиная с литературы и искусства, Неруда обязательно переходил к политике, необыкновенно четко и проникновенно анализируя события, давая острые, точные характеристики политическим деятелям.

Я был свидетелем того, как на одном ужине Неруда ответил некоему скептику, выражавшему сомнения по поводу программы чилийского Фронта народного действия. Надо было видеть, какое неотразимое воздействие на присутствующих имела железная логика поэта, его умение ярко, образно подкрепить свои аргументы. Скептик был буквально изничтожен.

Когда Неруда поднимается на трибуну и начинает говорить, не спеша, растягивая слова, поначалу речь его кажется вялой и флегматичной. Но затем голос поэта крепнет, становится резче и звонче, увлекает и ведет за собой слушателей, поэтические образы проникают в сердца, заставляют их трепетать, пылать любовью и ненавистью.

Пабло Неруда — один из самых популярных деятелей Чили. Однажды мы обедали в Вальпараисо в приморском ресторане «Кастильо». Он расположен на берегу, и сквозь стекла террасы мы видели возвращавшиеся с лова баркасы, тяжело груженные рыбой. Улов был богатый: чайки шумными тучами носились над бухтой. Неподалеку от ресторана на берег выгружали огромные туши рыб-мечей и альбакор. На пе-

Пабло НЕРУДА

ДЛЯ ВСЕХ

Я сразу не могу сказать
то, что сказать тебе я должен.
Прости мне, человек, и знай,
что хоть ты слов моих не слышишь,
но я и плáчу и не сплю,
и я с тобой, тебя не видя,
давно с тобой и до конца.

Да, люди думают, я знаю:
что ж Пабло делает? Я здесь.
На этой улице ищи
и встретишь ты меня со скрипкой,
и я готов — и петь готов
и умереть.

И речи нет о том, чтоб бросить
кого-нибудь, других, тебя.
Прислушайся получше, в дождь
услышишь ты:
иду я, возвращаюсь, медлю.
Ты знаешь сам: уйти я должен.

Но если слов моих не слышишь,
не усомнись: я есть и был.
Всегда кончается молчанье.
Наступят сроки, жди меня.
Пусть знают все, что прихожу я
на улицу с моею скрипкой.

В ВЫСОКИХ РУДНИКАХ

Я избран был в высоких рудниках,
в Сенат приехал, сел и клятву дал
с сеньорами изысканными вместе.
«Клянусь»,— но клятва многих
была пуста; они клялúсь не кровью,
а галстуком своим,
клялись и голосом и языком,
губами и зубами,
но тут-то и задерживалась клятва.
А я принес песок
и пампу серую,
луну широкую, враждебную
над одиночеством, над ночью горняка,
и жажду дня сурового, и ложку жалкую,
латунную, и жалкий суп;
молчанье я принес,
я кровь принес оттуда, сверху,
кровь землекопа,
почти что истребленного уже,
но он еще мне улыбался
губами легкими своими,
и я поклялся человеком и его землей,
да, человеком и рудой, с которой он сражался,
искусством и несчастьем человека.

Когда сказал я: «Присягаю»,—
я присягнул не дезертирству и не компромиссу
и не хотел почета или побрякушек;
пылающую руку положил я
на пыльный свод законов,
чтобы она пылала и сгорала
с отчаянным дыханием земли.
Порою засыпал я, слыша
неуязвимый водопад
корысти и корыстолюбцев:
ведь речь порой кончали
не люди — цифры «0», «4», «20»;
и это были цифры взяток;
давал здесь слово сахар
иль котировка овощей;
один сенатором был от цемента,
другой же цену угля повышал,
а третий брал проценты с меди,
селитры, электричества и кожи;
автомобили, поезда, вооруженье
и лесопилки Юга
оплачивали голоса.
Мумифицированного я видел господина,
владельца пароходов,
он никогда не знал,
сказать ли «да», сказать ли «нет» он должен;
он был как древний водолаз, который
на дне остался по ошибке
и просолился весь.
И этот человек, в котором

Фото В. Боровского.

рекрестках уличные торговцы призывно кричали: «Росадо! Росадо!» (Розовая!) Так называется мясо альбакоры за его розовый цвет.

Я спустился вниз, чтобы сделать несколько снимков. Двое рыбаков подошли ко мне.

— Это правда, что тут обедает дон Пабло? Мы хотим послать ему домой альбакору, он ее любит...

Однажды, когда я был у Неруды в Сантьяго, раздался звонок и снизу кто-то тревожно вполголоса сказал: «Карабинеры». Так в Чили называют военизированную полицию. Неруда встал и направился к двери. Вошли двое парней в форме, смущенно сняли фуражки.

— Мы пришли попросить у вас новые стихи, дон Пабло...

Неруда широко улыбнулся и пошел за книжкой. Когда карабинеры скрылись за дверью, он сказал, задорно подмигнув:

— А ведь когда-то я должен был прятаться от них...

В фойе муниципального театра Сантьяго, где шел шекспировский спектакль заезжей английской труппы, мы разговорились с Нерудой о «Ромео и Джульетте».

— Толчком к этой работе,—сказал поэт,— послужили балет Прокофьева и фильм, которые я увидел в Москве. Мне посчастливилось: танцевала Уланова. Впечатление было настолько сильным, что, когда по возвращении на родину мне предложили перевести «Короля Лира», я отказался и засел за «Ромео». Это было нелегкое дело: одно дело — читать Шекспира, другое — переводить. Нужно понять внутреннюю структуру, механизм произведения, оценить по достоинству его величие. Без этого нельзя ничего о нем сказать. Три месяца жил я вместе с героями пьесы. Они стали мне близки, словно родственники или закадычные друзья.

Пьесу поставит университетский театр, используя прокофьевскую музыку. Я буду участвовать в спектакле — читать от автора. Заранее волнуюсь... Конечно, работаю я не только над Шекспиром. Пишу стихи, несколько книг о поэзии.

Беседа наша продолжилась позднее, в библиотеке поэта, в его доме в Вальпараисо. В раздумье прохаживался Пабло вдоль длинного стола, уставленного сувенирами, мимо огромных старинных глобусов, книжных полок.

— Мир, в котором мы живем, все шире и шире раскрывается перед нами. Это налагает на художника особую ответственность: ведь он должен быть всегда впереди, открывая другим путь в неведомое. Но для того, чтобы нам, литераторам, открывать новое, надо всегда помнить: в литературе центром вселенной является человек. И еще: художник, который не знает истории культуры, бредет, как слепой.

Неруда остановился возле глобуса и легким толчком повернул его так, что американский континент оказался наверху.

— Наша часть света огромна и неизведана; это налагает на труд литераторов Америки особую печать. Возможности нашей сравнительно молодой поэзии поистине не имеют границ. Это не значит, конечно, что мы не связаны с мировой литературой и не интересуемся ею. Особенно много нам дала литература советская. Мы испытываем чувство братской любви и признательности к советским писателям: они открыли для нас новый мир. Мы впервые увидели, что литератор может быть не только художником, но и солдатом. Может не только критически показать отживающий мир и призвать к его низвержению, но и бороться за новый, неведомый доселе мир. Мы многое поняли через советскую литературу, она нам многое объяснила. Можно сказать, что во многом советские писатели помогли нам понять величие подвига советского человека.

К несчастью, переводы произведений советских поэтов на испанский язык значительно отставали от переводов прозы. Это мешало нам увидеть широкую панораму советской литературы. Надеемся, что в ближайшие годы пробел будет восполнен: сейчас ведется работа над антологией советской поэзии на испанском языке. Я вспоминаю, какое большое влияние оказал на меня Маяковский, его отвага, решимость искать и найти новую тему. Подобно Маяковскому, я испытал необходимость внутренней эволюции и не следовал моде. Конечно, художник не изолирован, не может не испытывать влияния различных течений. Так, Маяковский испытывал влияние футуризма, но как подлинный творец он поразительно динамично преобразовывал его, подчиняя своей главной теме. В то же время Маяковский воспринял в своей замечательной лирике все лучшее, что дало ему литературное наследие прошлого. К сожалению, однако, плохие переводы не дают нам полного представления о подлинной поэтике Маяковского. Для нас до сих пор неведомы тайны его гениальной работы над словом.

Поэт остановился и сел за стол.

— Я живу сейчас не только литературой, но и политикой. Мое шестидесятилетие проходит, так сказать, между Шекспиром, новыми стихами и борьбой Фронта народного действия за избрание выдвинутого нами кандидата в президенты. В Латинской Америке наступила эпоха великих перемен, и поэт не может оставаться в стороне... На днях еду с нашим кандидатом, сенатором Альенде, в предвыборную поездку по стране...

В последний раз я видел Неруду на грандиозном митинге в Сантьяго. Двести тысяч человек собрались тогда в большом парке, чтобы заявить о своей поддержке кандидата в президенты от Фронта народного действия.

...По крутой, сколоченной из досок лестнице поэт поднялся на высоченную трибуну, окинул взором народное море и, достав из кармана вчетверо сложенную бумажку, сказал:

— Я вам прочитаю последнее стихотворение, написанное в автомобиле по дороге сюда из Вальпараисо. Стихи сложены в форме народных куплетов...

И над зеленым парком зазвучали острые, колючие строки, высмеивавшие реакционеров. Дружным хохотом, бурными аплодисментами двухсоттысячная аудитория подтверждала разящую меткость поэтических стрел. Поэта провожали овацией, как трибуна...

от человека не осталось ничего,
по воле случая решал, пройдет ли
закон ярма, что был объявлен против
народов бедных;
там в каждом примечанье содержались
страдание и голод ежедневный,
оправдывалась смерть,
и наполнялся кошелек работорговца.
Корректны были на свету торговцы
республики несчастной,
проглажены,
почтенны,
собравшись в стойле чистеньком
из полированного дерева,
улыбками друг друга угощая,
храня в кармане семя
растущего растенья денег.
Гораздо лучше было плоскогорье
и рудники, где камень, взрывы;
там люди, что меня сюда послали:
и грубые, суровые товарищи
и непричесанные женщины (где время взять?)—
заброшенные люди рудников.

А здесь согласны были все, как балки
прогнившего большого дома:
пусть доски рушились,
но сохранялась мертвая архитектура.
Здесь все готовились к тому,
чтоб посылать в тюрьму, в концлагерь,
в изгнание, на пытки и на смерть
тех, кто питал хоть малую надежду.
Я видел, как отсюда ранили далеких,
как убивали
моих отсутствующих
товарищей в пустыне;
для них готовили не только
суровый берег с лагерем Писагуа,
где одиночество, и беззащитность,
и траур над людьми царят;
не только пот, опасность, голод, холод,
отчаянную нищету — все это было
единственным и ежегодным хлебом
моих сограждан;
но здесь, в Сенате этом,
я увидал и услыхал чудовищ,
сидящих полукругом, в шелк одетых,
тех каннибалов розовых,
вооруженных лишь рубашкой и часами,
что смертный приговор скрепляли
несчастному, безвестному и нищему
товарищу из рудника.

Согласны были все
на то, чтоб голову голодному разбить,
точить оружье, виселицы ставить
и родину приговорить
к концлагерю на сотни лет.

И выбрали для этого они
пустынный адский берег,
необитаемый от века позвоночник Андов,
такое место,
где можно сразу умереть на месте,
они на карте с лупою искали.
Тюрьма в Писагуа — вот обрывистый застенок
из камня и воды:
она оставила как будто след укуса
на родине моей,
на голубиной ласковой груди.

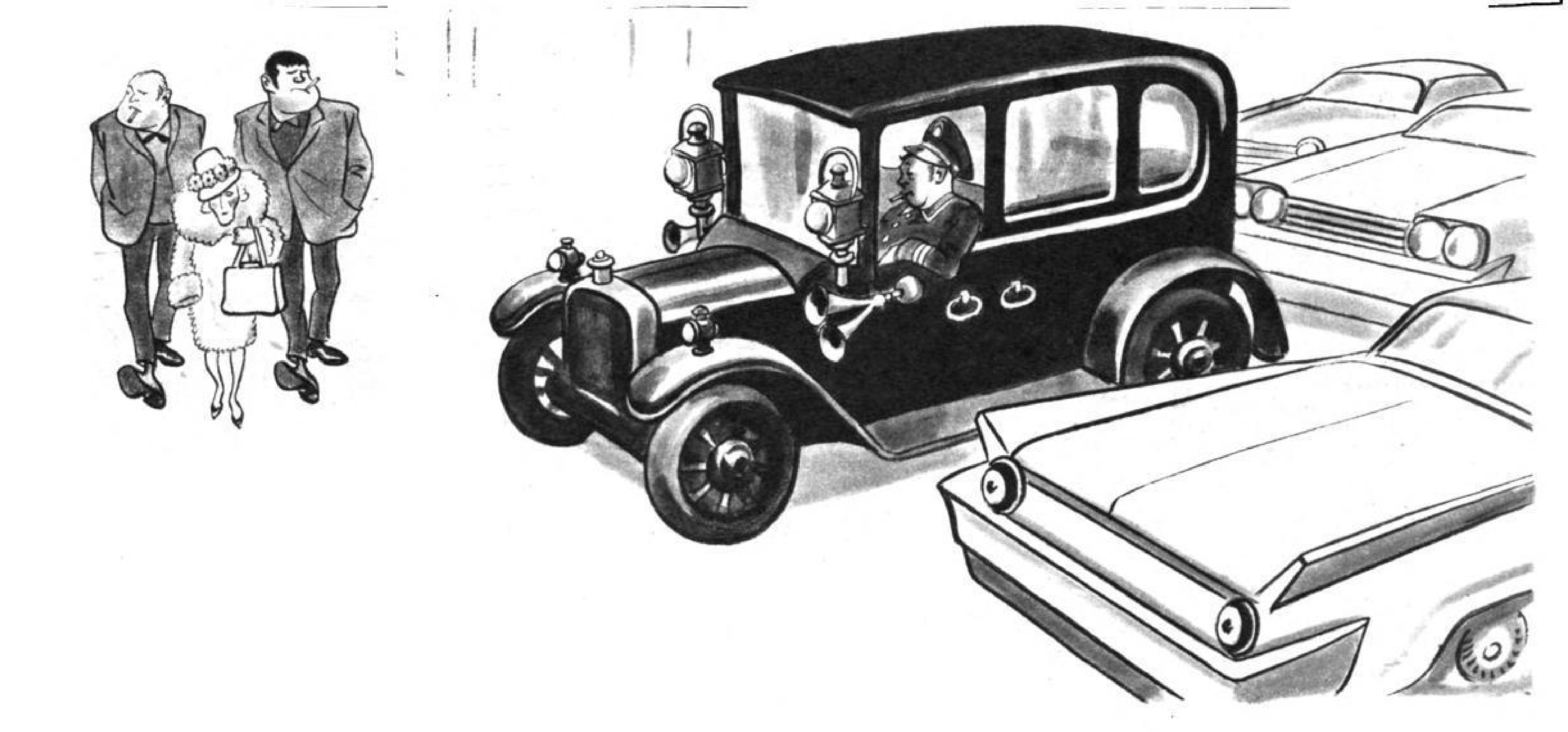
О ГОРОД МОЙ ПОТЕРЯННЫЙ

Мне нравился Мадрид, и вот я не могу
его увидеть больше никогда.
Горька уверенная безнадежность,
как будто умирал я в то же время,
как умирали близкие мои;
как будто полдуши моей легло в могилу,
и там покоятся среди сухих степей,
и тюрем, и застенков
я сам и та пора, когда бескровным был
еще цветок, луна не знала сгустков крови.
Мне нравился Мадрид предместьями своими.
Впадают улицы его в Кастилию,
как маленькие реки с черными глазами.
Кончался день.
Вот улица канатных мастерских
и бочек, обуви плетеной
(плетенка, словно чья-то косы),
изогнутых бочарных досок.
Вот улица угля и складов дровяных
и улицы таверн, как будто тонущих
в потоке Вальдепеньяс[1];
и одинокие, сухие улицы
с молчаньем плотным, как кирпич...
Идти, шагать без чтенья, и без счета
и без проводника, и не искать,
не находить, а только жить,
жить тем, что здесь живет,
и вместе с комьями земли молчать,
с камнями раскаляться,
и наконец услышать крик в окне,
колодца песню, громкий хохот,
как будто сумерки разбиты сломанным стеклом.
Потом в ущельях города под вечер
покрыты пылью лошади, и у повозок
колеса красны,
и запах булочных, уже закрытых,
как ночью закрываются цветы.
Мои скитанья приводили к цели —
на площадь Четырех Дорог,
где в доме № 3 на улице соседней
меня ждала улыбка глаз,
в которых искры синие горели.
Улыбки этой больше я не видел
на том лице (оно как розовое полнолунье);
не видел на лице Висенте Алейсандре[2].
Ведь я его оставил с теми,
кого с ним рядом нет.

Перевел с испанского
О. САВИЧ.

---

[1] Одно из наиболее распространенных испанских вин.
[2] Испанский поэт и прозаик.

Ариадна и Петр ТУР

Рисунки Бор. ЕФИМОВА.

Самый дорогой автомобиль

Рассказ

Вам всегда сопутствует в жизни такая удача? — иронически улыбнувшись, спросил наш гид, месье Бушар, типичный провансалец, невысокий, круглый, плотный, как сильно перекачанный резиновый баллон. — Ей-богу, господа, скорее можно себе представить над Марселем северное сияние, чем отсутствие свободных номеров в отелях.

И впрямь, нам чертовски не повезло. Угораздило же нас попасть в Марсель в дни эвакуации французов из Алжира. У пирсов Марсельского порта ждали очереди на разгрузку десятки и сотни кораблей.

В беспорядочной толкотне и мрачной эвакуационной перебранке день и ночь сходили на берег колониальные чиновники со своими многочисленными чадами, офицеры и солдаты Иностранного легиона, оасовцы, перепуганные коммерсанты и просто авантюристы. За столиками маленьких кафе сидели, изнывая от безделья и безденежья, молодые люди в мятых штатских костюмах, но с военной выправкой, с лицами, покрытыми свежим африканским загаром.

— А может, зайдем сюда? — обрадовались мы, увидев вертящуюся дверь отеля «Коммодор».

— Что ж, это можно,— улыбнулся Бушар.— Разумеется, если у вас в кармане скучает лишняя тысяча-другая франков. Это заведение не по вашим карманам. Здесь постоялый двор для миллионеров и коронованных особ.

Действительно, у подъезда отеля стояли машины, свидетельствующие о респектабельности его постояльцев. Низкие «понтиаки» с черными, демонскими крыльями за спиной. Прижавшиеся к асфальту красные гоночные кабриолеты, похожие на сверхзвуковые истребители. Зеркально-черные, прямоугольные «империалы». Длинные «ягуары» стремительных, динамических очертаний, как бы мчащиеся даже в состоянии покоя.

— Смотрите, какой смешной катафалк с мотором! — засмеялись мы, увидев внезапно среди этого пиршества современных форм старинное сооружение, как бы вернувшее нас к началу века. Высокая черная карета нелепо громоздилась на колесах с деревянными спицами. Сбоку поблескивали медные рожки старомодного сигнала. Допотопные керосиновые фонари торчали перед маленьким радиатором. Невольно вспомнилась реклама в журнале «Нива»:

«ПОСЛЕДНЯЯ МОДЕЛЬ 1902 ГОДА! РАЗВИВАЕТ БЕШЕНУЮ СКОРОСТЬ—20 ВЕРСТ В ЧАС!»

— Странно, почему этот рыдван до сих пор не на кладбище автомобилей? — изумились мы.

— Не следует торопиться с выводами,— загадочно усмехнулся месье Бушар.— Лучше загляните внутрь.

Мы подошли к автомобилю. Вылощенный шофер лениво смотрел какое-то танцевальное ревю на экране телевизора, вмонтированного в приборную доску машины. Его раскормленное лицо излучало чувство бесспорного превосходства над всеми остальными жителями планеты. Рядом с экраном телевизора мы успели заметить кнопочный переключатель скоростей, регулятор кондиционного воздуха и еще десяток каких-то рычажков и кнопок, как на приборном щите трансокеанского самолета.

Внезапно выражение превосходства стерлось с лица шофера: из вращающейся двери отеля появилась маленькая, сухонькая, как моль, старушка в голубых норках. Шофер выскочил из машины и поспешно распахнул заднюю дверцу. Обитые матовой красной кожей сиденья сами собой бесшумно повернулись на нейлоновых подшипниках навстречу голубой старушке.

— Это мадемуазель Маргарэт Брейн,— зевнул наш спутник.— Ей принадлежат крупнейшие судостроительные верфи не только в Сан-Франциско, но и на юге Франции. Ей семьдесят два года, она девушка.

Два частных детектива — телохранители мадемуазель Брейн — с шеями цирковых борцов и лицами, похожими на висячие замки, шествовали по обеим сторонам миллиардерши.

Неподвижное раскрашенное личико старушки было таким сухим, как будто его набальзамировали по крайней мере две тысячи лет тому назад.

Шофер коснулся какой-то кнопки, и странный драндулет плавно тронулся с места, мгновенно набрав сатанинскую скорость.

— У этого катафалка, как вы изволили выразиться,— усмехнулся месье Бушар,— мотор в шестнадцать цилиндров, мощностью в пятьсот лошадиных сил. Сверхсовершенная автоматика, фотоэлементы, гидравлические усилители... А то, что вы приняли за керосиновые фонари,— на самом деле сверхмощные фары с голубыми линзами и автоматическим регулятором интенсивности света.

И, заметив наше удивление, Бушар пояснил:

— Последняя мода, признак высшего благосостояния — ультрасовременная начинка в кузове начала века. Ничего не поделаешь — заскоки миллионеров!

И он красноречиво повертел указательным пальцем около своего виска.

— Эти машины так и рекламируются: «Самые дорогие и незкономичные автомобили в мире». Да, месье, хороший тон — это старые автомобили, мятые пиджаки и небрежно продавленные шляпы. Сейчас ни один порядочный джентльмен ни за что не наденет новый костюм. Правда, он сошьет его у самого дорогого портного, но прежде, чем надеть, даст обносить своему лакею. Или просто вытрет пиджаком свои башмаки... Да, да, месье, не удивляйтесь, это мода!.. А самый дорогой ресторан в Марселе называется «Смердящая падаль». Там платят деньги за... хамство. «Утку по-руански и бутылку Шамбертена!» — заказывает официанту какой-нибудь богатый бездельник. «А по шее не хочешь? — отвечает гарсон, не вынимая сигареты изо рта.— Ишь, чего выдумал, скотина!..» — Ну, а особо уважаемым клиентам при выходе дают пинка в зад. Это щекочет нервы, месье. Не верите? Ей-богу!

В общем, номеров в гостинице мы так и не достали и приняли решение: вечером, когда спадет жара, ехать дальше по своему маршруту. А пока пошли осматривать знаменитый марсельский собор Божьей матери-на-страже.

* * *

Далеко в море, за много миль от города, корабли, идущие на траверзе Марселя, видят статую мадонны с младенцем, высоко вознесенную над марсельской бухтой. Божья матерь-на-страже почитается патронессой щедрого Прованса, укротительницей бурь, охранительницей мореплавателей и виноделов. Скорбный ее лик изображен на черных знаменах Иностранного легиона, развевающихся над башнями старинной марсельской крепости, где находятся казармы колониальных парашютных войск.

По ступеням, раскаленным яростным солнцем Прованса, мы поднялись на вершину горы, к собору, увенчанному статуей мадонны. Покрытый пепельной патиной веков, храм изнутри похож на капище язычников. Из-под высокого купола в полутьме свисают на шнурах макеты кораблей — от парусных фрегатов и бригантин до ультрасовременных турбоэлектроходов, эсминцев и подводных лодок. На проволоке подвешены модели самолетов — устаревшие бипланы времен первой мировой войны и зализанные реактивные истребители сверхзвуковой эры. Крошечные железнодорожные составы из папье-маше, локомотивчики, пульмановские вагоны... И автомобили, автомобили — будто игрушечные, но совсем как настоящие — миниатюрные «ситроены», «пэжо», «крейслеры», «форды»...

— Что это, месье Бушар,— удивились мы,— свалка старьевщика или музей истории транспорта?

— Ни то, ни другое, господа,— ответил Бушар.— Просто жители Марселя, спасшиеся когда-либо от кораблекрушения, автомобильной или авиационной катастрофы, благодарят таким образом мадонну за чудесное избавление. Мои земляки немного наивны. Но они добрые католики и хотят верить в чудо.

И, заметив наши улыбки, месье Бушар добавил:

— Согласитесь, что это не так уж плохо в наш рационалистический век!..

«Спасибо вам за то, что вы спасли меня»,— заметили мы надпись на одном из этих фетишей. Французы — вежливая нация. И они обращаются к своему богу на «вы».

* * *

Вечером мы выехали из Марселя.

Город уже таял за поворотом, а мадонна, подсвеченная мощными прожекторами, еще долго горящим апокалиптическим видением, плыла в черном небе, победоносно подняв на руках младенца над неоновым чертежом Марселя, над кромешной тьмой Средиземноморья.

Сразу же нашу машину втянуло в безостановочный, бессонный бег. После города звездное небо тоже казалось неоновым. Бесчисленные красные огни стоп-сигналов качались впереди в темноте южной ночи. Мимо нас с тяжким ревом проносились огромные контейнеры, ночные автобусы, с реактивным свистом мелькали маленькие машины, как выстреленные из катапульты.

Только через некоторое время небо вновь стало первозданно-астрономическим.

Внезапно в неверном свете фар мы увидели перед собой знакомые нелепые очертания — шестнадцатицилиндровый катафалк американской миллиардерши вынырнул из темноты. Просигналив своими старомодными блеющими рожками, самый дорогой в мире автомобиль милостиво позволил обогнать себя и тотчас же растворился во мраке.

* * *

Мы переночевали в маленькой автомобильной гостинице на дороге и на рассвете тронулись в путь. Скоро дорога снова втянула нас в свой однообразный механический ритм. Десятки, сотни машин спешили через горы Прованса к Лазурному берегу. Они неслись на критических скоростях, за которыми, вероятно, наступает уже режим разрушения. Зачем? Куда? Наверно, никто не задавал себе этих вопросов. Человек, садясь за руль, чувствует себя здесь, на шоссе, уже не хозяином скорости, а лишь деталью на ленте гигантского сумасшедшего конвейера. Через мгновение и мы включились в это адское движение по бессмысленной орбите, в этот идиотизм вечного бега...

Гипнотические заклинания, начертанные ядовито-алой фосфоресцирующей краской, срывались нам навстречу. Рекламные щиты тасовались, как колода карт.

...Курите сигареты «Галуаз»! Пейте «Мартини»!.. Ваш банк — Лионский кредит!.. Шофер! Не садись за руль, если ты выпил больше литра вина!.. Ваш банк — Лионский кредит!.. Ограничение скорости! Запрещается скорость свыше 120 километров!.. Ваш банк — Лионский кредит!..

В тот момент, когда мы уже совсем было поверили, что Лионский кредит — действительно наш банк и что в его стальных сейфах лежат наши фамильные драгоценности и кругленькая сумма на наше имя, из-за крутого виража раздался визг тормозов и свист баллонов, трущихся на сумасшедшей скорости об асфальт... Гофрированный, розовый, цвета дамского белья маленький «ситроен» выскочил из-за поворота и вмазал в бок «Волги» с такой силой, что правое колесо нашей машины повисло над обрывом. А сам «ситроен» подпрыгнул и, потеряв переднее колесо, отлетел в сторону, ударился о скалу и перевернулся на крышу. В ужасе мы инстинктивно закрыли глаза.

— Катастрофа!

— Аксидан!— подтвердил месье Бушар, внезапно повеселев.

Усилием воли мы заставили себя выбраться из машины и, преодолевая страх, подошли к перевернувшемуся «ситроену». Три уцелевших колеса еще судорожно вращались, будто сучил лапами перевернутый на спину майский жук. Из-под капота валил дым. Пахло горелым маслом. Никаких признаков жизни не замечалось внутри злосчастной машины. И только густая красная лужа медленно растекалась по асфальту...

— Кровь!.. Жертвы!.. Сколько их? Насмерть или еще живы?

Вокруг уже собрались любопытные. Нервно сигналя, машины столпились на шоссе, мгновенно создав пробку. Пока мы, охваченные ужасом, переворачивали машину на колеса, месье Бушар темпераментно комментировал зрителям происшествие, обогащая его на ходу все новыми подробностями. Он тараторил без интервалов. Куда девалась его сонливость? Его будто подменили.

Между тем лужа крови все шире расплывалась на месте катастрофы... Какая-то пожилая немка, выйдя из своего «мерседеса», упала в обморок, ее приводили в чувство.

Наконец нам удалось поставить «ситроен» на уцелевшие три колеса. Скорей, скорей оказать первую помощь пострадавшим... если это еще не поздно...

Мы приоткрыли дверку, готовясь к кошмарному зрелищу. Внутри машина была пуста. Совершенно пуста! Никого — ни за рулем, ни рядом с шофером. Наваждение? Мистика? А может быть, эта гофрированная мыльница управлялась дистанционно или при помощи радио? На всякий случай мы приоткрыли заднюю дверцу. На нас обрушился поток какого-то барахла — рулоны материи, автоматические ручки, цветные пепельницы, яркие проспекты, битое стекло...

Оттащив останки «ситроена» на обочину, мы прислонили их для равновесия к огромному щиту, на котором было начертано: «Если вы хотите сохранить свою жизнь и деньги, путешествуйте только по железной дороге! С уважением Компания спальных вагонов».

Через несколько мгновений из-за скалы, нервно жестикулируя, выскочил маленький, как секундная стрелка, человек с черными усиками и белыми от страха глазами.

— Месье, мадам! — затараторил он, не переводя дыхания.— Какой ужас! Какой ужас!

Поверьте, я сам не понимаю, как это случилось! Пардон, пардон! Какая-то дьявольская сила вынесла меня на левую сторону шоссе!

Слова сыпались из него с мелким, частым треском, как выхлопы малолитражного мотоцикла.

— Тра-та-та! Это ужасно, месье! Я представляю, как вы испугались! Мне едва удалось выскочить из машины, слава мадонне! Тра-та-та! Тра-та-та!

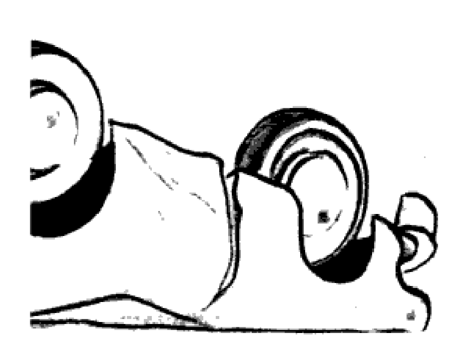
Маленькие черненькие усики на нервном тике подпрыгивали чуть ли не к бровям. Когда он приблизился к нам, мы сразу поняли, какая «дьявольская сила» вынесла его на левую сторону шоссе: от человека так разило винным перегаром, что мы даже пошатнулись. Было ясно, что малолитражный француз нарушил заповедь, начертанную на дорожных щитах,—не садиться за руль, выпив больше литра вина.

— Вам нужно срочно в госпиталь,— забеспокоились мы, пытаясь уложить «пострадавшего» на заднее сиденье «Волги».

— Зачем в госпиталь?— удивился владелец розового «ситроена», энергично отталкивая нас своими маленькими ручками.— Благодарение мадонне, я цел, как новенькое блюдце!

— Ну а это?— показали мы на зловещую лужу крови, багровевшую на асфальте.

— О господи! — Владелец «ситроена» патетически воздел кверху свои ручки.— Это же «Улыбка Прованса» — лучший фруктовый сироп не только во Франции, но и во всем мире! Производится из натуральных ягод и фруктов фирмой «Эвиан»! Содержит витамины А, Бэ, Цэ, Дэ и каротин, способствующий росту волос. Имеет тонкий аромат и очаровательный вкус!

В голосе владельца «ситроена» зазвучало подлинное вдохновение. Узенькие усики нервно перемещались по лицу, иллюстрируя всю сложную гамму переживаний.

— Месье, мадам! Я представитель знаменитой фирмы сиропов и фруктовых вод «Эвиан». К несчастью, господа, я лишен возможности предложить вам попробовать несравненный сироп «Улыбка Прованса»...— Он сокрушенно посмотрел на красную лужу и на груду битого бутылочного стекла.— Но можете мне поверить, это — божественное наслаждение!

И, потянув усики к ушам в улыбке, изображающей это самое божественное наслаждение, представитель фирмы «Эвиан» добавил конфиденциально:

— Скажу по секрету только мужчинам: наш сироп обладает еще и удивительным тонизирующим действием...

И он деловито начал совать нам в руки толстые полихромные проспекты.

Между тем все новые и новые машины скапливались на месте «аксидана». Какие только удивительные пилигримы не катят по автострадам Европы! Вот «гокар» — крошечное сооружение, деревянная платформа на колесиках диаметром с консервную банку. Бутылки бензина достаточно, чтобы миниатюрный моторчик мог тащить эту странную тележку добрую сотню километров. Сзади прикреплена дорожная сумка с пожитками владельца и кружка с табличкой: «Леди и джентльмены! Опустите сюда монету, чтобы студент Мичиганского университета Ллойд Хатчисон мог продолжить свое кругосветное путешествие на гокаре! Марси! Сэнк ю! Данке шен! Мучас грацияс!» И даже по-русски: «Болшое спасиба!» Вот странствующая автоцерковь, следующая прямехонько из Рима. Над крышей автобуса — золоченый крест, внутри алтарь, распятие, статуя мадонны, изображения святых и магнитофон новейшей марки «Грюндик» со стереофоническим звуком — вместо органа. Аббат в сутане вышел поглазеть на происшествие.

Внезапно в цветном ералаше сгрудившихся машин мелькнул знакомый странный силуэт. Шестнадцатицилиндровый «гроб» американской миллиардерши настойчиво блеял своими старинными медными рожками, прося дать дорогу. Высокомерно игнорируя дорожное происшествие, самый дорогой автомобиль в мире скрылся за поворотом...

А тем временем владелец перевернувшегося «ситроена» никак не мог остановить словесный поток, по-видимому, в результате нервного шока.

— Обратите внимание, мадам и месье, на мой костюм,— тарахтел он без умолку.— Он сшит из териленовой ткани фирмы «Фронсак и сыновья». Прошу учесть, что во время аксидана меня сжало в гармошку, перекрутило штопором, и — пусть простят мне дамы — минуты две я стоял на голове. И что же мы видим, мадам и месье? Костюм — как из-под утюга!

Действительно, костюм казался свежевыглаженным, чего никак нельзя было сказать о самом коммивояжере, который имел довольно-таки помятый вид.

— Вы думаете, это предел возможностей великолепной ткани? — Чернильные усики нервно вздрогнули и вспорхнули вверх по бледно-меловому личику.— О нет, ни в коем случае!

Маленький человек выхватил из бокового кармана шило и, к нашему удивлению, несколько раз с остервенением проткнул собственный пиджак. Затем, оттопырив усики и придав лицу зверское выражение, он начал перекручивать ткань так, как выжимают белье, с явным намерением доконать ненавистный костюм. Произведя эту операцию на полное уничтожение, он разгладил ладошкой скрученную полу и победоносно оглядел окружающих.

Действительно, никаких следов варварских акций нельзя было обнаружить на ткани...

— А если еще принять во внимание модный бутылочный оттенок нашей ткани,— завершил человек свою тираду,— то вам станет совершенно ясно, что приобретать надо только терилен фирмы «Фронсак и сыновья». Прошу записать адрес, месье и мадам: Лион, улица Жанны д'Арк, шестнадцать, «Фронсак и сыновья».

И как спринтер, прорвавший ленту финиша, маленький коммивояжер в изнеможении рухнул на землю...

Мы с трудом поставили беднягу на ноги — надо было заехать в полицию, чтобы сообщить о происшествии.

— Зачем ехать в полицию? — изумился владелец обломков «ситроена».

— Но позвольте, происшествие... Аксидан... Надо составить протокол... восстановить обстоятельства... Измерить рулеткой тормозной путь...— возразили мы, воспитанные в суровом духе московского ОРУДа.— Кроме того, месье, вы лишились вашего лимузина.

— Ну и черт с ним! — неожиданно воскликнул виновник аксидана.—Я счастлив, что эта розовая тачка наконец-то благополучно развалилась. Во имя чего в конце концов я плачу страховку? Теперь я смогу купить что-нибудь поприличнее. Вы не можете вообразить, господа, сколько приходится ездить, когда являешься представителем сразу двух фирм — фруктовых сиропов и синтетических тканей!

И слуга двух господ с ликованием пнул в бывший «ситроен» своей маленькой ножкой.

— И все-таки нужно сообщить в полицию,— продолжали настаивать мы, распахивая дверцу «Волги».

— О-ля-ля! Проехаться в русской «Волге»! С русскими ребятами! Ради этого не жалко потерять час времени! Зато какой рассказ можно приготовить потом для друзей и клиентов! Спутник-лунник, ту-ту, би-би!

И наш Труфальдино впорхнул в «Волгу», захватив уцелевший чемодан с образцами.

* * *

Мы тронулись, с трудом оторвав нашего месье Бушара от огромной толпы слушателей, вышедших из машин. Он увлеченно рассказывал им наши биографии. Из этого живописного, провансальски темпераментного повествования мы узнали о себе такие подробности, о которых сами не подозревали.

В помещении сельской жандармерии было пустовато. На белой стене скучало черное распятие. За пятнистым от чернил столом толстый капрал играл в лото с мальчиком лет семи. Капрал, видимо, проигрывал: он постукивал себя кулаком по лбу и мрачно собирал в пучок складки над бровями, стимулируя таким образом сложный мыслительный процесс.

— Господин капрал,— робко обратились мы.

— Что, что случилось? — прохрипел толстяк, не отрывая выпученных глаз от таблиц лото.

— Авария! Аксидан!

Страж порядка передвинул кепи с затылка на лоб, приняв официальный вид.

— Сколько убитых? — деловито осведомился он, отобрал у мальчика мешок с фишками.— Это чтобы ты опять не плутовал, Жан-Поль,— объяснил он своему противнику.

— Убитых нет, господин капрал.

— Так, так... А сколько раненых?

— Раненых тоже нет, господин капрал,— растерянно ответили мы, почему-то почувствовав свое полное ничтожество.

— И раненых нет? — возмущенно проревел капрал.— Тогда какого же черта вы отрываете человека от дела?

— Но разбились машины,— пролепетали мы, твердо усвоившие строгие заповеди родного ОРУДа.

— Так обменяйтесь страховками и катитесь на все четыре стороны!

И, сунув мешочек с фишками в руки ушастому Жан-Полю, он сдвинул кепи обратно, во «внеслужебное положение» — со лба на затылок, давая тем самым понять, что аудиенция закончена и стыдно, черт возьми, морочить пустяками голову столь занятым людям!

* * *

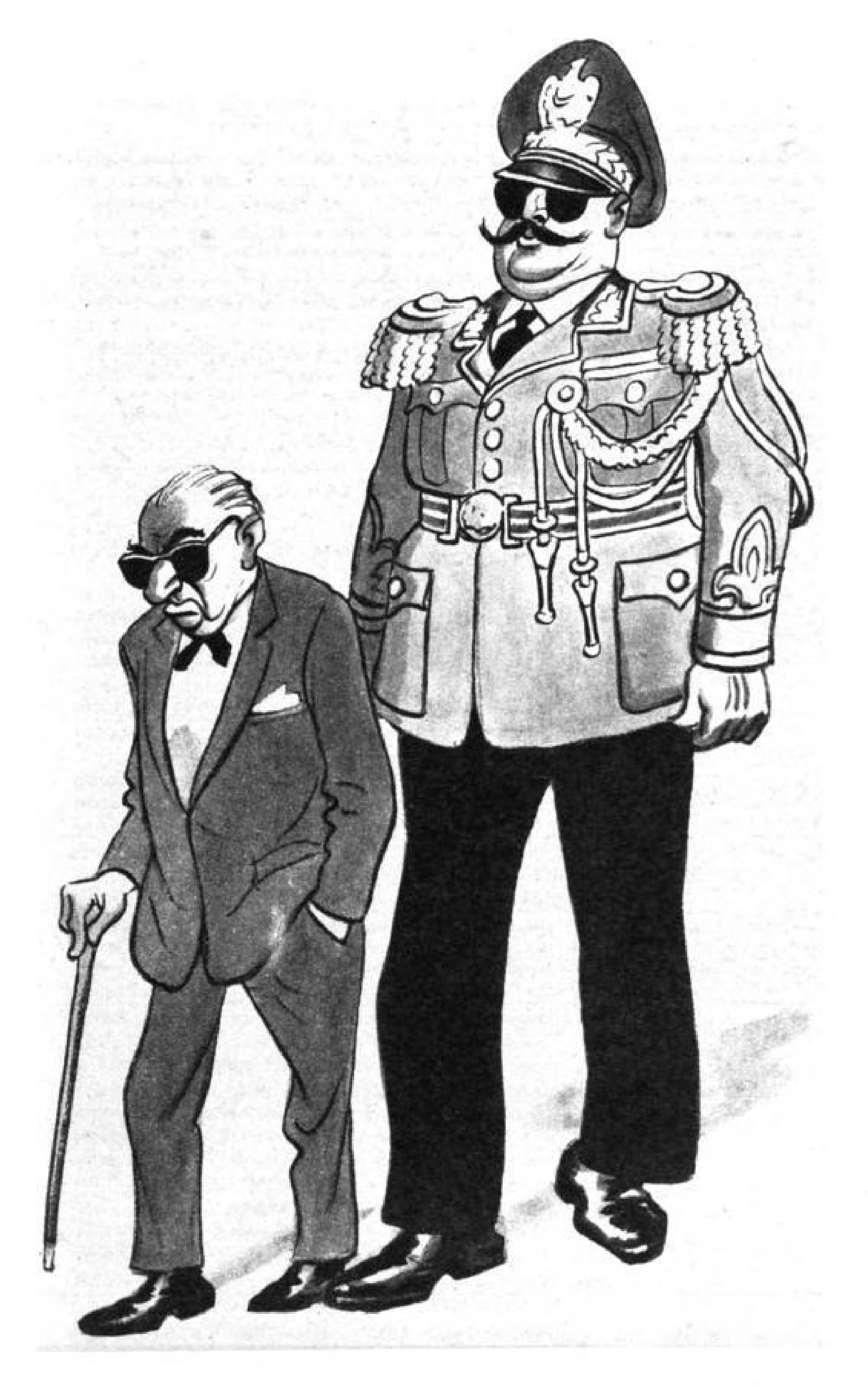
Мы простились с маленьким коммивояжером. Черные усики собрались в скорбную точку над вздрагивающей губой.

— О друзья!— стонал виновник аксидана.— Поверьте, мне так грустно расставаться... За эти полчаса я привязался к вам, как к родным братьям! Мир! Дружба! Да здравствует Гагарин!

И он укатил на попутной машине, следующей в Марсель.

— Можете не сомневаться, господа,— меланхолически заметил месье Бушар,— что в ближайшие дни в нашем соборе Божьей матери-на-страже будет болтаться новый подарок мадонне — маленький розовый «ситроен» с надписью: «Благодарю вас, пресвятая дева, за чудесное избавление...» — И, улыбнувшись, Бушар добавил:—«И за новенький автомобиль, полученный по страховому полису».

Недалеко от Ниццы мы вновь поравнялись со странным черным лимузином американской миллиардерши. Новинка начала столетия стояла в тени деревьев на своих высоких смешных колесах. Но... что такое?!. Несмотря на скорость, мы успели заметить: вместо деревянных спиц поблескивали на солнце еще более нелепые — тонкие металлические, похожие на велосипедные. По-видимому, это не машина мисс Маргарэт Брейн, а какая-то другая, похо-

жая, как близнец?.. Мало ли богатых чудаков катит по направлению к обиталищу бездельников — Лазурному берегу!.. Из машины вышел незнакомый господин и, приоткрыв капот, начал копаться в моторе — по-видимому, и высокая американская техника иногда отказывает!

Скоро мы въехали в Ниццу.

Мы миновали фешенебельный Променад Дез'Англез с громадами старых отелей и припарковали свою «Волгу» около маленькой скромной гостиницы, вдали от дорогих пляжей и незатихающего парада «сладкой жизни».

Пообедав, мы вышли погулять под пальмами знаменитой набережной. На рейде Ниццы серели корабли американского шестого флота. С авиаматки «Рузвельт» с пушечным грохотом катапультировались реактивные истребители. За низенькими столиками на верандах кафе сидели девушки в костюмах «бикини», с розовыми, сиреневыми и зелеными волосами. Набережная была полна полуголых американских старух в кремовых шортах.

— Вот самый дорогой отель на всем Лазурном берегу,— указал месье Бушар на старомодно-солидное серое здание, сплошь зашторенное зелеными жалюзи, будто чопорно застегнутое на все пуговицы.— Здесь, как и в марсельском «Коммодоре», останавливаются только дипломаты и принцы крови.

Мы не удивились, когда недалеко от подъезда самого дорогого отеля увидели уже знакомый нам самый дорогой автомобиль: где еще останавливаться путешествующим богачам? Господин, виденный нами на дороге, с меланхолическим лицом вышел из своего дурацкого катафалка и направился к дверям отеля. На господине был небрежно смятый пиджак и брюки с пузырями на коленях. Но экстравагантность его костюма уже не обескуражила нас.

Дудки! Нас не проведешь! Мы чувствовали уже себя достаточно компетентными в причудах современных миллионеров!

Из зеркального подъезда отеля, высоко неся крупную благородную голову, вышел огромный, тучный человек в генеральском мундире, расшитом жирными золотыми кренделями. Его чеканный профиль был самой природой рассчитан на воспроизведение в мраморе и бронзе.

— Смотрите, господа,— сказал месье Бушар.— Вот диктатор Парагвая.

На толстых плечах диктатора лежали литые эполеты с золотой бахромой, из-под которой свисали тяжелые жгуты аксельбантов. Воинственный великан сиял так жарко, что мы на мгновение зажмурились.

Да! Это картина! Досадно только, что величавого толстяка мешал как следует рассмотреть мельтешивший впереди тощий старикашка с брезгливо-кислым выражением лимонного лица, свидетельствующим о хроническом гастрите.

— Этот старичок, наверное, секретарь диктатора? Или его лакей? — осведомились мы.

— Этот старичок и есть диктатор,— невозмутимо сказал месье Бушар.— Все города Парагвая украшены его конными памятниками.

И мы увидели, как благородный великан в золотом мундире профессионально натренированным движением приоткрыл дверцу подкатившего «паккарда» перед сердитым старичком. Позолоченный атлант оказался швейцаром отеля...

* * *

Скоро нас снова втянуло в адское скольжение по асфальтовой орбите, в механический конвейер автострады с ее усыпляющей прямизной без пересечений, поворотов и населенных пунктов. От жары еще больше хотелось спать. Сквозь подступающую дрему пейзаж становился смазанным, внефокусным, как сквозь толщу воды.

Наконец, как выстрел в упор, сверкнуло море. Мы проснулись. Мир снова вошел в фокус и приобрел нормальные очертания. Дьявольски захотелось есть. Мы пришвартовали нашу «Волгу» к дереву и прямо на траве разложили харчи. Из рук в руки пошел универсальный московский ножик об осьмнадцати лезвиях, лезвийцах, штопорчиках и маникюрных пилочках. Крохотные ложечка и вилочка делали окончательно непревзойденным этот шедевр родной метизной промышленности.

А когда мы снова тронулись в путь, оказалось, что именно этот высокоценный ножичек, гордость магазина хозтоваров в Черемушках, мы забыли в траве, на месте нашей дорожной трапезы. Пламенно обвиняя друг друга в горестной утрате, мы повернули обратно.

У дерева, под которым мы недавно обедали, стоял знакомый старомодный лимузин. И вдруг мы увидели нечто необъяснимо странное... Владелец самого дорогого автомобиля в мире, повернувшись к нам спиной, разворачивал пакет с остатками нашей трапезы.

Все еще не веря в трагическое неправдоподобие этой правды, мы подошли ближе. Владелец черного автомобиля выглядел гораздо старше, чем показалось с первого взгляда. Костюм его был не только измят, но и порядком потерт, башмаки покрыты толстым слоем дорожной пыли. Завидя нас, он с неловкой торопливостью начал заворачивать брошенный нами пакет своими крупными, тяжелыми руками.

— Вероятно, это ваше? — с суровым достоинством спросил он, протягивая нам пакет.— Я думал, что это вам уже не нужно... Извините...

Мы почувствовали непоправимую, мучительную неловкость, как будто нечаянно заглянули в чужую тайну.

— Нет, нет, месье... Мы забыли здесь только нож... Перочинный нож...— бормотали мы.

* * *

Высокий, худой, с глубоко врезанными морщинами, он был похож на рисунок углем.

Мы разговорились не сразу и с трудом. Наш собеседник был родом из небольшого городка под Тулоном. Там он работал на судоремонтном заводе.

— Много лет я красил суда, месье. С виду это безобидная работа, она не нуждается в особой квалификации. Но зато требует лошадиного здоровья. Мы работаем с пневматическими распылителями, и маска — слабая защита от распыленного яда. Он проникает в нос, в глаза, в легкие, в желудок. Почти никто не выдерживает и десятка лет на этой работе. Мне повезло, я выдержал пятнадцать. Можно сказать, что я оказался счастливцем. Я счастливец!..

Он засмеялся коротким и горестным смехом.

— Но потом проклятая пыль доконала все-таки и меня... Туберкулез, месье,— наша профессиональная болезнь... Я пытался еще бороться... Устроиться на какую-нибудь работу. Но все знали, что у Франсуа Дюрана дырявые легкие. В нашем маленьком городке нет тайн... А тут еще... Несчастья всегда приходят веселой компанией. Случилось самое страшное... Мой сын пропал без вести в Алжире. Говорят, его убили ультра...

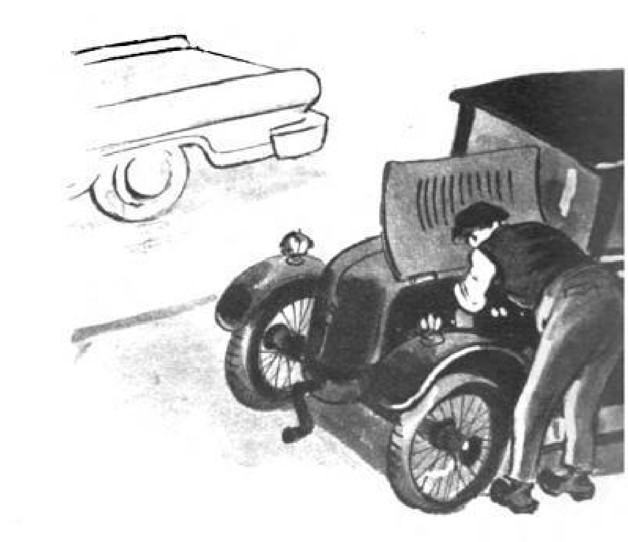
Голос его будто иссяк. Он замолчал. Тяжелые пальцы с силой разминали в пыль тлеющую сигарету, не чувствуя ожога. Черный алжирский табак сыпался на траву.

Помолчав, он продолжал:

— Ренэ был моим единственным сыном. Единственным... Ну, а Люсьена, моя невестка, предпочла сбежать с одним морячком из Тулона, бросив вот этих двух ребят...

Он кивнул в сторону мальчика, который уже успел доесть бутерброд.

— Короче говоря, в нашем городе мне делать было нечего. Пришлось наспех залатать

старый «рено» и тронуться в путь... А тут нас настигла еще одна беда — в дороге заболела маленькая Розали... Она там, в машине...

Мы заглянули внутрь «самого дорогого автомобиля». Да, вблизи все выглядело иначе... Здесь не было ни телевизора, ни благородной красной кожи, ни нейлоновых подшипников, ни кнопок автоматического управления... На продавленном сиденье с вытертой старой обшивкой лежала маленькая девочка, разметав руки от жара. Пожилая женщина поила ее с ложечки.

— Это мадам Дюран, моя жена,— сказал наш собеседник.

Что и говорить, машина семейства Дюран отнюдь не была двойником старомодной кареты мисс Маргарэт Брейн, как это нам показалось издали.

И, как бы угадав нашу мысль, месье Дюран улыбнулся.

— Вы удивляетесь, как это чудо техники может еще передвигаться? Я сам не могу этого понять. Но это факт, месье, что мы доковыляли сюда от Тулона на этой старой шкатулке. И еще — вас наверняка удивляет, почему такой граф, как я, очутился на Лазурном берегу? — Он усмехнулся горько, одними глазами.— Там, в Ницце, в отеле, мой старый друг работал слесарем-водопроводчиком. Он обещал устроить мне хорошую работу — мойщиком окон. Но я уже сказал вам, что беды приходят гурьбой. Его самого выгнали...

— Что же будет дальше, месье Дюран? — не удержавшись, спросили мы.

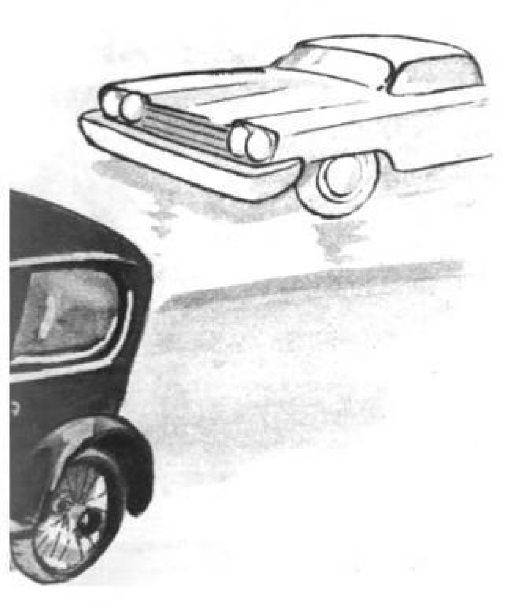
— Что будет дальше? О-о, если бы я знал, господа! — грустно усмехнулся наш собеседник.— Впрочем, весь мир не знает, что будет дальше...

Смертельная усталость светилась в его глазах. Угольные тени на его лице стали как бы еще резче. Человеческое горе предстало перед нами в скупом, графически точном чертеже. Цветной пейзаж вокруг сразу показался безвкусно-аляповатым. Будто разломали детский калейдоскоп, и вместо ярких волшебных узоров возникла тусклая горка битых цветных стекляшек...

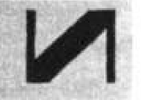
— До свидания, месье. Пойдем, Робер.

Наш собеседник приподнял свою запыленную шляпу и, взяв мальчика за руку, сильно сутулясь, пошел к нелепой черной колеснице, служившей им теперь единственным домом...

Внезапно пространство вокруг нас наполнилось громоподобным звенящим свистом. Истребители, катапультировавшиеся с авиаматки, свечой ввинчивались в небо. Они незримо проносились на адской высоте, оставляя морозные меловые росчерки инверсионных линий, как бы навеки перечеркивая старинное, пасторальное небо мечтателей и влюбленных, высокое небо человеческой надежды.

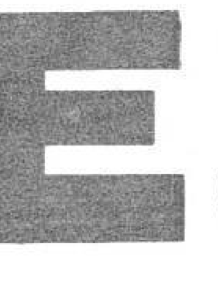
Письмо в редакцию

Известный русский юрист А. Ф. Кони в своей работе «Обвиняемые и свидетели» писал: «Опытом установлено, что мужчинам время (какого-либо события.— К. З.) кажется длиннее действительного на 35 процентов, женщинам же на 111 процентов, а время ведь играет такую важную роль в показаниях»; «ближайшие факты помнятся детьми сильнее отдаленных. Наоборот, память стариков слабеет относительно ближайших обстоятельств и отчетливо сохраняет воспоминания отдаленных лет юности и даже детства». Эти слова невольно вспоминаются, когда читаешь статью В. Катаняна «О сочинении мемуаров» в № 5 журнала «Новый мир». В этой статье автор выдвигает такой тезис: «Требования достоверности... в применении к мемуарному произведению распространяются и на мельчайшие детали». Что и говорить, хорошие требования. Но как их осуществить, если на показаниях мемуаристов отражаются не только пол, возраст человека, но и его настроение и множество других обстоятельств? Что и говорить, было бы очень хорошо, если бы «запоминающее устройство» независимо от группы конструктивистов, так же, как, во-вторых, возникли личные отношения Маяковского и с Сельвинским независимо от группы конструктивистов.

Кстати, о трех «знакомствах» с Маяковским. Этот вопрос особенно подробно разбирает В. Катанян, доказывая, что якобы их вообще не было. Но всякому, кто читал мои воспоминания, ясно, что знакомство с поэтом заключается не в том, чтобы подержать руку поэта. Можно просидеть с поэтом и два года за одним столом и ничего в нем не понять, как это и получилось у Катаняна. Под его пером Маяковский рисуется не как большой поэт революции, а как лефовский драчун.

Известно, что в последнем номере «толстого» ЛЕФа (№ 3 (7), 1925) были напечатаны две мои статьи («Идеология и задачи советской архитектуры» и «Книга, рынок и читатель»). Не кто иной, как Маяковский, опубликовал в ЛЕФе написанную мною (и вот откуда три, а не две статьи) «Декларацию Литературного центра конструктивистов» еще до того, как она появилась в сборнике конструктивистов «Госплан литературы».

Еще о мемуарах

человека — память — так была устроена, что сохраняла навсегда получаемые извне впечатления.

Что же главное в мемуарах? Главное, по-моему, образ человека или событий плюс достоверность приводимых фактов.

Сейчас многие люди принимаются писать воспоминания: военные, литературные, исторические. Поэтому статья В. Катаняна (независимо от ошибок, о чем ниже) может представить и общий интерес.

В. Катанян — автор книги «Маяковский. Литературная хроника», книги справочного характера. В ней изо дня в день прослеживается жизнь и деятельность Маяковского. И это полезная книга. Но его статья «О сочинении мемуаров» написана рукой «поверхностного и поспешного наблюдателя». В. Катанян хочет уличить во лжи авторов воспоминаний о Маяковском (Н. Сереброва-Тихонова, П. Лавута, Л. Кассиля, Е. Кольцову, К. Зелинского). Но, сосредоточась на мелочах, сопоставляя разные публикации, автор статьи утрачивает общий характер, и в результате получается неправда.

Это особенно видно на разборе В. Катаняном моих воспоминаний, напечатанных в «Огоньке» (№ 47, 1963).

Критику В. Катаняна моих «Воспоминаний» можно разделить на две части: одну, так сказать, «теоретическую», а другую — фактическую. Разберу наиболее обширную, первую часть. В. Катанян пишет: «Если и были между ними какие-то встречи и контакты в первые годы — 1923—1924,— когда взгляды К. Зелинского были еще не вполне ясны Маяковскому, то затем разница литературных позиций отодвигала Зелинского все дальше и дальше от Маяковского, и никакие контакты, кроме шапочных, были невозможны». Но этот тезис неверный, представляющий собой преднамеренное искажение фактов. И поскольку рушится основной тезис, то, как мы увидим, окажутся несостоятельными и дальнейшие умозаключения В. Катаняна.

Во-первых, у меня с Маяковским возникли свои, личные отношения

Таким образом, говорить о превращении наших отношений в «шапочное знакомство» — значит игнорировать факты.

Это станет ясно каждому, если он познакомится непредвзято с материалами истории литературы тех лет. Так, например, человек уже нового поколения Ю. Сурма, ленинградский литературовед, в своей книге «Слово в бою» — о Маяковском и литературной борьбе 20-х годов — писал: «Естественно, что страницы ЛЕФа были предоставлены не только для декларации конструктивистов, но и для статей К. Зелинского, где он, в частности, выступал против «отвлеченно-эстетического украшательства» и рассматривал «стиль нашей эпохи как стиль конструктивистский, стиль инженерный по преимуществу».

И дальше, указывая на близость в те годы идейно-эстетических установок лефовцев и конструктивистов на первом этапе сближения, молодой критик обращает внимание на слова Маяковского, которыми он открывал «Новый леф» в 1927 году: «Наша постоянная борьба за качество, индустриализм, конструктивизм (т. е. целесообразность и экономия в искусстве) является в настоящее время параллельной основным политическим и хозяйственным лозунгам страны» (там же). Спрашивается, откуда же взялся тезис В. Катаняна о «семилетней войне» (с 1923-го по 1930-й) конструктивистов с Маяковским?

Что касается моего личного отношения к Маяковскому, то я с первых же дней знакомства был покорен его личностью, его талантом. Доказательством могут служить не мои сегодняшние признания, а свидетельство Н. Асеева, на статью которого «Страдания молодого Вертера» ссылается В. Катанян. Н. Асеев, отвечая мне на мою групповую статью «Идти ли нам с Маяковским?» («На литпосту», 1927), начинал свой ответ такими словами: «Тов. Зелинский когда-то, в первые дни своей молодости, был искренне и глубоко увлечен поэзией Маяковского. Именно этот поэт был для него той первой любовью, которой для

других поколений, для иных юношеских увлечений был Пушкин».

Это увлечение личностью Маяковского осталось у меня на всю жизнь вопреки групповым разногласиям, разводившим людей в разные стороны, помешавшим мне тогда понять значение Маяковского — поэта социалистической революции. Понимание революционной роли Маяковского пришло позже, в тридцатых годах.

Беда В. Катаняна в том, что, собирая ряд фактов из жизни Маяковского, он оторвался от живого литературного процесса и меньше, чем кто-либо другой, понял идейную сущность самого Маяковского. Так, например, В. Катанян устраивает монтаж из выхваченных цитат из моей статьи о Маяковском, написанной более 35 лет тому назад, с цитатами из сегодняшних воспоминаний в «Огоньке». Но что может дать такой прием? Таким способом можно теоретически доказать, что Маяковский не мог хорошо относиться к автору стихов декадентского пошиба В. Катаняну.

В стихах В. Катаняна, посвященных некой эстрадной певице С. Мельниковой, есть такой автопортрет молодого лирика:

Ведь вам совсем уже не кстати
Моя прогнившая любовь:
Я — нигилист и провокатор,
Вы — укротительница львов.

Не берусь судить, насколько эта авторская характеристика соответствует действительности. Но вызывает удивление тот апломб, с каким сегодня В. Катанян взял на себя роль учителя всех, кто пишет о поэте. Даже тех, кто знал Маяковского задолго до приезда Катаняна в Москву. Например, П. Лавута Катанян критикует за то, что он написал «грустный», а не «тихий еврей Лавут». Но ведь сам-то Катанян на той беседе не присутствовал. Его умозаключения носят «теоретический» характер.

С этими мелочными сопоставлениями В. Катаняна было бы, пожалуй, трудно спорить. Но, к счастью, для истины у меня сохранилось объективное свидетельство — письмо С. Гехта об отношении ко мне Маяковского уже после статьи в «На литпосту» «Идти ли нам с Маяковским?»

Это письмо тоже своего рода мемуарный материал, и оно опровергает катаняновскую концепцию Маяковского как человека, якобы переходившего на «шапочное знакомство после того, как его кто-нибудь затронул».

«...Вот какие подробности мне вспомнились о том вечере в Гендриковом переулке, в доме Маяковского и Бриков. Год, по-моему, 1927-й. А может, и более поздний? Вы вернулись тогда из своей служебной поездки в Париж...

Л. Ю. Брик позвала Владимира Владимировича к гостям в соседнюю с столовой комнату, что-то там собирались обсуждать по части ЛЕФа, но Маяковский сказал:

— Лилечка, вот Зелинский не знает моих новых стихов. Я хочу их ему прочитать.

Он имел в виду, что Вы долго не были в Москве.

Первое из прочитанных для Вас стихотворений был «Разговор с фининспектором о поэзии». Читал Маяковский в столовой, оставшись с Вами наедине, но голос его, разумеется, был слышен во всем доме...

...Я пришел в этот вечер по делу, ненадолго... И поэтому не знаю более подробно Вашей беседы с Маяковским, который встретил Вас радушно, читал Вам новые стихи с охотой и вообще был в очень хорошем настроении.

С уважением С. Гехт.

29 декабря 1957 г.».

Если положить в основу тезис, выдвинутый Катаняном, то страница истории советской литературы, где будет рассказываться о взаимоотношениях Маяковского с группой конструктивистов, будет явно искажена.

В 1925 году Маяковский, имея в виду ультраформалистское крыло конструктивизма (А. Ган, А. Чичерин), говорил: «С этой группой нам пришлось выдержать долгий спор...» И дальше Маяковский говорил: «Например, группа конструктивистов с т. Сельвинским и Зелинским. Постепенно мы сумели оттянуть к нам наиболее интересную и близкую нам группу в лице т. Сельвинского, давшего прекрасную обработку жанрового языка, если можно так выразиться, образцов жаргона».

А за несколько дней до своей смерти, жестоко полемизируя с Сельвинским, Маяковский назвал в одном из своих выступлений имя Сельвинского в числе трех лучших советских поэтов.

Вот как действовал Маяковский. Споря, критикуя, он не увлекался враждой ради вражды, а стремился привлекать и перевоспитывать людей. Ведь люди не стояли на месте, а идейно развивались.

В. Катаняну кажется совершенно немыслимым, чтобы Маяковский при всей его критике в адрес конструктивистов мог иметь с ними какие-то отношения. Но это его субъективное мнение. Вот объективное свидетельство со стороны. В книге проф. И. Н. Розанова «Русская лирика» (написанной в 1927—1929 годах и вышедшей в 1929 году) говорилось: «Знаменательно положение единственной молодой воинствующей школы: устами Зелинского она старается отталкиваться от лефовцев, но лефовцы вовсе не относятся к конструктивистам враждебно. Поэтическая школа, претендующая быть последним словом в современной лирике, движется по пути мирных завоеваний».

На конференции МАПП (в марте 1930 года) Маяковский полемизировал с докладчиком Селивановским, который в поэзии отдавал пальму первенства конструктивистам. Но характер этой полемики был таков, что Маяковский своей критикой хотел помочь Сельвинскому, а не «уничтожить» его, так же как Маяковский, критикуя Есенина, хотел его отделить от есенинщины.

В. Катанян учит авторов мемуаров не вкладывать прямую речь в уста Маяковского (как это делают в своих воспоминаниях Горький, Чехов, Бунин и другие писатели), но сам свою «Литхронику» заполнил мемуарными материалами, в которых дана именно прямая речь Маяковского.

Очевидно, автор статьи «О сочинении мемуаров» «забыл», что он в своей книге «Литхроника» цитирует и мои воспоминания о Маяковском, в которых тоже содержится прямая речь. И более того, цитируется отрывок о выступлении Маяковского в Политехничке «по записи в дневнике К. Л. Зелинского, сделанной в тот же день» (см. стр. 203).

Что же получается? В 1956 году В. Катанян в печати подтверждает мое свидетельство о выступлении Маяковского, а в 1964 году говорит наоборот.

10 октября 1956 года В. Катанян подарил мне свою книгу «Маяковский. Литературная хроника». На подаренной мне книге он сделал такую надпись: «Корнелию Люциановичу Зелинскому с дружеским приветом и благодарностью от автора».

Дружеский привет можно объяснить хорошим настроением, но благодарность вызвана тем, что я помог В. Катаняну в работе над книгой, передав свои воспоминания.

Не буду утверждать, что мои воспоминания абсолютно точны и равнозначны историческим документам. Повторяю сказанное: мемуары — тот субъективный жанр, который всегда использовался с «поправками».

Называя мемуары субъективным жанром, я отнюдь не хочу этим наименованием оправдать любой произвол в обращении с фактами. Нет, я, как и все мемуаристы, всецело за точность. Но субъективизм в мемуарах, в частности, выражается и в том, что у каждого мемуариста вырастает свой образ Маяковского. Например, у Л. Ю. Брик в ее воспоминаниях «Чужие стихи» Маяковский предстает охотно поющим Игоря Северянина («Ему доставляло удовольствие произносить северянинские стихи. Он относился к ним почти как к зауми. Он всегда пел их на северянинский мотив»), хотя в стихах своих он отзывался о Северянине с раздражением.

Но, вероятно, автор воспоминаний права. Очевидно, в ее присутствии он любил «обыгрывать» Северянина, так же как и подписывать свои письма «Щенок» или просто рисовать маленького щенка. Интимный ход не всем может быть понятен и общедоступен, хотя выбор кошечек и собачек в качестве ласкательных имен — довольно частое явление.

Как говорится, каждому свое. Для одних Маяковский был «щенком». Для других — памятником. Я же помню Маяковского человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Маяковского-человека я и стремился изобразить в своих воспоминаниях.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

Июль 1964 г.

РАДУГА В ПУТИ

Алим КЕШОКОВ

К 50-летию со дня рождения

У КОЛОДЦА

Мое лицо то грустно, то смеется,
Его черты увидел я сейчас
На круглом дне прозрачного колодца,
Как в зеркале чужих глубоких глаз.

Пойдут круги, холст затрепещет зыбкий,
И оживет внезапно мой портрет,
Как будто здесь томится по ошибке,
Как будто хочет вырваться на свет.

Он здесь, пока стою с колодцем рядом,
Чуть отойду — он прячется всегда.
Так с тестем встретиться боится взглядом
Невестка в юные свои года.

Как будто жизнь одно дало нам семя,
Но я и он в саду — как цвет и плод:
Покуда первого не минет время,
Вовек пора другого не придет.

Невестка прячется за занавеской,
Стесняясь выйти, постоять, присесть,
Но сразу всем покажется невестка,
Как только двор покинет старый тесть.

БЕРЕЗЫ

У шоссе, за поворотом,— рощица.
Здесь в шинели возле перекрестка
Предо мною, как регулировщица,
Строгая и стройная березка.

Мне пути припомнились военные.
Терпеливо ждал я в зной, в метели,
Чтоб дала мне сведенья бесценные
О дороге девушка в шинели.

Пригрозит, бывало, в назидание,
Чтобы не задерживал другого.
Мне начальственное указание
Было, как напутственное слово.

И теперь, с березками беседуя,
По дорогам жизни, без опаски,
Расспросив, как нужно ехать, еду я,
Еду по березовой указке!

Пусть теперь не шепчутся с погонами
Ваши кудри, как в былые грозы,
Девушки под листьями зелеными,
Для меня вы — стройные березы!

СТИХИ-СТРЕЛЫ

Поток и радуга

Клокочущий поток с горы низвергся круто
И, превращаясь в пыль, на миг затих как будто,
Но, встретив радугу в пути, запел он вновь...
Я понял: принял он, нашел свою любовь!

Волкодав и еж

У волкодава еж, казалось бы, во власти,
Лишь надо разорвать того ежа на части,
Но мигом в колобок пред псом скрутился еж:
Частями не даюсь! Частями не возьмешь!

Слово дать и держать

Слово даешь — будто камень толкаешь с горы:
Катишь и катишь и счастлив от этой игры!
Слово ты держишь—и сердце сомненьем тревожишь:
Тот ли ты камень толкнул? Удержать его сможешь?

Перевел с кабардинского С. ЛИПКИН.

А. Герымский. 1850—1901. РАЗГРУЗКА ПЕСКА. 1887 год.

Т. Аксентович. 1859—1939. КОЛОМЫЙКА (НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ). 1895 год.

А. Бунш. ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ.

БРЫНСКИЕ

Человек проводит в школе несколько лет. Он учится у многих учителей. Человек вырастает, стареет, он навсегда сохраняет добрую память о школе. Каждый из нас с глубокой признательностью и сердечной теплотой вспоминает своих учителей и наставников, не забывая ни их внимательных глаз, ни добрых слов, ни строгих взысканий. Счастлив такой учитель и бессмертен в людях труд его!

Из доклада товарища Н. С. ХРУЩЕВА на четвертой сессии Верховного Совета СССР

ПРОСЕЛКИ

Ник. КРУЖКОВ

Фото М. САВИНА.

1

Когда-то здесь стеной стояли дремучие леса, и не было им ни конца, ни края. Лес обступал деревни и села со всех сторон, прятались в них разные «утеклецы», спасавшиеся от царевых слуг, бродили разбойнички — простому народу худого не делали, а купеческим обозам от них доставалось. Людская молва населила леса, лесные озерца и речки лешими и русалками, всякой жутью: народ здешний любил легенды, песни, в них отражались красота и буйство лесных трущоб, свет солнечных полян, дремота извилистых речек.

Да и сейчас лесов кругом много. Охота в них дивная. Здесь водятся кабаны, лоси, разная тварь, радующая охотника. А сколько грибов, земляники, ореха — собирай, не ленись, запасайся — на всю зиму хватит!

Тут протекает поэтическая речка Брынка, впадающая в Жиздру, окаймленная старыми ветлами, густым кустарником, местами мелководная — теленок вброд перейдет, местами глубокая, в омутах, нырнешь — дна не достанешь. От этой речки и название всей местности — Брынь. Слышишь в нем струнное звучание, гусельный перезвон, а что оно точно обозначает, мы не докопались.

Конечно, жизнь изменилась всюду, легли и здесь асфальтированные дороги, проселки приведены в порядок, через Брынь нет-нет да и пройдет автобус «Сухиничи—Думиничи», в небе вдруг прошумит самолет — старина ушла безвозвратно и живет только в сказках.

Двадцать с лишним лет тому назад сюда нагрянула война, заполыхали села и деревни. Гитлеровская орда двигалась к Москве, пожарами, насилиями, убийствами, разбоем отмечая свой путь.

Край был опустошен. Когда люди после изгнания врага вернулись на родные пепелища, им пришлось все начинать заново. Вот и село Брынь: было в нем до войны почитай с тысячу домов, а сейчас две с половиной сотни.

Следы жестокой войны в этих местах еще не стерты временем. Нередко находят люди в лесу заржавленное оружие, черепа и кости, а то бывает и так, что вдруг ахнет взрыв неизвестно от какой причины — значит, взорвался снаряд, не замеченный в свое время: убийца-война ищет новых жертв.

2

Здешние места не Кубань и не Украина, тут не похвастаешь трехсотпудовыми урожаями. Земля — суглинки да супеси, но народ и на них трудится со всей душой и живет, в общем, в достатке, хоть и достается этот достаток нелегко. Вот придет сюда химия, которой все ждут, и тогда повеселеет земля и возблагодарит людей за их труды.

Председатель брынского колхоза Георгий Денисович Мишин, аккуратный хозяин, привел нас на поле, где посеяна обыкновенная рожь «вятка», только сеяли ее с применением химических удобрений. «Вятка» эта поднялась выше роста человеческого, да и колос у нее такой, что любо-дорого посмотреть. Полюбили брынцы и кукурузу, «царицу полей»,— не по приказу, а от души, и стоит она густой и плотной стеной, важная и вальяжная,— 300 центнеров зеленой массы с гектара рассчитывают взять колхозники. Не шуточное дело! Картошка хорошая в колхозе, чуть было не прихлопнула ее засуха, да с начала июля прошли золотые дожди, и она воскресла, ожила, похорошела. Теперь беспокоит брынцев сенокос, и Мишин смотрит на грозовые, крутые тучи с раздражением, как недавно смотрел, щурясь, на горячее июньское солнце.

— Опять польет! Не когда просим, а когда косим...

Так уж устроен человек.

Колхоз брынский по калужскому счету хороший, и люди в нем живут и работают добрые, а все равно, конечно, это не Кубань, и всесоюзной известности здесь, может быть, и не добудешь.

Да ведь не в известности только дело. Важна любовь к своей земле: есть любовь — и земля украсится. Село Брынь после войны заново родилось на пепелище, на головешках, на развалинах, и возродили его к жизни люди, которые любят свою землю и никуда от нее не уйдут, хоть тут сто громов греми.

Село Брынь красивое, вознесено на косогоры, разбросалось от речки к лесам и полям, есть тут несколько улиц; одна из них называется Татарская, а от нее отошла еще одна — Сербия. Почему Сербия,— объяснить никто не мог. Видно, сказались тут какие-то давние симпатии к далекой славянской стране. Приезжий москвич залюбуется селом, а сами брынцы недовольны тем, что есть: хотят, чтоб было еще лучше.

Почин уже положен. Посреди Брыни каждый приезжий увидит молодой сквер с аккуратно посаженными деревцами, с цветниками, со скамейками, а сам сквер обнесен штакетником — для русской деревни эта новинка приятна. Напротив сельсовета стоит веселенький, чистый, аккуратный домик — местная библиотека, учреждение, которое здесь все любят и уважают. Возле правления колхоза, у сельсовета, у домов жителей увидишь цветы вместо пыльного бурьяна, который раньше безраздельно царил на улицах села. Приведены в порядок и очищены колодцы — вода в них стала чище, здоровее. Все это сделано руками сельской общественности, в свободное время, без копейки затрат.

Руководит Брынским сельсоветом Лидия Григорьевна Сенина, сорокапятилетняя женщина, мать двоих детей. Это очень толковый, энергичный и умный работник, но, будь она хоть семи пядей во лбу, ей бы одной ничего не сделать. Сила ее состоит в том, что она умеет объединять людей и у нее очень много помощников.

3

Есть люди, которые считают, что настоящая жизнь кончается за заставой большого города, что деревня — удел неудачников. Глушь, тоска, культурному человеку там делать нечего. Однако нигде не найдет культурный человек такого широкого применения своим силам, как в селе, нигде не почувствует себя более нужным, как вот в такой Брыни, в тысячах подобных Брынь, больших и малых. А они-то и составляют, если их сложить вместе, добрую половину России.

Живет и работает в Брыни женщина, имя которой произносится с большим уважением не только в селе, но и во всей окру́ге и в

Михайлины из Охотного.

— Будет Брынь хорошим селом. Вот сейчас начали у нас копать большой пруд. Не колхоз строит — государство. Колхозу такого дела не поднять. Через год-два здесь возникнет большое рыбоводческое хозяйство, вода разольется на восемьсот гектаров. Вы представляете, какая красота! Неудобно селу смотреться в эти воды неприглядным ликом... А наше дело — построить колхозный дом отдыха, водную станцию, пионерский лагерь...

Брынская интеллигенция живет жизнью своего села, его нуждами и заботами.

4

Если от Брыни поехать на Сухиничи и, не доезжая до поселка Середей, свернуть в сторону, то окажешься в Старой Брыни. Прошли золотые дожди, спасительные для яровых и озимых, проселочные дороги развезло, всюду синью сверкали лужи, и в них радостно плескалась всякая гусиная и утиная мелочь. Все ярко зеленело вокруг: дожди смыли пыль, и казалось, что луга и поляны только что родились на свет во всей первозданной красе. Мы ехали в село Охотное, что рядом со Старой Брынью, познакомиться с тамошними учителями—Семеном Ивановичем Михайлиным и Любовью Михайловной Михайлиной, людьми в здешней стороне известными. Один из местных старожилов так сказал о супругах Михайлиных:

— С ними жизнь становится виднее.

Что может быть лучше такой характеристики!

Несколько лет тому назад шесть молодых людей, окончивших Калужский педагогический институт, приехали в село Охотное — учительствовать в школе. Стояла осенняя пора, лили дожди, и добраться до деревни оказалось нелегко. Жить вначале было негде, но молодежь построила шалаш и разместилась кое-как в этом примитивном жилище. Все они были дружны, жизнерадостны, и поговорка «с милым рай и в шалаше» оправдывалась полностью. Среди них были и супруги Михайлины. Он смуглый, цыгановатый, в прошлом солдат-фронтовик, бывалый человек, она белокурая, нежная, ласковая, с той приятностью во всем, какая дороже самой высшей писаной красоты.

Вскоре, конечно, шалаш пришлось оставить, все разбрелись по немудрящим сельским квартирам, а Михайлины начали строить домик — они оседали в селе прочно, навсегда: учительская работа не терпит кочевья. Оба они были по рождению своему калужане: он из села Плюсково, что недалеко от Козельска, она из-под самой Калуги — здешняя земля была желанна для них.

Почему же все-таки с Михайлиными «жизнь становится виднее»? Что они сделали? Ну, конечно, первым делом наладили школу, где Семен Михайлин стал директором, а потом именно они, Михайлины, и их товарищи, такие же молодые учителя, объединили сельскую молодежь. Были учителя людьми веселыми, умели попеть, потанцевать, прочесть стихи, и как-то так, само собой, случилось, что к ним потянулись все, кому было скучновато и тоскливо в зимние вечера, когда в полях завывает ветер и недальний лес шумит уныло и тре-

области. Ее знают тысячи людей и говорят о ней почтительно: «Наша Александра Сергеевна».

Когда мы приехали в Брынь, нам сразу же сказали: «Вам надо обязательно познакомиться с Александрой Сергеевной Лаврик, библиотекарем. Жаль только, что сейчас Александры Сергеевны нет, она вызвана на совещание в Министерство культуры, в Москву. Ну, а библиотеку можно посмотреть, пожалуйста».

Шестьсот сорок постоянных читателей имеет библиотека, шесть библиотечных передвижек обслуживают окрестные села и деревни, семь тысяч томов книг находятся на ее полках. Кругом все чисто, прибрано, на всем лежит печать женской заботливости, душевного отношения к делу. Одиннадцать лет заведует библиотекой в Брыни Александра Сергеевна Лаврик, и все, что вы видите, создано ее руками при содействии библиотечного актива почти на пустом месте.

— Да разве она только библиотекарь? — сказал председатель колхоза Мишин и растопырил пальцы на руках, чтобы вести счет: — Редактор стенгазеты «Колос», руководитель художественной самодеятельности, депутат сельского Совета и член исполкома, член сельского женсовета, член областного женсовета, член президиума областного профсоюза работников культуры, агитатор на двух животноводческих фермах...

— Не много ли для одного человека?

— Не много,— ответил председатель,— она у нас богатырь. Познакомитесь — убедитесь сами.

На другой день мы встретились с Александрой Сергеевной Лаврик. Она только что вернулась из Москвы, возбужденная, радостная, полная впечатлений. Ее окружили односельчане и спрашивали, как там, в Москве, где была, что видела. Александра Сергеевна еле успевала отвечать на вопросы, но весь ее вид говорил, что она очень довольна поездкой. Еще бы! Побывала в Ленинской библиотеке, в музее, в Доме литераторов, в театре...

Мы увидели перед собой женщину лет сорока, очень живую, энергичную, но такую маленькую, что, казалось, ее может сдуть ветер. Вот так богатырь! Посмеялся над нами председатель!

Но потом, когда разговорились с нею, то поняли, что председатель был прав. Действительно, большая, горячая сила заложена в этой женщине. Любое дело, за которое она берется, кипит и спорится в ее руках. Она любит людей, и люди льнут к ней. Она не представляет, как можно час просидеть без дела. Выходные дни? Да нет у нее выходных дней, и, собственно, на что они? Сына вырастила, он в армии, тоже энтузиаст-культурник. Она им довольна: пошел по стопам матери. Когда чувствуешь, что приносишь людям пользу, и живется радостно.

Она, кроме прочего, и агитатор на животноводческих фермах. Можно, конечно, прийти, провести беседу о текущем моменте и уйти. Только от такой беседы, пожалуй, мало проку. Она, агитатор, сама надевает телогрейку, резиновые сапоги и работает вместе с животноводами, стараясь ни в чем не отставать. А беседа возникает попутно, непроизвольно, без всяких докладов, не по программе, а от души: что спросят, на то и отвечаешь, если не спрашивают, сама заведешь речь. У нее на фермах не слушатели, а друзья.

Мы разговаривали с Александрой Сергеевной в библиотеке, за столом, заваленным книгами. Александра Сергеевна заполняла пригласительные билеты, отпечатанные на машинке. На них было написано: «Уважаемый товарищ! Приглашаем Вас на беседу «Поведение молодежи в быту и общественных местах». Просим Вас прийти в сельскую библиотеку к 9 часам вечера».

Брынская библиотека стала центром общественной жизни села. Вот что может сделать сельский библиотекарь, такой, как Александра Сергеевна Лаврик.

Директор брынской школы Юрий Романович Кувшинов и его жена Антонина Андреевна Кувшинова давно живут и работают в Брыни. Он-то сам брынский, а жена приезжая. Ему, конечно, положено любить Брынь, но и Антонина Андреевна прикипела сердцем к здешнему краю, да так, что и не оторвешь.

— В селе очень хорошо работается,— рассказывала она.— Некоторые мои товарищи по институту жалели меня, думали, что я здесь скисну. А тут, напротив, испытываешь чувство удовлетворения от своего труда, жизнь кажется наполненной до краев. В школе ребята учатся старательно. Никаких таких «городских» вывертов здесь не наблюдается. Все заняты — если не уроками, то работой по дому, на школьном участке. В головы дурь не лезет — некогда. А для учителя в селе — огромный простор. Идут люди за советом, за справкой, за помощью. Приходится быть и юристом, и лектором, и воспитателем не только детей, но и взрослых. Вот сейчас затеяли превратить нашу Брынь в образцовое село. Дело хлопотливое, нелегкое. И нам, учителям, приходится не только объяснять и разъяснять, но и самим показывать пример. Я в сельсовете председатель культурно-бытовой комиссии. Работа эта как будто и невидная, но кропотливая, отнимает немало сил. Однако, когда видишь, как бабка Агафья выполола бурьян у своего дома, и посадила цветы в палисаднике, и навела чистоту в доме, и все повеселело вокруг,— радуешься. Потому что раньше бабка Агафья считала, что тараканы—к счастью, что без грязи никак не проживешь. Вы же знаете, какой раньше была калужская деревня... У нас сейчас только одна изба осталась под соломой, хоть показывай ее как музейную редкость.

Юрий Романович присоединился к нашему разговору:

вожно. Организовалась в Охотном самодеятельность, да не какая-нибудь доморощенная, хилая, а на широкую ногу: хор, драмкружок, оркестр. Семен Михайлин играл на баяне по слуху. Пришлось взяться за нотную грамоту, осилить ее: одного слуха не хватало. Стали артистов из Охотного приглашать в соседние села, в Сухиничи, даже в Калугу; всюду имели они успех: уж очень здорово играли, пели, плясали, прямо как в настоящем театре. Состав исполнителей не был, конечно, постоянным: та, глядишь, уехала учиться, другая вышла замуж, третий ушел в армию. Но вместо них являлись новые, и дело продолжалось. За несколько лет прошло через самодеятельность сто двадцать человек, закрепились и работают в настоящее время двадцать.

Это ведь только легко рассказывается, а сколько труда надо было вложить Михайлиным и их товарищам, чтобы научить своих артистов давать радость людям! Ведь народ теперь пошел разборчивый: он и радио слушает, и телевизор смотрит, и в города выезжает. Но у Михайлиных горел жар в сердцах. Они хотели, чтобы Охотное жило хорошо, чтобы не скучала молодежь, тянулась к свету да и старики со старухами не томились бы по запечьям.

Маленький домик супругов, взобравшийся на пригорок, виден издалека: над домиком — телевизионная мачта, сами поставили: учителям надо быть всегда «в курсе». Домик окружен цветами, в комнатах чистота, опрятность; баян, верный друг, отливает серебром и перламутром, развалился на столике, как барин; кругом книги, много книг, ноты. Теплом веет от жилья Михайлиных. Видно, что живут здесь люди дружно, когда никакое дело не страшно, все ладится и спорится.

Нет таких клещей, которыми можно было бы вытащить из Охотного Семена и Любовь Михайлиных.

Семен Михайлин так и сказал:

— А нам лучше Охотного ничего и не надо.

Вот потому и говорит народ, что с такими, как Михайлины, милыми, простыми, приветливыми, с чистым сердцем людьми «жизнь видней».

5

Хороши брынские леса и лесные предместья: поляны, заросшие цветами, полные ягод, света и радужных красок, луга с их душистым разнотравьем, тихие речки, то бурлящие на камнях, то как бы заснувшие в зелени берегов.

Но мы ездили в Брынь не для того, чтобы полюбоваться природой. Природа здесь отличная. А, к слову сказать, где она безрадостна: даже пустыня имеет свои прелести!

Председатель брынского колхоза Георгий Денисович Мишин все время допытывался у нас: «Товарищи, для чего вы к нам приехали, а? Наверное, меня ругать?» «Да за что вас ругать, Георгий Денисович, хозяин вы отличный».

Мы никак не могли втолковать милейшему Георгию Денисовичу, что ругать его вовсе не собираемся, а приехали для того, чтобы посмотреть, как живут люди в Брыни, в тех местах, где царит величавая зеленая краса. Судьба каждого из этих людей, о которых мы рассказали, достойна не краткого очерка, а стихов и повестей.

ОГНЕННЫЕ ЦВЕТЫ

Николай Иванович Демиров — один из лучших металлургов Ждановского завода имени Ильича.

В здании размером с Дворец спорта в Лужниках — гигантские черные стальные сосуды. Они глухо гудят и выбрасывают вверх каскад оранжевых искр. Это работают мощные кислородные конвертеры — агрегаты, в которых чугун продувается струей кислорода и превращается в сталь.

Работающий конвертер издали напоминает фантастическую вазу с огненным цветком. Этот цветок полыхает огнем всего полчаса. Затем он как бы убирается в черную горловину, и гигантский сосуд медленно клонится горловиной вниз. Из конвертера устремляется в ковш солнечно-яркий поток металла.

Весь процесс превращения сотни тонн чугуна в сталь продолжается в конвертере полчаса. А ведь в классических сталеплавильных агрегатах — мартеновских печах — варка стали продолжается нередко 12 часов. Огромная разница в темпах!

Важно и то, что стоимость сооружения цеха с мощными конвертерами на 35 процентов ниже стоимости строительства мартеновского цеха той же производительности. В новых цехах каждые два металлурга дают столько же металла, сколько три металлурга в мартеновском.

На ноябрьском Пленуме Центрального Комитета КПСС товарищ Н. С. Хрущев подчеркнул: «Наука и практика давно доказали, что кислородно-конвертерный способ производства стали более экономичен, чем мартеновский. Он позволяет в короткие сроки при меньших капитальных и эксплуатационных затратах намного увеличить выплавку стали, при этом сталь по качеству получается не хуже мартеновской».

Когда идет продувка чугуна кислородом, конвертер выбрасывает с потоком ревущего газа огромное количество тепла. Раскаленные газы, устремляясь к крыше здания, проходят сквозь сложный лабиринт труб, по которым течет вода. Это так называемый котел-утилизатор. Тепло тут не пропадает зря, а нагревает воду. Даровым теплом конвертерного цеха можно обогреть город с 50-тысячным населением.

Цехи, в которых скоро запылают огненные цветы, растут во многих районах страны. Первый гигантский конвертерный цех в прошлом году вступил в строй действующих в городе уральских металлургов — Нижнем Тагиле. Затем начал работать такой же исполин на Ждановском заводе имени Ильича. Сооружаются кислородно-конвертерные цехи на Криворожском, Новолипецком, Челябинском, Западно-Сибирском и других металлургических заводах страны.

Много добротного металла требуют стройки большой химии, энергетики, машиностроения. И с каждым годом будет нарастать поток высококачественной конвертерной стали.

Советские металлурги достойно встречают свой праздник — День металлурга.

В. ПАРФЕНОВ

ВЫСТАВКА Дм. Бальтерманца в Лондоне

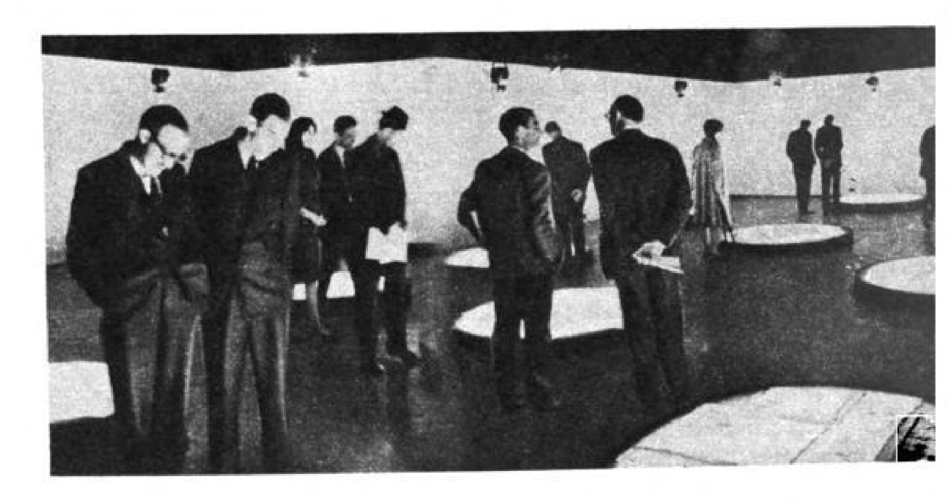
Жизнь в Советском Союзе. Выставка работ советского фотографа Дмитрия Бальтерманца — так гласили афиши, расклеенные по Лондону.

В центре города, рядом с площадью Пикадилли, в помещении Цейлонского чайного центра, две недели экспонировалась выставка работ фотокорреспондента журнала «Огонек».

Выставка организована обществом «СССР — Великобритания» и фотосекцией при Союзе обществ дружбы с зарубежными странами. Она была ответной на состоявшуюся в прошлом году выставку известного английского фотографа Иды Кар.

Фоторассказ о жизни и людях нашей страны привлек внимание лондонцев и обеспечил успех выставки. Много записей, говорящих о большом интересе к нашей стране и чувствах дружбы к нашему народу, оставили посетители в книге отзывов.

Организаторы выставки в Великобритании предоставили Дм. Бальтерманцу возможность совершить поездку по стране и сделать фотографии, рассказывающие о жизни в Англии.

ЗЕМНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Пять дней напряженной борьбы, пять дней оваций зрителей. Звезды советской гимнастики демонстрировали свое мастерство, боролись за право стать членом сборной олимпийской команды Советского Союза. Мы можем поздравить победителей — ветерана Софью Муратову и молодого Виктора Лисицкого: Кубок СССР по гимнастике у них!

Пожалуй, победа нашей женской команды в Токио не вызывает сомнений. Я разговаривал с Латыниной и Муратовой, говорил с Астаховой, Маниной, Волчецкой, Алексеевой. Все они полны решимости — не отдать соперницам золотых медалей. Наши спортсменки — это очень сплоченный, волевой коллектив. А о мастерстве и говорить нечего!

Великолепную подготовку продемонстрировала, например, чемпионка страны в упражнениях на бревне Е. Волчецкая. Ее выступления отличает исключительная уверенность, молодой задор и темперамент.

...Наши женщины, наши звезды. Они очень земные — с их заботами, тревогами, радостями. Надо было видеть, как аплодировал зал, когда Софья Муратова прямо с помоста побежала на трибуны, где заплакал ее маленький сынишка.

Ну, а что же наши мужчины? Вывод один: команда подготовлена отлично.

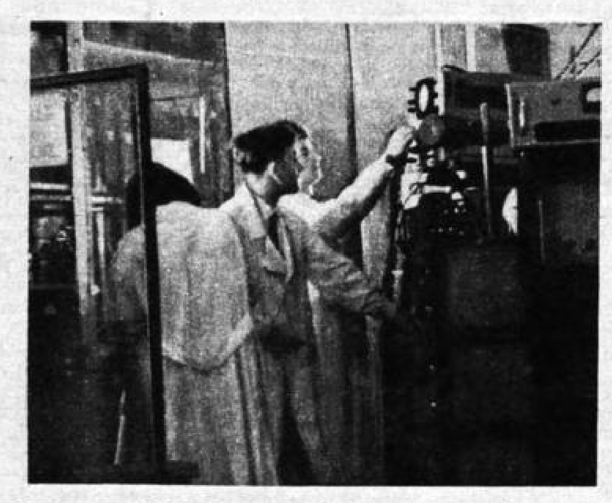
В хорошей форме сейчас Ю. Титов, Б. Шахлин, В. Лисицкий, В. Леонтьев. Не отстают от них и Ю. Цапенко, П. Столбов, В. Кердемелиди.

А что же будет в Токио? Аджат Ибадулаев, наш старейший гимнаст, заслуженный тренер СССР, заметил: «Борьба будет жестокой, но нашим ребятам пальца в рот не клади!» Лучше не скажешь.

Л. КУЛЕШОВ

Выступает Елена Волчецкая.

Вот оно — НСО физико-математического факультета.

Елена ЛЕБЕДЕВА
Фото А. Узляна.

ПРИБЫЛЬ ОТ НСО

Новый телескоп.

Гамлета играют на английском.

Спор о прекрасном.

Ужгород... Его невозможно представить себе без юношей и девушек с конспектами в руках. Они сидят за столиками маленьких кафе; торопясь на занятия, они пробегают по набережной, останавливаются у афиш филармонии и длинных книжных прилавков на Театральной площади. Это студенты Ужгородского государственного университета. В год его основания, в сорок пятом, их было всего сто шестьдесят. А сегодня их — очников, заочников, вечерников — семь тысяч.

Университет рос, и город постепенно отдавал ему лучшие дома. Никогда раньше не было в Ужгороде вуза — откуда взять огромное здание? И получилось: тенистая Октябрьская улица — университет; шумная площадь Корятовича — университет; бывшая полицейская школа — опять университет. Это, наверное, не очень удобно, но сразу создает точное ощущение: университет всюду, это часть города, его лицо, его гордость.

Ужгородский университет молод. Но он совсем такой же, как МГУ или Сорбонна: шумно в коридорах и тихо в лабораториях. Слушают лекции и сдают зачеты, любят книги, музыку, спорт, театр, спорят о жизни, пишут стихи... Но я хочу рассказать об НСО, о научном студенческом обществе.

За бывшим дворцом епископа в 1960 году построили новое здание — кафедру строения вещества. Там бетатрон. Занятия кончаются к семи. Студенты остаются. Желающих проводить у бетатрона 24 часа в сутки много больше, чем может вместить кружок НСО. И всем им, как Володе Морозову, ясно: самое интересное на свете — изучать строение материи.

На горе Кальвария думают иначе. Здесь Ужгородская станция оптических наблюдений. Ее создали энтузиасты, когда полетел первый спутник. На станции всего четыре штатных единицы. Остальные — студенты НСО. И каждую ночь тут наблюдают за спутниками.

НСО Ужгородского университета шестнадцать лет. На сессии этого года его девять секций представили около двухсот докладов. Отпечатанная в типографии программа этой научной студенческой сессии являет собой толстую брошюру. Откроем ее.

«Вміст витаміну Е у крови хворих різними формами атеросклерозу» — это медики; «Братерські зв'язки трудящих Закарпаття з трудящими Закавказзя» — это историки; «Фрозологізми в оповиданиях Дж. Лондона» — студенты филфака.

Последние — народ вовсе одержимый. Хотя — никаких тайн мироздания в награду за упорнейший труд. Зато — научные конференции на иностранных языках да еще с синхронным переводом. Шекспира ставят по-английски, Мольера — по-французски. Часто можно видеть такое: стоят девчонки, болтают по-французски (или по-испански), и никому их секретов не подслушать.

Вот какое в Ужгороде НСО. А теперь займемся счетом.

НСО не просто форма организации студенческой энергии вообще. Это молодые люди, которые не ждут, пока им выдадут диплом и назначение в научно-исследовательский институт, чтобы заняться наукой. Они стремятся работать сегодня же. Поэтому велика прибыль. От слова «прибавить». Прибавить обществу.

Ее можно сосчитать и в рублях — договорные работы, выполненные на бетатроне, подробные анализы минеральных вод Закарпатья, изучение микрофлоры грунтов под виноградниками...

Но не все можно перевести в рубли. А ведь ребята из школы № 1, узнавшие на не запланированном никакими программами уроке эстетики о мастерах пейзажа, разговорный кружок английского на заводе, опубликованные в журнале «Народное творчество и этнография» новые песни, редкое дерево в университетском ботаническом саду, опекаемое студентами-биологами,— тоже прибыль.

Но самая главная прибыль от научного студенческого общества — сами студенты. Пусть пока их достижения очень скромны, их нельзя назвать гордым словом «открытие». Они не просто узнают что-то дополнительно к программе. Они работают. Им доступна величайшая человеческая радость — творчество.

Опаздывают на репетицию...

Звучат коломыйки... Филолог Ваня Хланта записал их более трех тысяч.

А это — вне программы НСО.

Один из будничных дней в Лас Вегасе, американской столице азартных игр. Люди со всех концов страны с маниакальным упорством нажимают на рычаги игорных автоматов. Многие в перчатках. Не из-за стремления к элегантности или гигиенических привычек, а просто потому, что на руках у них мозоли. Пытаться разбогатеть на игорном автомате — нелегкий физический труд!

Внезапно к банкомету за столом, где играли в блэкджек, американскую разновидность двадцати одного, склонился боксерского вида швейцар. На лице банкомета отразился ужас.

— Немедленно принять меры!

В зал вошел Эдвард О. Торп, профессор математики из университета штата Нью-Мексико, высокий мужчина тридцати одного года, со спортивной выправкой.

Его появление сеет панику среди банкометов и крупье.

Дело в том, что профессор не может проиграть. Более того, он не может не выиграть. Он не плутует, не играет краплеными картами. Он изобрел первую в мире систему, помогающую ему всегда выигрывать в очко. По его собственным подсчетам, если бы ему не мешали играть и все на земле можно было обратить в ставки, он выиграл бы землю со всем, что на ней находится, от казино до вулкана Килиманджаро, ровно за восемьдесят дней. Но так как не все на свете можно поставить на кон и многое мешает профессору, ему, как правило, удается заработать не более нескольких десятков тысяч долларов в год.

Во всяком случае, его аккуратный дом, типа ранчо, с отличной лужайкой вокруг и весьма солидный счет в банке были рождены не в лаборатории, а за зелеными игорными столиками.

* * *

Эдварду Торпу пришла в голову мысль, что очко — вовсе не игра, построенная лишь на случайности. Дело в том, что колода карт после каждой сдачи не перетасовывается и с каждой сдачей вероятность того, что в ней остались определенные карты, увеличивается. Нужно было лишь следить за уже сданными картами. Торп пришел к выводу, что некоторые карты лучше для игрока, другие — для банкомета.

Увы, скоро Торп увидел, что для анализа всех 34 миллионов вариантов расклада карт ему понадобится по меньшей мере 34 миллиона лет, а так как даже при своей самоуверенности на такую продолжительность жизни он не рассчитывал, Торп готов был бросить мечты о завоевании американских казино.

В 1959 году он поступил работать в Массачусетский технологический институт. И снова сделал попытку раскусить очко. День за днем, ночь за ночью сидел он за столом, глядя на колоду карт, и в голове, по его собственным словам, «носились смутные, неясные мечты о богатстве». Однажды после ста часов почти беспрерывной работы он понял, что не сможет разработать даже самой упрощенной схемы.

Назавтра один из его коллег мимоходом заметил, что Торп имеет право пользоваться большой электронно-счетной машиной института. Торп подпрыгнул от внезапно пришедшей в голову мысли. Он, правда, ничего не понимал в программировании машин, но быстро освоил его. Задал машине 10 тысяч человеко-лет работы, и машина справилась с задачей.

Исчерпывающий анализ показал, что действительно существуют карты, которые увеличивают шансы игрока, и есть карты, которые увеличивают шансы банкомета. Шансы на получение той или иной карты действительно колебались с каждой новой сдачей, и, учитывая вышедшие карты, можно было с абсолютной точностью рассчитать свои шансы заранее. Торп разработал несколько основных стратегических правил, запомнить которые не составляло ни малейшего труда.

Оставалось поставить эксперимент, но у Торпа не было даже денег на дорогу, не говоря уже об игре. Пришлось пока написать статью об открытии, содержание которой он изложил в 1960 году на заседании Американского математического общества. Агентство Ассошиэйтед Пресс немедленно сообщило о докладе, и телефон Торпа накалился от беспрерывных звонков со всех концов страны. Сотни людей предлагали войти с ним в долю, чтобы атаковать казино.

* * *

...Сам Торп так описывает появление своего партнера, которого он ни разу до этого не видел: «Внезапно я заметил огромный «кадиллак» небесно-голубого цвета. За рулем сидела роскошная блондинка в норковой шубке. Рядом с ней сидела другая столь же очаровательная девица. Машина остановилась, и обе девушки вышли из нее. Только тогда я увидел своего компаньона. Это был крохотный старичок-гномик, сидевший между своими «племянницами». Так, во всяком случае, он представил мне своих спутниц».

Итак, коалиция, состоявшая из профессора математики, двух блондинок и богатого гномика, отправилась в город Рено — знаменитый игорный центр.

Сдерживая волнение, Торп сел за стол. Стратегический план требовал, чтобы он в этот момент сделал крупную ставку. Математику вдруг стало страшно, тем более что деньги были не его. Он положил на стол триста долларов. Выиграл. Через минуту он выиграл уже восемьсот. К концу дня вокруг него стояла гигантская толпа, и, раскрыв рты, люди смотрели на чудовищную груду фишек возле его локтей. Выигрыш составил семнадцать тысяч долларов. Теперь он знал, что может проиграть раз-другой, но, вставая из-за стола, он всегда должен быть в выигрыше.

Впервые в жизни у Торпа появились деньги. Но очень скоро он стал проигрывать. Он не мог понять, в чем дело. Он не мог проиграть и все же проигрывал. Тогда он привез с собой Мики Мак Дугалла — специалиста по шулерам. Конечно, как только перед банкометом оказывался человек, который выигрывает, тот сразу же начинал жульничать. Недаром банкометы в американских казино получают отличные оклады. Так империя азарта США повернулась к Торпу еще одной стороной. Тогда профессор изучил всевозможные виды жульничества за карточным столом и научился мгновенно определять, когда банкомет плутует. Он снова стал выигрывать, но теперь во всех казино швейцары получили строжайший приказ: немедленно поднимать тревогу при появлении профессора математики и сажать за стол перед ним самых опытных шулеров.

Торп то отращивает бороду, то сбривает ее. Он останавливается в отелях под вымышленными именами. Он носит очки. И он по-прежнему выигрывает...

* * *

Вся эта история напечатана в журнале «Лайф». И когда читаешь о Торпе и его подвигах в казино, невольно испытываешь двойственное чувство. Он решил трудную математическую задачу, и это решение окажет влияние на целый ряд математических проблем, меньше всего связанных с игрой в очко.

Но вместе с тем нельзя отделаться от неловкого чувства за Эдварда О. Торпа. Профессор математики в казино. Банкомет пытается обобрать его. Он — банкомет. Гангстер и вышибала стоят на одной доске с профессором.

З. ЮРЬЕВ

Записки следователя

А. РОМАШОВ

— Взгляните-ка на это постановление,— сказал мне прокурор Вересаев, когда я вошел к нему в кабинет.

Придерживая роговые очки, он внимательно рассматривал какой-то документ.

— И когда суды перестанут либеральничать? — горячился Вересаев.— Вы, конечно, помните это нашумевшее дело о группе преступников. Среди них был Чепузов, по кличке Пека. Областной суд изволил сократить ему срок наказания наполовину и освобождает по указу об амнистии! И это грабителя!

Я прочел постановление президиума областного суда об освобождении Чепузова. Да, есть от чего горячиться Вересаеву. Я хорошо помнил, как расследовал это дело, и тут же представил себе парня со шрамом, прикрытым челочкой, развязного, наглого, чуть ли не с гордостью рассказывавшего о своих похождениях.

Даже тени раскаяния не было на лице Чепузова ни во время следствия, ни на суде. За что же суд милостив к этому преступнику?

— Скажите, а почему, собственно, этот документ у вас? — обратился я к Вересаеву.— Ведь жалобы Чепузова у нас не было, протеста мы тоже не приносили. Почему суд направил постановление нам, в прокуратуру, а не в колонию? Покажите конверт.

— Конверта нет,— ответил Вересаев.— Эту бумагу принесла мать Чепузова. Она сейчас в коридоре.

— Попросите ее зайти попозже. А я — быстро в суд. Вернусь, все обсудим.

В суде выяснилось, что приговор остался без изменений, дело в президиум областного суда не высылалось. Пожалуй, зря Вересаев ругал суды за либерализм.

Скорей обратно! Чепузова была еще в прокуратуре и сидела на диванчике в коридоре.

В кабинет вошла пожилая сгорбленная женщина, на лице ее были красные пятна, выдававшие волнение.

— Я не понимаю,— заговорила она,— что вам тут неясно? В бумаге же сказано: с учетом указа об амнистии освободить. А то я жаловаться буду...

— Пелагея Васильевна,— перебил я ее,— скажите, когда и как вы получили этот документ?

— Вчера, по почте.

— А конверт у вас не сохранился?

— Зачем он мне? Выбросила.

— А кто жалобу по делу сына писал?

Собеседница насторожилась.

— Адвокат писал. Я сама малограмотная.

— Тот, что защищал вашего сына?

— Нет... Сейчас не помню, какой...

— Вот дело вашего сына, в нем ни жалобы, ни постановления, которое вы нам передали. Расскажите, где вы взяли этот документ?

Минуту длилось молчание.

— Где?.. Один адвокат дал. Сказал, что Николая освободят...— глядя в пол, говорила Чепузова.

— Сколько вы ему заплатили?

— Пока только пятьсот... Остальные пятьсот я должна вручить, когда Николай домой вернется.

— Где вы виделись с этим адвокатом?

— Он домой ко мне приходил.

— А где он сейчас?

— Не знаю...

Пришлось разъяснить Пелагее Васильевне, что она стала жертвой мошенника. Женщина заплакала.

— Мне и самой казалось: тут что-то не так. Ведь я на суде была, все слышала, что натворил мой Колька. Но сын он мне...

* * *

Оживленная площадь большого города. Снуют пешеходы, автомашины. Сквозь толпу пробираются мужчина и женщина. Они подходят к дому с вывеской «Областной суд». Останавливаются, оглядываются по сторонам и идут к табачному ларьку, что стоит невдалеке от подъезда здания.

Женщина берет из рук мужчины бумажку и прячет в сумочку.

Проходит пять, десять минут.

— Здравствуйте, вы уже здесь? — вдруг обратился к ним человек в сером пальто и с кожаной папкой в руке.— Сейчас прибудет! — произнес он и важно зашагал к подъезду суда.

Тут же к дому подкатила «Волга». Из нее вышел грузный мужчина и направился к входной двери.

Человек с папкой подошел к нему, они о чем-то поговорили и, посмотрев в сторону ожидавших у табачного ларька, скрылись в подъезде.

— Ну, что я тебе говорил? — сказал мужчина женщине.— Видишь, дело-то двигается. Теперь ты поняла, что он действительно знаком с председателем суда?

Не успели они дойти до трамвайной остановки, где должны были ждать человека в сером пальто, как он сам догнал их у перехода улицы.

— Идите сюда,— позвал он.

Они вошли в ворота ближайшего дома.

— Вот вам, товарищ Савельев, обещанное. Все в порядке, можете убедиться.— Человек в сером пальто протянул лист с напечатанным на машинке текстом и с круглой печатью.— Это стоило мне большого труда. Дело запутанное, сложное, и добиться освобождения вашего сына мне было нелегко. Сами понимаете...

— Мы, конечно, понимаем и отблагодарим,— сказала женщина и дернула мужчину за рукав.

Тот расстегнул пальто, достал

ЧНЫЙ пакет

Рисунок Ю. Черепанова.

из бокового кармана сверток, хотел было его развернуть, но человек с папкой остановил его.

— Нет, нет! Что вы! Я вам верю.— Он поспешно сунул сверток в карман пиджака и ушел.

А эти двое все еще стояли в подворотне, перечитывая бумагу, ради которой они проделали длинный путь и заплатили большие деньги.

* * *

Центральный городской почтамт. У закрытого окошечка о чем-то оживленно беседуют трое.

— Нет, ты скажи точно, дорогой, это верное дело? — говорил один, держась за лацкан зеленого пиджака.

— Да имейте же вы терпение,— с улыбкой отвечал высокий.— Я все время слежу за своим почтовым ящиком. Курьера еще нет.

Вдруг лицо его стало серьезным. Он подался вперед. Все трое увидели, как к индивидуальным почтовым ящикам подошел курьер в форменной одежде, внимательно осмотрел номера и в один из ящиков опустил конверт.

— Спокойнее. Ждите меня здесь.— Высокий уверенно пошел к ящику, открыл его ключом и изъял конверт.

Потом все трое вышли на улицу.

Шофер такси видел в смотровое зеркало, как тугой сверток, завернутый в газету, перекочевал из портфеля одного из пассажиров в кожаную папку, а конверт из папки перешел в руки владельца портфеля. Вскоре пассажир с папкой вышел. Шофер удивился, что никто при этом не сказал ни слова.

* * *

— Товарищ Ильин, можно к вам? — тяжело дыша, спросила Чепузова.

— Входите, входите. Что случилось? От кого вы бежали?

— Товарищ Ильин, я только что видела того адвоката.

— Говорите скорей, где вы его видели?.. Нет. Лучше пошли. Расскажете на ходу.

Мы вышли из прокуратуры.

— Заходил он в буфет, что около вокзала,— сказала Чепузова.

— Вы не ошиблись?

— Нет.

— Такси!

Мы помчались к вокзалу. В пути Чепузова рассказала мне, что она от вокзала до прокуратуры ехала трамваем, да еще с пересадкой. Я почти не надеялся на успех поисков.

Вот и буфет. Зашли. Адвоката там не оказалось. Что же предпринять?

— Пелагея Васильевна! Скорее на вокзал! Зайдите в залы, посмотрите у касс. Одним словом, всюду, где могут быть пассажиры. Если что — сразу идите в комнату дежурного по вокзалу. Я его предупрежу.

В железнодорожном отделе милиции я описал со слов Чепузовой внешность разыскиваемого и попросил оказать помощь. В мое распоряжение дали нескольких работников милиции.

Сам я обошел перрон, заглянул в вокзальный ресторан. Не знаю, что меня побудило зайти в комнату для депутатов Верховного Совета, но, открыв дверь, я остолбенел от неожиданности.

За столом, перебирая бумаги, сидел человек в зеленоватом костюме, серое пальто висело на спинке кресла, кожаная папка лежала на диване.

Он заметил мое замешательство. Положение было критическим. А вдруг ошибка? Ведь это комната депутатов.

Я вошел, сел за соседний стол, стал просматривать газеты. Тот как бы невзначай бросал на меня испытующие взгляды. Потом собрал свои бумаги, положил в папку и принял позу дремлющего. Однако веки его предательски дрожали.

Двое мужчин, находившихся в комнате, поднялись и направились к выходу. Тут спящий вскочил и бросился к выходу впереди этих двоих. Те остановились и невольно преградили мне дорогу. Выбежав на улицу, я успел заметить, как он спрыгнул с перрона и побежал по путям. Беглецу преградили дорогу два милиционера.

Чепузова опознала его, но задержанный упрямо твердил, что он впервые видит эту женщину.

При обыске ничего, кроме билета до Москвы и 80 рублей, не обнаружили. Папка исчезла, как мы ее ни искали. Паспорт был на имя Василия Сергеевича Кокарева.

На допросе Кокарев заявил, что в этом городе он проездом. Едет в Москву по делу.

— Это — поручение моего близкого друга, причем интимного характера, и говорить о нем я никому не могу,— спокойно сказал он.

— Почему вы пытались скрыться от меня на вокзале? — спросил я.

— Ничего нет странного. Я задремал. А когда посмотрел на часы, увидел, что опаздываю на поезд. Вот и побежал.

Конечно, все это звучало наивно, но опровергнуть его слова пока было нечем.

В камере хранения вещей на имя Кокарева не оказалось. Я уж начал сомневаться: не ошиблась ли Чепузова? Или, может быть, она выдумала адвоката, не желая сказать правду?

Однако последующие события насторожили нас.

...Судья Нина Александровна Соловьева подготовилась к приему и в ожидании первого посетителя прошлась по комнате.

Город курортный, шумный, вопросов тьма: то с дачниками споры, то мелкое хулиганство.

В дверь приемной постучали.

— Войдите,— сказала секретарша Зина.

— Примите пакет. Срочный.

Курьер в фуражке с эмблемой, с яркими петлицами на кителе протянул Зине большой конверт.

— Распишитесь в получении.

Зина вошла в кабинет судьи.

— Нина Александровна, срочный пакет.

Судья вскрыла конверт и быстро пробежала глазами документ.

— Зина, дайте мне карточку по делу Хармаца. Дело в мае рассматривали.

Просмотрев карточку, Нина Александровна набрала номер телефона городской прокуратуры.

— Геннадий Иванович? Загляните, пожалуйста, ко мне на две минуты. Срочное дело. Я бы сама к вам зашла, да сейчас прием посетителей начинается. Хорошо. Жду.

Она повесила трубку и повернулась к Зине:

— Вы получили это по почте?

— Нет, курьер принес.

— Раньше вы видели его?

— Нет, какой-то новенький.

— Если он придет еще раз, сразу же позовите меня.

Зина вышла. В кабинет вошел Геннадий Иванович.

— Вам и милиции придется срочно заняться вот этим,— обратилась к нему судья и протянула документ.— Это — постановление об освобождении Хармаца— бывшего директора курортторга. Здесь его отчество указано неправильно и обстоятельства дела искажены. Дело Хармаца я никуда не высылала, его никто в надзорном порядке не проверял. Понимаете?

* * *

Доказательств против Кокарева было очень мало. Уличала его только Чепузова. А почему ей нужно верить больше, чем Кокареву? Ведь она принесла фиктивный документ в прокуратуру, а не Кокарев.

Придется его сегодня освободить, хотя чувствуется, что не тот он человек, за которого себя выдает. Правда, он адрес друга назвать отказался, почему делал пересадку в нашем городе, тоже не объяснил. Но все это еще не нарушение закона.

С невеселыми мыслями направился я в милицию, где находился Кокарев. Пошел пешком, потому что хотелось немного оттянуть его освобождение и еще раз спокойно продумать все «за» и «против».

Для следователя не должно существовать мелочей. При расследовании все нужное, все главное. Иногда самая незначительная деталь может привести к разгадке. Так произошло и на сей раз.

При тщательном осмотре вещей Кокарева в кармане его пиджака нашли обрывок газеты, на котором обнаружили еле заметную запись, сделанную карандашом.

По нашей просьбе криминалисты восстановили текст: «СОВ. 54».

Во все крупные города и районные центры республики были посланы запросы с просьбой сообщить, имеется ли у них улица Советская и кто проживает в доме № 54. Один из ответов заинтересовал следователя.

...Ольга Ивановна Сомова — так звали женщину, у которой останавливался Кокарев. Она сказала, что вот уже несколько дней Кокарев не появляется в доме, и она не знает, как быть с его вещами.

В присутствии понятых мы вскрыли чемоданы Кокарева. В них оказались штампы, бланки, какие-то металлические коробки, краски, сургуч, типографский шрифт.

За подкладкой чемоданов обнаружили десятка два сберегательных книжек и много фотографий. Несколько найденных писем и записей говорили, что он действовал не один.

* * *

Вскоре удалось разоблачить всю группу мошенников. Была обнаружена подпольная типография, где печатались фальшивые документы, в основном об освобождении преступников. Для их сбыта организаторы группы привлекли нескольких проходимцев, которые выискивали легковерных ходатаев по делам своих родственников и одурачивали их.

При обыске у одного из соучастников Кокарева нашли форменную фуражку, китель с петлицами и курьерскую сумку. Конечно, курьером он никогда не работал.

Так вскрылись сцены с курьером на почтамте и в народном суде.

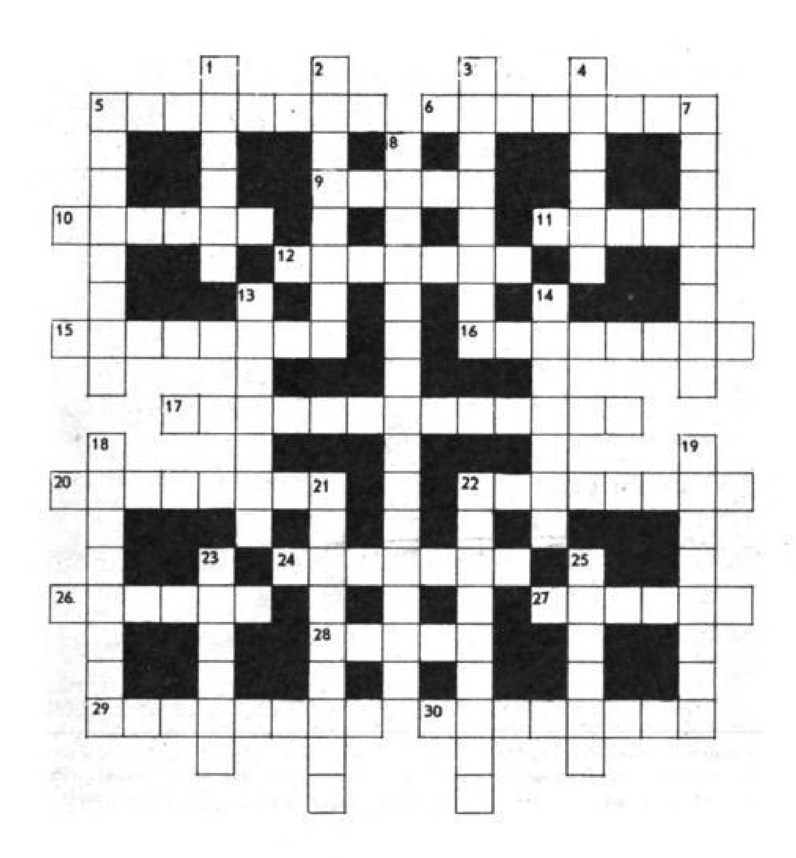
Мужчина и женщина, те, что хлопотали за сына, опознали среди дружков Кокарева и мнимого председателя суда.

С горечью и стыдом эти люди узнали, что явились невольными участниками спектакля, разыгранного мошенниками.

А закончилась эта история в зале суда, где преступники получили по заслугам.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Исследователь Дальнего Востока. 6. Кровельный материал. 9. Зеленый покров земли. 10. Игра в мяч. 11. Тетрадь для рисунков, фотографий. 12. Остров в Средиземном море. 15. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 16. Искусственное увлажнение почвы. 17. Коренное переустройство. 20. Обломанные ветром, бурей сучья. 22. Режиссер и актер театра кукол. 24. Роман И. А. Гончарова. 26. Сплав меди с цинком. 27. Танец. 28. Документ на право льготного проезда. 29. Текст оперы, оратории. 30. Любитель, знаток старинных предметов.

По вертикали:

1. Горячий источник. 2. Элементарная частица. 3. Герой сказки А. Н. Толстого. 4. Серый медведь. 5. Специальность ученого. 7. Древнегреческий философ. 8. Самопроизвольный распад атомных ядер. 13. Город в Казахстане. 14. Музыкальное произведение для сольного инструмента и оркестра. 18. Массовое гулянье. 19. Устное народное творчество. 21. Морская мера. 22. Вид эстрадного представления. 23. Ископаемая смола хвойных растений. 25. Свод законов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

4. Кунашир. 5. Галактика. 6. Координация. 12. Диккенс. 15. Лакмус. 16. Кузнец. 17. «Заря». 18. Огарь. 19. Страз. 20. Неон. 22. Шапито. 23. Африка. 24. «Кобзарь». 25. Конферансье. 28. Березовка. 30. Команда.

По вертикали:

1. Футляр. 2. Банк. 3. Ширина. 6. Красноводск. 7. «Искра». 8. Языкознание. 9. Земляника. 10. «Мизантроп». 11. Караван. 12. Динамик. 13. Свирель. 14. «Верочка». 21. Обзор. 26. Фарфор. 27. Невада. 29. Злак.

На первой странице обложки: Польша. Выступает ансамбль «Мазовше».

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Узбекистан. Ахмет Усманов доволен: хорош нынче урожай на поливных землях колхоза имени Свердлова.

Фото Я. Рюмкина.

Безнадежное начинание.

Тренировка.

Летние

А сейчас пойдем так...

НАХОДКА АРХЕОЛОГОВ

Вблизи строящейся Красноярской ГЭС археологами были найдены старинные глиняные горшки, украшенные сложным орнаментом. Ученые установили, что горшки принадлежали древним енисейцам, жившим пять тысяч лет назад. В этой посуде наши предки варили пищу, закапывая горшки в землю и обкладывая их горячими углями.

Г. Максименко, археолог

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. **Оформление Л. ШУМАНА.**

Жара жарой, а экзамены экзаменами.

●

Лето бывает раз в году. Может быть, за это мы его так любим. И ничего, что очень жарко,— перетерпим! У нас есть зонтики, шляпы и газеты, а в крайнем случае можно посидеть в тени или окунуться в речку. Зато впитаем солнца на целый год вперед. И потом зимой будем говорить: нет, лето — это все-таки здорово!

Фото Ю. Кривоносова.

картинки

Доверие.

Почти как в Арктике!

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ОХРАНА

В Лондонском парке св. Джеймса живет со своим семейством утка Джемина. Напротив находится Букингемский дворец. В хорошую погоду Джемина переходит через улицу в дворцовый парк, где прекрасный бассейн и, видимо, более вкусная трава.

Во время шествия утиного семейства через оживленную улицу все движение на ней останавливается. Обычно через улицу Джемину с потомством сопровождает полицейский.

ДРУЗЬЯ

На одной английской ферме после болезни ослеп пони. Бульдог Джейн стал его поводырем. Каждое утро собака отводит пони на пастбище, а вечером приводит в конюшню.

КУРЯЩАЯ БЕЛКА

Во Флоридском заповеднике (США) живет белка, которую кто-то научил курить. Для этой цели даже сделано нехитрое приспособление.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00714. Подписано к печати 15/VII 1964 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 960 000. Изд. № 1152. Заказ № 1866.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663